

ISSN 0042-8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В.Э. Багдасарян, С.И. Реснянский** — Поиск «масонского заговора» и кризис правой идеологии в предреволюционной России 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- С.И. Михальченко** — Фёдор Васильевич Тарановский ... 16

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Е.А. Суслопарова** — Советская Россия в 1920 г. глазами англичанки Этель Сноуден 34

СООБЩЕНИЯ

- П.С. Гребенюк** — Экономическая эффективность золотодобычи Дальстроя (1932—1956) 48
- И.А. Попп** — Крестьянская юстиция в пореформенный период 66
- В.Н. Рожков** — Происхождение названия Москва в контексте средневековой истории Волго-Окского междуречья 77

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

М.П. Беляев — У истоков прусского милитаризма	95
Н.М. Велиханлы — Еще раз о пределах Азербайджана в IX—X вв.	110

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Р.Н. Исмагилова — Эфиопия: история сомали	120
Н.Р. Гезалова — Заключение Туркманчайского мирного договора и политика Великобритании	134

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

А.В. Зотова — Советская система страхования в условиях Великой Отечественной войны	149
В.А. Поляков — История выселения революционера-помещика В.А. Аверьянова в 1925—1927 гг.	157
Т.А. Колосовская — Кавказский военно-исторический музей: от сохранения памяти к забвению	167

Поиск «масонского заговора» и кризис правой идеологии в предреволюционной России

В.Э. Багдасарян, С.И. Реснянский

Аннотация. В работе представлены результаты исследования распространения теории масонского заговора в российской общественно-политической мысли начала XX века. Выявляются факторы и источники формирования антимасонских представлений. Развитие данной теории определяется авторами исследования как реакция на происходившие в России системные трансформации и индикатор приближавшейся революции. Проводится классификация основных подходов по выявлению сущности масонского заговора. Отдельному рассмотрению подвергаются расследования, проведенные Департаментом полиции. Авторы приходят к выводу, что теория масонского заговора стала в начале XX в. важным составным компонентом идеологии российских правых.

Ключевые слова: Российская империя, масоны, масонский заговор, масонские ложи, антимиры, трансформации, правые, идеология.

Abstract. The work presents the results of a study on the distribution of the theory of the Masonic conspiracy in Russian social and political thought at the beginning of the 20th century. Factors and sources of formation of anti-Masonic representations are revealed. Development of this theory is defined by authors of article as reaction to the system transformations happening in Russia and the indicator of the coming revolution. Classification of the basic approaches to reveal the essence of the Masonic conspiracy is carried out. Investigations of a Masonic plot from Department of police are exposed to separate consideration. The authors come to the conclusion that the theory of the Masonic conspiracy became an important compound component in the ideology of the Russian right at the beginning of the twentieth century.

Key words: The Russian Empire, Masons, Masonic conspiracy, Masonic lodges, transformations, right, ideology.

Переломные эпохи в истории сопровождаются ломкой прежней, считавшейся традиционной, системы мировоззренческих координат. Эта

Багдасарян Вардан Эрнестович — доктор исторических наук, профессор, декан Московского государственного областного университета. E-mail: vardanb@mail.ru; *Реснянский Сергей Иванович* — доктор исторических наук, профессор Российского университета Дружбы народов. E-mail: s-r44@yandex.ru.

Bagdasaryan Vardan E. — doctor of historical sciences, professor, dean at the Moscow State Region University. E-mail: vardanb@mail.ru; *Resnianskiy Sergey I.* — doctor of historical sciences, professor of the RUDN University. E-mail: s-r44@yandex.ru.

ломка продуцирует формирование исторически и культурно варьируемых образов антимира. Антимир и воспринимался как источник генерирования разрушительных процессов. Концептуально происходящие трансформации находили выражение в теории глобального заговора. Политическим ответом на идентифицированный заговор являлась в случае доминанции соответствующих представлений организация сил по противодействию заговорщикам. Прямым следствием сформированной системы противостояния являлись прецеденты погромов предполагаемых представителей антимира ¹.

Исследованиям истории формирования образов антимира препятствовал переход авторов на одну из позиций, продуцируемых темой конфликта, — либо изобличителей теории заговора как общественной патологии ², либо ее адептов. Собственно же причины актуализаций теории заговора изучались в гораздо меньшей степени. Тем не менее, существует на сегодня достаточно широкий пласт исследований, акцентированных на реконструкции исторического контекста генерирования конспирологических доктрин и вытекающей из них радикальной политической практики. Особое внимание в этом отношении приковывалось к периодам позднего средневековья (охота на ведьм) ³ и фашизации Европы (доктрина и практика нацистского геноцида) ⁴. Дискурс теории заговора актуализировался исторически и в Российской империи в преддверии ее гибели, подтверждая тезис о связи процессов общественных трансформаций с ростом конспирологических настроений. Без учета этого дискурса как альтернативы революционной идеологии не будет должным образом понята и сама Российская революция. Однако до настоящего времени специального изучения теории заговора как направления общественно-политической мысли предреволюционной России не проводилось.

Новым образом антимира, предьявленным общественной мыслью Российской империи в начале XX в., стало масонство. Тот факт, что видные деятели Февральской революции и члены Временного правительства оказались масонами, только утвердило впоследствии сторонников теории масонского заговора в правильности своих идей. Их оппоненты обличали саму тему заговора как интеллектуальную патологию. В любом случае игнорирование дискурса о масонском заговоре, охватывающем достаточно широкий спектр изданий и группируемых вокруг них авторов, деформировало бы реальную картину умонастроений предреволюционной России.

Тематика масонского заговора мотивировалась, с одной стороны, утечкой информации из среды вольных каменщиков об учреждении в России лож Великого Востока Франции. Зачастую в качестве масонских организаций трактовались любые кружки, обращавшиеся к эзотерической и оккультной проблематике. В частности, широкое распространение в отечественной конспирологической литературе приобрела критика теософских обществ. Теософия преподносилась в качестве идеологии мирового правительства, унифицирующей все национальное и конфессиональное своеобразие ⁵.

С другой стороны, сказывалось влияние западной, прежде всего, французской литературы. «Мистификацией века» называл свои разоблачения масонства Л. Таксиль (Г.А. Жоган-Пажес). Он утверждал, что тайной доктриной масонских организаций является палладистс-

кий культ служения Люциферу. Папой всемирной масонерии определялся сатанист А. Пайк, управлявший организацией из штаб-квартиры вольных каменщиков в американском городе Чарльстоуне. Реликвиями культа назывались книга «Апондо», написанная зелеными чернилами самим Сатаной, идол — существо с козлиной головой — Бафомет и череп гроссмейстера тамплиеров Ж. де Моле. Тамплиеры идентифицировались предшественниками масонов, и отсюда выводилась их месть монархии и церкви за разгром средневекового ордена. Но в 1897 г. автор шокировал аудиторию признанием в преднамеренной фальсификации. Тем не менее, основные тезисы Таксиля стали неременным постулатом антимасонской литературы ⁶.

По инициативе аббата Ж. Турмантена в 1897 г. в Париже был создан «Антимасонский комитет» и журнал «Обличение франкомасонства», а аббат де ля Рив возглавил «Антимасонский совет Франции». Турмантэн выступил консультантом российского Департамента полиции по проблеме изучения масонства, и на его высказывания, как априорные свидетельства, ссылались многие отечественные правые издания ⁷.

Антисемитскую направленность литературы по масонской проблематике обуславливала социальная атмосфера, созданная «делом Дрейфуса». Российские конспирологи традиционно уделяли большое внимание французской печати, заимствуя как теоретические построения, так и фактическое содержание ⁸.

Истоки концепции масонского заговора в России можно обнаружить еще XVIII веке. Тайный характер масонских лож вызывал мнение о них как о заговорщиках и некой темной силе. Обогатившее русский язык слово «фармазон» стало использоваться как синоним для обозначения всякого безбожия и вольнодумства. Характерное восприятие масонства как антихристового воинства иллюстрируется в обнаруженных С.В. Ешевским виршах XVIII в. под названием «Изъяснение несколько известного проклятого сборища франк-масонских дел» ⁹. Строфы из другого антимасонского сочинения гласили:

«Полны лжи ваши законы
Оказались, франк-масоны,
И в том тайность ваша есть,
Счет шестьсот шестьдесят шесть» ¹⁰.

В проповедях против масонства выступила группа представителей ортодоксального духовенства — Арсений Мацевич, Гедеон Криновский, Кирилл Флоринский, предостерегавших от контактов с категорией «скотоподобных, безбожных атеистов, отступников, раскольников...» и против «нрава и ума эпикурейского и фреймасонского» ¹¹.

Но вплоть до XX в. антимасонские настроения не находили воплощения в форме системных взглядов, если не считать записок, адресованных на имя Николая I А.Б. Голицыным и М.Л. Магницким, обличавших заговор ордена иллюминатов ¹². Отсутствие отечественной антимасонской литературы в XIX в. объясняется фактическим исчезновением масонства как значительного общественного явления, произошедшего вследствие запретов лож в 1822 и 1826 годах. Характерно, что склонный сам к объяснению истории происходящих общественных процессов через призму теории заговора М.Н. Катков, рецензируя в 1881 г. роман А.Ф. Писемского «Масоны», писал, «что

в описываемую автором эпоху русское масонство почти уже не существовало, как таковое, а сохранялось лишь, как предание в лице... нескольких отживающих уже свой век людей»¹³. Показательно также развитие взглядов А.С. Шмакова, в сочинениях которого конца XIX в. масонская тематика еще отсутствует, а в работах, вышедших во время первой русской революции, является основной¹⁴. То же можно сказать о масонской тематике в творчестве кн. В.П. Мещерского.

Противопоставление эзотерического и экзотерического компонентов масонской идеологии позволяло апробировать предположение о существовании расхождения между профанической и тайной масонскими программами. Существование эзотерического аспекта учения выглядело подозрительно. Если есть некоторые программные положения, не подлежащие разглашению, следовательно, их сокрытие может быть мотивировано антиобщественным характером образа мысли и деятельности. Исследователь западных еретических учений профессор Киевской Духовной академии А.И. Булгаков (отец знаменитого русского писателя) пришел к выводу: «Редкое из явлений исторической жизни, — в сущности своей окутано такою таинственностью, как франкмасонство. Можно перечитать множество книг, написанных для ознакомления с ним; можно переслушать рассказы десятков лиц о нем и все-таки не быть в состоянии дать ответ на вопрос: что же такое франкмасонство? Несомненно только то, что это есть тайное общество людей, и тайное не потому, что оно скрывает свою деятельность от взоров людских, нет! Оно тайное потому, что оно скрывает сущность своих целей и средства к достижению их»¹⁵.

Создаваемая масонами мировая система рассматривалась как антимир, противостоящий традиционному миру. Прежние институты — религия, монархия, община — определялись как препятствия реализации масонской доктрины, и потому программными задачами масонства виделось их повсеместное разрушение. Как правило, в качестве основных институтов, на разложение которых была сориентирована деятельность вольных каменщиков, российскими правыми назывались христианская церковь и монархия. Один из руководителей Русской монархической партии Шмаков писал: «Масонство есть тайное сообщество, которое скрывает не свое бытие, а цель, что гораздо умнее. Оно лишь “упражняется в добродетели”, тогда как, в действительности, его основная задача — разрушение тронов и алтарей. Руководящие средства — разложение государственных и социальных устоев, внутренней и внешней обороны других народов»¹⁶. Писательница С.Д. Толь (дочь министра внутренних дел Д.А. Толстого), опираясь на текст послания прусского короля Фридриха Вильгельма II саксонскому курфюрсту Фридриху Августу III, перечисляет следующие программные задачи масонства: «1) Уничтожить не только христианство, но и всякую религию. 2) Освободить подданных от принесенной ими присяги на верность монарху. 3) Внушить под названием “прав человека” своим последователям сумасбродные учения, идущие наперекор тому законному порядку, который существует в каждом государстве для охранения общественного спокойствия и благополучия; этим воспалить их воображение, рисуя им соблазнительную картину повсеместной анархии, для того чтобы они под предлогом свержения ига тирании отказывались исполнить законные требова-

ния власти. 4) Позволяют себе для достижения своей цели употреблять самые возмутительные средства, причем они особенно рекомендуют “акву тофану”, самый сильный яд, который умеют отлично готовить и учат этому приготовлению и других»¹⁷.

Масонство являлось организационной формой, которая наполнялась тем или иным содержанием, в зависимости от определения целевых установок масонского заговора. Основными его версиями выступали заговор религиозный, заговор национальный и заговор геополитический. Часто они объединялись в рамках единой концепции, но их дифференциация позволяет акцентировать различные векторы в идеологии правых.

На интерпретацию масонства как антихристианской организации («Синагоги Сатаны») повлиял ряд антимасонских заявлений представителей ортодоксальной церкви. В 1738 г. буллой папы Климента XII «*In eminenti apostolatus specula*» вольные каменщики осуждались как члены еретической секты, подрывающей христианские устои и общественный порядок. Верующим было запрещено вступать в ложи под угрозой отлучения от церкви. Впоследствии антимасонскую позицию Ватикана подтверждали римские понтифики Бенедикт XIV, Лев XII, Пий VIII, Григорий XVI и Пий IX. В 1884 г. папа Лео III выпустил энциклику, «утверждающую, что масонство — одно из тайных обществ», пытающееся возродить «традиции и обычаи язычников» и «установить царствие Сатаны на земле».

Среди русских правых масонство связывалось с антихристовыми силами, должны активизироваться в апокалиптические времена. На масонов переносился весь накопленный прежде пафос эсхатологической традиции.

В материалах по масонской проблематике, подобранных в Департаменте полиции, содержались следующие оценки: «Ближайшая цель масонских организаций — это борьба против “Суеверия” (что в узком смысле обозначает — против Римско-Католической церкви, а в широком смысле — против всякой господствующей церкви вообще) и против “Произвола” (то есть монархической власти и власти вообще). Масоны и в XX веке стремятся к достижению тех же идеалов над которыми трудились и в XVIII столетии. Как тогда, так и теперь конечная цель Вольных каменщиков состоит в восстановлении человека в его первобытных природных правах на равенство и свободу, нарушенных гражданскими и церковными законами. Каменщики обязаны стремиться последовательно, но неторопливо, нечувствительно, но настойчиво, по возможности без толчков, без потрясений, к отмене этих законов, и тогда исчезнут отдельные нации и наступит золотой век господства естественных прав и безграничного братства всех людей между собою. Символом такого идеального общественного и государственного устройства служит “Священная Империя”, всемирная республика в которой императором будет Разум, а правительство — собрание мудрецов»¹⁸. Графиня Толь усматривала цель масонства в создании интернациональной республики, управляемой мировым правительством избранных¹⁹.

В антиутопии религиозного писателя С.А. Нилуса перечислялись следующие пункты определения сути масонства: «1) Франкмасонство есть тайное сообщество христиан-отступников вместе с язычниками,

негласно руководимое вождями еврейского народа и имеющее целью разрушение Церкви Христовой и монархической государственности, преимущественно же христианской. 2) Франкмасонство есть анти-Церковь, или церковь сатаны, преддверие церкви грядущего анти-христа. 3) Франкмасонство есть “Вавилон”, “блудница великая, сидящая на водах многих”. 4) Франкмасонство есть “тайна беззакония”. 5) Франкмасонство есть продолжение на земле начатого на небе бунта сатаны против Бога»²⁰.

Графиня Толь, в духе рассуждений аббата Турмантена, преподносила масонство как пандемоническую организацию²¹. Она акцентировала внимание на исследовании заговора декабристов, изображаемых ею в качестве агентов мировой масонерии. Они являлись, прежде всего, масонами, а в силу этого заговорщиками, но не наоборот. Развенчание образа декабристов подразумевало дискредитацию истоков всего революционного движения России. В более широкой перспективе осуждалась европейская культура, внедрение элементов которой в Россию создало почву для реализации программы заговора. Подчеркивая негативный характер исторической миссии Петра I, которому приписывался импорт масонской системы, Толь, писала, что если он и прорубил в Европу окно, то «воздух в него влился гнилой... Ему, этому воздуху, мы обязаны и вольтерьянцами и московскими мартинистами и нашествием масонства на Россию»²².

Было выдвинуто несколько вариантов истории легендарного масонства до его официального возникновения в 1717 году. Масонская апелляция к легенде о строительстве Иерусалимского храма великим архитектором Адонирамом привела к разработке версии о возникновении масонства под эгидой царя Соломона. Повествование о строительных работах по возведению храма было интерпретировано как проект возведения мирового общественного здания. Сионские мудрецы — советники Соломона — разработали план глобального переустройства мира и создали организацию для его практического осуществления. Л.А. Тихомиров сообщал о дальнейшей судьбе ордена Сионских мудрецов, разделившегося на три союзные ветви, с резиденциями в Египте, Индии и Англии. Последняя из них и обнародовала факт существования масонства в 1717 году²³.

Один из ведущих идеологов «Союза русского народа» Н.А. Бутми пришел к заключению, что масонство возникло задолго до публичного его провозглашения в 1717 году. Им были изучены средневековые еретические организации. На основе этого изучения он обнаружил их генетическое и организационное единство. Ереси рассматривались, как попытка фальсифицировать христианское учение. Источниковой базой еретических учений служила, согласно Бутми, Каббала. Перед тайными обществами выдвигалась задача «разрушить религиозный, семейный, а затем и государственный уклад тех народов, среди которых они возникают»²⁴.

Масонству как антихристову воинству отводилась значимая роль и в объяснении современных смут некоторыми иерархами православной церкви. В «Настольной книге для священно-церковно-служителей» от 1912 г. преподаватель харьковской духовной семинарии С.В. Булгаков писал: «Напрасно думать, что масоны, особенно современные, просто филантропы, благотворители, мистики. Филантропия не

нуждается ни в тех страшных клятвах, какие требуются от вступающих в среду масонов новых членов, ни тех странных обрядов, какими сопровождается посвящение в мастера ордена. Главная задача масонов — уничтожение религии и, особенно, христианства во всем человечестве и ниспровержение всех христианских законодательств. Соответственно этой задаче они и стараются развращать христиан, поддерживать философов, мыслителей и писателей, которые подрывают христианство, возбуждать недовольство народа против правительства, устраивать и поддерживать все политические беспорядки и революции»²⁵.

Что касается национального заговора, то эта тема выражалась, прежде всего, в широком потоке антисемитской литературы. В соединении с масонской теорией заговора это выразилось через идеологию о «жидо-масонстве». «Жидо-масонский заговор» подразумевал не столько присутствие евреев в числе «вольных каменщиков», сколько подчинение последних тайным еврейским организациям.

Одним из первых апробировал концепцию масонского заговора, идейно подчинив его Еврейскому Синедриону, С.А. Нилус. Именно ему, как известно, приписывалось обнаружение и распространение Протоколов сионских мудрецов²⁶.

А.Д. Философов (его сочинение, по версии издателя, было написано в 1863 г. и обнаружено в бумагах тайного советника О.А. Пржещлавского, сын которого, А.О. Пржещлавский, опубликовал его в 1909 г.) предложил используемую впоследствии многими сторонниками теории заговора версию дешифровки масонской легенды об Адонираме. Он устанавливал скрытую иудейскую подоплеку мифологемы. При масонской инициации в каждой из степеней раскрывался один из аспектов легенды. Общим мотивом являлась месть иудаизма метафизически идейно восторжествовавшему над ним христианству, что и вменялось в задачу неопитов. С возрастанием степени посвящения антихристианская тема усиливалась, приобретая на высших ступенях сугубо inferнальное выражение. Резюме Философова сводилось к признанию исторической состоятельности тезиса о «жидо-масонстве»: «франкмасонский орден есть сила, солидарная иудейскому племени; стало быть, иудеи, или их могущественные союзники, в свою очередь готовят теперь христианам участь быть очистительной жертвой за дела своих предков»²⁷.

Типичным вариантом черносотенной версии теории «жидо-масонского» заговора является концепция А.Ф. Селянинова. Согласно ей, масонский след обнаруживается во всех революциях и социальных катаклизмах нового времени. Тактика заговора заключается ни в непосредственной организации переворота, а в манипуляции общественным сознанием в необходимом для вольных каменщиков направлении. «Открытые выступления масонов, — описывал он масонскую тактическую линию, — бывают редко и только тогда, когда они по расчетам могут действовать наверняка. Большею же частью на масонстве лежит единственная задача готовить эти редкие и быстрые как бы удары посредством долгих периодов пропаганды, обмана, подделки общественного мнения и постепенного воспитания умов в необходимом для их целей направлении. Масонство при этом не стесняется в способах, лишь бы все это всегда происходило скрыто»²⁸. На французском историческом материале Селянинов иллюстрировал стра-

тегию ордена по захвату власти. Противодействие масонским стремлениям оказывали: во-первых, традиционалистские симпатии народа, рупором которых выступало национальное собрание, что предопределило переориентацию программных задач масонов от возведения республиканских форм и монархической власти; во-вторых, династические интересы бывших масонских ставленников на престол, каковыми являлись, к примеру, Наполеон I и Наполеон III, вступавшие в противоречие с замыслами ордена, который посредством организации войн, сопровождаемых изменой, инициировал свержение обоих императоров.

Роль масонов в истории России сводилась, согласно изложению Селянинова, к организации ряда дворцовых переворотов (прежде всего убийства Павла I, проводившего антимасонский курс) и революционных выступлений по линии структурно зависимых от масонерии организаций — декабристов, петрашевцев, народовольцев и др.

Но само масонство не является, по оценке Селянинова, самодостаточной системой осуществления заговора. Масонская организация выступает, согласно ему, орудием в руках еврейских эзотерических структур. Заговор еврейства направлен на уничтожение институтов монархии и христианской церкви, что создает почву для пришествия иудейского Машиаха, то есть антихриста в прочтении христиан. В отличие от Западной Европы, в русской революции 1905—1907 гг. евреи, за отсутствием разветвленной масонской сети, выступили не через клеветов, а непосредственно, обнаружив тем самым истинный облик заговорщической пирамиды. Логика рассуждений Селянинова сводилась к следующему: «В качестве вывода из всего вышесказанного мы приходим к следующему математически точному уравнению... Две величины, порознь равные третьей, равны между собою и, следовательно, возникает вопрос: масонство и иудейство, не составляют ли также одно? Сила, руководящая масонством, не есть ли сила еврейская? Ведь если допустить, что торжество иудейства связано с мировой революцией и с утверждением мировой республики, то, сколько света было бы пролито на французскую революцию! Какой неумолимо логической последовательностью оказалось бы связано столько до сих пор необъясненных событий этой революции! Дух еврейства всегда будет антихристианским, ибо он — еврейский; он всегда будет антимонархическим, ибо только в республике возможно полное господство иудеев над коренным населением. Если допустить, что сила, руководящая масонством, есть сила еврейская, то понятна стала бы роль масонства во время французской революции, где оно явилось столь антимонархическим, столь антихристианским и вместе с тем оказалось столь преданным другом еврейства!»²⁹

Из персоналий Селянинов зачислял в масонство Маркса, Энгельса, Лассаля и Бакунина. Он подчеркивал несущественность расхождений Маркса и Бакунина, искусственное противопоставление которых составляет, с его точки зрения, план тайного замысла. Селянинов рассматривал «Интернационал» (именуя организацию «интернационалка»), как крупнейшее дочернее ответвление мировой масонерии. Ошибочная хронология истории «Интернационала», в частности, датировка выхода «коммунистического манифеста» 1851 г., свидетельствует о слабых фактических основаниях выводов автора.

Селянинов считал, что ядро посвященных манипулирует рабочими массами: «Рабочие, фанатизированные тайными обществами, эксплуатирующими их нищету, идут слепо на приступ общественного порядка. Они проливают кровь свою за масонскую шайку, о существовании которой даже не подозревают»³⁰.

Утверждение о еврейском засилье в масонстве противоречит имеющимся сведениям о персональном составе братств и принципах кооптации лож. Даже в справке, составленной директором Департамента полиции С.П. Белецким (которого А.Я. Аврех на основании показаний ЧСК неоправданно оценивал противником версии масонского заговора)³¹, определение «жидо-масонство» характеризовалось в качестве филологического абсурда. Белецкий в своем донесении писал: «Одно из главных и преднамеренных заблуждений этих господ состоит в голословном утверждении, будто бы масонство еврейского происхождения и создано еврейством для достижения их противохристианских целей и осуществления идеи всемирного еврейского засилья. Утверждают также, что в настоящее время деятельностью всемирного масонства руководит какой-то таинственный Сангедрин (Синедрион), который будто бы и направляет ее в смысле служения еврейским интересам. У нас этот предрассудок до того укоренился, что даже создан общепотребительный термин “жидомасонство”. Между тем, как изволите усмотреть из последующего, нет ничего более произвольного и исторически необоснованного, как это ходячее мнение»³². Тезис о жидомасонстве он считал исторически некорректным, поскольку в ложи долгое время принимали лишь свободнорожденных и полноправных граждан, к каковым не относили евреев. Вопрос о принятии последних в братства неоднократно обсуждался в XVIII — первой половине XIX в., но всегда разрешался в неблагоприятном для них смысле.

Масонская интерпретация концепции геополитического заговора зависела от определения центра пребывания международного тайного правительства. Направленность деятельности вольных каменщиков идентифицировалась с политическим курсом страны, классифицированной в качестве такового центра.

При этом единая точка зрения о государстве, являющемся концентрированным выражением масонской политики, отсутствовала. Вариации прослеживались в форме французской, английской и американской гипотез. Распространение первой версии объясняется генетической связью русского масонства начала XX в. с французскими ложами. Не случайно к французскому варианту склонялись аналитики Департамента полиции³³. Селянинов писал о Франции как об «очаге масонства»³⁴.

Аналитики департамента полиции усматривали главную угрозу России во французской масонерии. В правой газете «Земщина» в статье за подписью «Т», предлагалась следующая характеристика дифференциации масонских систем: «1. Германские масоны-мистики, сравнительно безвредные. 2. Масоны английских лож, ведущие разрушительную работу национального и религиозного духа чужих народов. 3. Совершенно подпавшие под власть иудеев масоны латинских лож и у себя, и в чужих государствах, вносящих разложение и порчу народного духа»³⁵.

Но в большинстве произведений довоенной антимасонской литературы страной, рассматриваемой как олицетворение масонской политики, называлась Великобритания, как место возникновения и пребывания ложи-матери, сосредоточение «регулярного» масонства. Н.А. Бутми писал о долговременном альянсе английского правительства и франкмасонства. «Мысль о мировом преобладании Англии при содействии тайного общества, преданного ее интересам, — развивал он свою мысль, — по-видимому, крепко засела в умах предприимчивых островитян, ибо франк-масонство с самого своего возникновения встретило в Англии сочувствие общества и покровительство монархов. С другой стороны, и тайные вдохновители, и незримые до поры времени инициаторы франк-масонства были всецело заинтересованы в том, чтобы оправдать надежды Англии и создать из этого государства твердую точку опоры, надежный приют и могущественную союзницу для тайного сообщества, которое должно было вскоре раскинуть сети свои на весь шар земной. Таким образом, получилось взаимодействие двух сил, преследовавших совершенно различные цели: масонство содействовало могуществу Англии, а Англия поддерживала масонство и способствовала его распространению в других странах на погибель этих последних и во имя своих интересов и корыстных целей. Однако, в последнее время, между двумя союзниками, дружно работавшими в течение трех столетий, начинается, по всем признакам, раскол, и недалек, быть может, тот час, когда Англии из сообщницы Темной Силы придется стать ее жертвою»³⁶.

Другие представители теории заговора считали различия между национальными масонскими системами не очень существенными. Философов ссылался на свидетельство одного из посвященных каменщиков: «Масонство не принадлежит ни к какой стране, его нельзя назвать ни французским, ни шотландским, ни американским. Оно не может быть ни шведским в Стокгольме, ни прусским в Берлине, ни турецким в Константинополе потому только, что оно там существует. Оно одно и всемирно. Оно имеет многие центры своей деятельности, но в то же время имеет один центр единства»³⁷. Геополитический заговор замещался в данном случае заговором против любых национальных государств.

В связи с обеспокоенностью масонской угрозой высших персон государственной власти России, тему заговора вольных каменщиков стали разрабатывать аналитики Департамента полиции³⁸. Источниковую базу для изучения этих разработок представляют материалы Государственного архива Российской Федерации (ф. 102. Департамент Полиции. Особый Отдел).

Метод сбора информации, основанный на изучении материалов правой периодической печати России и Франции, вызывает сомнение в должном уровне версификации выводов полицейских чинов. Непосредственное наблюдение за вольными каменщиками и перехват их корреспонденции не вывел охранное отделение на свидетельства о масонском заговоре. Но полицейские аналитики придерживались гипотезы о заговоре, полагая, что сведения о филантропии масонских обществ — лишь визуальная часть айсберга, вершину которого составляют темные силы заговорщиков. Задание по составлению исторической справки о масонстве было возложено на коллежского

ассессора Б.К. Алексеева. В России материалов, изобличающих заговорщическую деятельность масонов, им найдено не было. В 1910 г. Алексеев был командирован во Францию, где в основном компилировал аргументацию работ главы антимасонской лиги Ж. Турмантена. Очевидно, что перенесение полицейских методов исследования на историографию, при абсолютизации данного подхода, способно исказить в конспирологическом ключе представление о формах исторического процесса³⁹.

Жандармский подполковник Г.Г. Мец специализировался на изучении масонской эзотерики еще до парижской миссии Алексеева. Он выводил генезис масонерии из гностических антихристианских сект люцефиритов. В отличие от Философова, в легенде об Адонираме им устанавливалась гностико-каинитская подоплека осуждения Демигурга. Мец утверждал, что на высших ступенях посвящения легенда об Адонираме трансформируется в сюжет о гибели Ж. де Моле. Масонский орден как генетический преемник организации тамплиеров реализует программу мести христианской монархии и церкви⁴⁰.

Другой представитель полицейского ведомства, Л.А. Ратаев, исследовал проблему участия масонов в младотурецкой революции, полагая, что модель завоевания власти вольными каменщиками единообразна для Османской и Российской империй. В записке, поданной в Департамент полиции в 1913 г., он уличал в принадлежности к ордену ведущих политических деятелей кадетского направления и ряд крупных представителей художественной культуры⁴¹.

А.Я. Аврех в обосновании тезиса об отсутствии фактической основы для построения конспирологической концепции масонского заговора ссылается на показания Чрезвычайной следственной комиссии, бывшего директора Департамента полиции С.П. Белецкого. Правда, его предреволюционные оценки материалов Ратаева советский историк вырывает из общего контекста рассуждений автора. Белецкий действительно подвергал критике дефиницию о «иудо-масонстве» на основании незначительного представительства евреев в ложах. Но, вместе с тем, он поддерживал мнение об исторической реальности существования двух заговорщических доктрин и организаций — еврейской и масонской, иногда на практике переплетающихся между собой⁴².

Товарищ министра внутренних дел Белецкий представил записку о масонах в Особый отдел Департамента полиции в марте 1916 года. В ней рассматривалась закулисная масонская сторона франко-германских отношений в преддверии первой мировой войны. Прогерманским лоббированием французских масонов объяснял ее автор отсутствие побед армии Антанты на западном фронте. Представление записки совпало с началом немецкого наступления в ходе Верденской операции, что обуславливало соответствующее восприятие приводимой информации (синдром «измены союзников»). Подспудно проводилась мысль об угрозе масонских лож и для государственной безопасности России. С посланием Белецкого ознакомился в апреле 1916 г. новый директор Департамента полиции Е.К. Климович, который, судя по оставленному на полях замечанию, не только солидаризировался с ним во мнении о существовании масонского заговора, но и придерживался идеомифа ультраправых о «жидомасонстве».

Каких бы то ни было сведений о том, что записке был дан ход, нет, однако, она служит источником, иллюстрирующим умонастроения высшего российского чиновничества. Ощущая приближающийся крах империи и не желая признавать объективного характера данного процесса, оно обратилось к поиску закулисных механизмов мировой войны и связанных с ней социальных катаклизмов.

К сожалению, пожар в архивных фондах Департамента полиции в 1917 г. уничтожил значительную часть дел, посвященных масонской проблеме, что затрудняет проведение реконструкции исторических взглядов аналитиков полицейской службы.

Таким образом, теория масонского заговора в различных ее модификациях являлась важной компонентой общественно-политического дискурса в России начала XX века. Фактически она вошла в идеологию право-монархических организаций, отражая состояние мировоззренческого кризиса в условиях трансформационных вызовов. Хотя не все сторонники монархической государственности разделяли заговорщические теории, их влияние на правом фланге было значительным. Стоит отметить наличие в тот период всех компонентов дискурса, присутствовавших позже в Германии времен прихода к власти национал-социалистов. Имея в виду германский трагический опыт, соответствующая перспектива при переходе от дискурса к реальной политике существовала и в России. В этом плане Российская революция 1917 г. стала исторической альтернативой не только царскому режиму в его реальном состоянии, но и его потенциальной экстремальной версии, задаваемой вектором развития правой идеологии. Революционное насилие, безусловно, явилось трагедией для значительных групп населения. Но, надо иметь в виду, что на другом фланге уже обосновывалось применение насилия по другим критериям, и оно, по-видимому, было бы не менее кровавым. Борьба с классовым врагом могла быть заменена борьбой с врагом этническим, выход которой на уровень геноцидной практики был фактически программируем. Россия оказалась в той исторической ситуации, когда любой из реальных сценариев оказывался сопряжен с насилием и трагедией человеческих судеб.

Примечания

1. FEDULIN A., BAGDASARYAN V. Historical variability of anthropological models and categorical essence of human nature. *Bylye Gody*, vol. 28, iss. 2, p. 11—17.
2. ЧЕРНЯХОВСКИЙ Д.А. Глазами психиатра. В кн.: КОН Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах Сионских мудрецов». М. 1990, с. 220—246.
3. ГОРФУНКЕЛЬ А.Х. «Молот ведьм» — средневековье или Возрождение? В кн.: Культура Возрождения и общество. М. 1986, с. 162—171; Демонология эпохи Возрождения (XVI—XVII вв.). М. 1995; ОРЛОВ М.А. История сношений человека с Дьяволом. СПб. 1904; РОББИНС Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М. 1996; ТРАХТЕНБЕРГ ДЖ. Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом. М.-Иерусалим. 1998.
4. АЛЛЕНОВ С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х — начала 1930-х годов (Проблемы интерпретации). — *Полис*. 2003, № 4, с. 94—107; БАГДАСАРЯН В.Э., СУЛАКШИН С.С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М. 2017, с. 60—120; ГЕЙДЕН Г. Критика немецкой геополитики. М. 1960;

- ЛАКЕР У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон. 1991; ПЛЕНКОВ О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб. 1997.
5. КУДРЯВЦЕВ К.Д. Что такое Теософия и Теософическое Общество. СПб. 1914, с. 173—175.
 6. КРЫВЕЛЕВ И.А. Габриель — сатаноборец. М. 1978, с. 173.
 7. АКВИЛОНОВ Е. Иудейский вопрос. О невозможности предоставления полноправия русским гражданам из иудейского народа. СПб. 1907, с. 249.
 8. Там же.
 9. ЕШЕВСКИЙ С.В. Сочинения по русской истории. М. 1900, с. 173—175.
 10. Там же, с. 175; ПЕКАРСКИЙ П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. Репринтное издание 1869 г. СПб. 2009, с. 173; МАРТЫНОВ И.Ф. Масонские рукописи в собрании Библиотеки АН СССР. Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редких книг Библиотеки АН СССР. Л. 1978, с. 249.
 11. ПЫПИН А.Н. Масонство в России XVIII и первой четверти XIX в. Пг. 1916, с. 91.
 12. Два доноса в 1831 г. Всеподданнейшие письма кн. А.Б. Голицына и М.Л. Магницкого имп. Николаю I об иллюминатах. — Русская старина. 1899, т. 97, № 1—3.
 13. Русский вестник. 1881, № 151, с. 438—465.
 14. ШМАКОВ А.С. Сыны Иуды, или Чему не желают верить. М. 1897, с. 204; ЕГО ЖЕ. Свобода и евреи. М. 1906, с. 142—204.
 15. Современное франкмасонство (опыт характеристики). Киев. 1903.
 16. ШМАКОВ А.С. Международное тайное правительство. М. 1912, с. 204.
 17. ТОЛЬ С.Д. Ночные братья. Опыт исторического исследования о масонстве в Германии. СПб. 1911.
 18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 102. ДПОО. 1905, д. 12, ч. 2, пр. 4, л. 165; пр. 5, л. 14.
 19. ТОЛЬ С.Д. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб. 1914, с. 21.
 20. НИЛУС С.А. Близ есть при дверях. СПб. 1996, с. 90—91.
 21. ТОЛЬ С.Д. Ночные братья...
 22. ЕЕ ЖЕ. Масонское действо, с. 205.
 23. ТИХОМИРОВ Л.А. Христианство и политика. М. 1999, с. 329.
 24. БУТМИ Н.А. Каббала, ереси и тайные общества. СПб. 1914, с. 3.
 25. БУЛГАКОВ С.В. Православие. М. 1994, с. 472—473.
 26. Неизвестный Нилус. М. 1995.
 27. ФИЛОСОФОВ А.Д. Разоблачение великой тайны франк-масонов. М. 1909, с. 102.
 28. СЕЛЯНИНОВ А.Ф. Тайная сила масонства. СПб. 1911, с. 29.
 29. Там же, с. 129—130.
 30. Там же, с. 41.
 31. АВРЕХ А.Я. Масоны и революция. М. 1990, с. 180—181.
 32. ГА РФ, ф. 102. ДПОО. 1905, д. 12, ч. 2, пр. 6, л. 80.
 33. Там же, д. 12.
 34. СЕЛЯНИНОВ А.Д. Ук. соч., с. 4.
 35. ГА РФ, ф. 102. ДПОО. 1905, д. 12, ч. 2, пр. 3, л. 30.
 36. БУТМИ Н.А. Ук. соч., с. 277—278.
 37. ФИЛОСОФОВ А.Д. Ук. соч., с. 79.
 38. ЩЕГОЛЕВ П.Е. Охота за масонами или похождения асессора Алексеева. — Былое. 1917, № 4(26), с. 108—145; АВРЕХ А.Я. Ук. соч., с. 198—340.
 39. Окультизм России. Тайная война от Ивана Грозного до Николая II. СПб. 1999, с. 448.
 40. ГА РФ, ф. 102. ДПОО. 1905, д. 12, ч. 2, л. 45—132.
 41. Там же, д. 12, пр. 5, л. 264—281.
 42. Там же, ч. 12, пр. 6, л. 80—102; АВРЕХ А.Я. Ук. соч., с. 21.

Фёдор Васильевич Тарановский

С.И. Михальченко

Аннотация. Работа посвящена биографии известного российского историка, юриста, организатора науки и образования Фёдора Васильевича Тарановского (1875—1936). В ней рассказывается о его научной и педагогической работе в России (он учился и затем преподавал в Варшавском университете, преподавал в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, университетах Юрьева, Петрограда, Екатеринослава). После эмиграции в 1920 г. он многие годы проработал в Белградском университете в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии), внес большой вклад в изучение истории славянского, в том числе сербского права. Исследование подготовлено на основе преимущественно неопубликованных источников из российских и зарубежных архивов.

Ключевые слова: Ф.В. Тарановский, история права, Варшавский университет, Юрьевский университет, русская эмиграция, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Белградский университет.

Abstract. The work is devoted to the biography of the famous Russian historian, lawyer, organizer of science and education Fedor Vasilyevich Taranovsky (1875—1936). It tells about his scientific and pedagogical work in Russia (he studied and then taught at the Warsaw University, then taught at the Demidov Law Lyceum in Yaroslavl, universities of Yuryev, Petrograd, Ekaterinoslav). After emigrating in 1920, he worked for many years at the University of Belgrade in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Yugoslavia), has made a great contribution to the study of the history of the Slavic, including the Serbian law. This work was written based on mainly unpublished information from the Russian and foreign archives.

Key words: F.V. Taranovsky, history of Law, University of Warsaw, University of Yuryev, Russian emigration, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, University of Belgrade.

Научное наследие историка и юриста Фёдора Васильевича Тарановского давно и плодотворно используется в отечественном и зарубежном гуманитарном знании¹, его книги и статьи до сих пор переиздаются². Существует несколько посвященных ему биографических статей, основанных, в основном, на опубликованных источниках³. Задача на-

Михальченко Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: smikh10@mail.ru.

Mikhailchenko Sergey I. — doctor of historical sciences, professor at the Bryansk State University named after academic I.G. Petrovsky. E-mail: smikh10@mail.ru.

стоящего исследования — восстановить (преимущественно по архивным материалам) по возможности полно биографию ученого, уделяя основное внимание тем ее страницам, которые ранее не привлекали внимание исследователей.

Фёдор Васильевич Тарановский родился 12 мая 1875 г. в г. Плонске Плоцкой губернии Царства Польского. По сведениям послужного списка, он происходил из семьи потомственных дворян ⁴. По воспоминаниям близко знавшего Тарановского юриста и философа Е.В. Спекторского, его отец был духовного звания, «учился в сороковых годах в петербургской духовной семинарии, описанной Помяловским, который, как уверял старик, при этом сильно сгустил краски. Потом он поступил на военную службу и попал в корпус, который был отправлен на войну в Севастополь, но, дойдя до Одессы, почти поголовно заболел тифом и там застрял. Первым браком он был женат на немке, вторым на польке, от которой и родился Ф.В.» ⁵ Среднее образование Фёдор получил в 6-й Варшавской гимназии. Это была бывшая немецкая гимназия, где еще сохранялись телесные наказания. Она «помещалась на Краковском предместье в одном здании с третьей женской гимназией. Было два отдельных входа для гимназистов и гимназисток». Классы для мальчиков «были на четвертом (по русскому счету) этаже, классы для девочек — на третьем... Гимназический двор с трапециями, гигантскими шарами и другими гимнастическими приборами был предоставлен только гимназистам». Во время большой перемены в теплые месяцы там гуляли ученики. «А бедные девочки смотрели из окон на подвиги наших гимнастов, как средневековые дамы на рыцарские турниры» ⁶. Окончив гимназию с серебряной медалью в 1892 г., Тарановский поступил на юридический факультет Варшавского университета.

Варшавский университет, основанный в 1816 г., одно время был закрыт и восстановлен в 1869 г. как русский университет на польской (по этническому составу населения) территории. Основной задачей университета провозглашалась русификация студенчества. Юридический факультет, куда поступил Тарановский, кроме преподавания наряду с правовыми широкого спектра исторических дисциплин, отличался от других российских университетов еще и наличием особой кафедры славянских законодательств. Введенная по уставу 1863 г. во всех университетах, реально она существовала только здесь. В течение длительного времени ее занимал профессор Ф.Ф. Зигель ⁷. По воспоминаниям современника, он знакомил студентов со славянской, немецкой, французской и с английской научной литературой. «Первая часть его двухгодичного курса была посвящена обширному историко-философскому введению с характеристикой Гегеля, Спенсера и других авторов, а также периодизации истории славянского права» ⁸. В 1892 г. в Варшаву перешел профессором по кафедре истории русского права служивший до этого в Новороссийском университете Ф.И. Леонтович. «Он увлекался сравнительным методом и подробно излагал нам арийские основы европейской правовой культуры, — вспоминал учившийся годом позже Тарановского Спекторский. — Интересовался он и задругой у южных славян. В отличие от других своих русских коллег, он посвящал много внимания литовско-русскому праву» ⁹. По государственному праву лекции читал А.Л. Блок, отец поэта. Именно этих

трех ученых позднее называл Тарановский в качестве своих учителей. Сравнительный метод Леонтовича, широкая славяноведческая подготовка Зигеля и позитивистские по духу лекции Блока оказали влияние на формирование мировоззрения ученого.

Непосредственным руководителем первой студенческой работы Тарановского стал Леонтович. Именно по его предложению Тарановский в качестве темы сочинения, дающего право получения степени кандидата, выбрал историю магдебургского права на Украине. Магдебургское право к тому времени уже было предметом изучения в трудах В.Б. Антоновича, М.Ф. Владимирского-Буданова, А.Ф. Кистяковского, тем не менее, тема была достаточно актуальна, поскольку два основных исследователя доказывали диаметрально противоположные положения: Антонович настаивал на чужеродности магдебургского права для Украины. Именно оно, по мнению историка, привело города Украины к упадку. Владимирский-Буданов, исследовавший действие магдебургского права в городах Польши и Литвы, пришел к иному выводу: он считал, что основной причиной «падения» городов были их привилегии. Но так как привилегии получались городами при пожаловании им магдебургского права, то, фактически, оно оценивалось историком также негативно. Правда, Владимирский-Буданов не считал, как Антонович, что магдебургское право, ввиду его чужеродности, не применялось в славянских землях. Он думал, что право действовало. «Срединную» точку зрения высказал Кистяковский, полагавший, что магдебургское право действовало по польским книгам, но видоизменялось под влиянием местных обычаев ¹⁰.

В процессе изучения источников Тарановский фактически присоединился к точке зрения Кистяковского об использовании на Украине и в Белоруссии польских переводов текстов магдебургского права при известном влиянии местных обычаев ¹¹.

Общий итог исследования был таков: рецепция магдебургского права имела место, но осуществлялась не законодательным путем, а прецедентным, через судебную практику с использованием частных юридических сборников. Основанные на кропотливом источниковедческом анализе выводы Тарановского позволили занять его первой книге важное место среди трудов по истории магдебургского права ¹².

После успешного окончания университета молодой ученый был оставлен при кафедре истории русского права для приготовления к профессорскому званию. «Аспирантура» Тарановского продолжалась с ноября 1896 по январь 1899 года. План работы был весьма обширен, и фактически все время было потрачено на подготовку к магистерским экзаменам. Это привело к тому, что преподавать на родной факультет в 1899 г. Тарановский пришел, не имея степени.

Факультет «выбрал Тарановского на кафедру энциклопедии права с тем, чтобы после ухода Леонтовича в отставку, он занял кафедру истории русского права, очистив энциклопедию для меня», — уточнял позднее Спекторский. После первого года преподавания, в 1900 г., Фёдор Васильевич получил годичную командировку за границу. Однако поездка оказалась неудачной — в научную работу вмешались дела сердечные. Дело в том, что Тарановский ухаживал за дочерью помощника попечителя варшавского учебного округа Марией Николаевной Стефани, но не сделал ей предложение. Она уехала в Радом с

отцом, получившим назначение начальником учебной дирекции, а он — в заграничную командировку. Как вспоминал Спекторский, «через несколько месяцев он впал в меланхолию, вернулся в Варшаву и заявил факультету, что он хотел бы возобновить чтение лекций. Факультет отклонил его просьбу уже просто потому, что преподавание энциклопедии за особое вознаграждение было поручено на год кому-то другому. Тогда Тарановский поехал в Киев, чтобы заняться там подготовкой своей диссертации. Но работа и там не клеилась. Он обратился за помощью к какому-то монаху в Лавре. Тот оказался не столько мистиком, сколько психологом и посоветовал обратиться к профессору Сикорскому, специалисту по нервным болезням. Тарановский вернулся к отцу в Варшаву, привел свои нервы в порядок в одном загородном санатории и написал в Радом письмо М.Н. Стефани с предложением стать его женой. Она согласилась. И летом 1901 года они обвенчались в Радоме»¹³.

Молодые поселились в Варшаве со стариком-отцом Фёдора Васильевича. Чтобы пополнить свой скромный доцентский бюджет (96 руб. в месяц), Тарановский вел уроки истории в одном частном реальном училище и под псевдонимом Марвин помещал в «Варшавском дневнике» обзоры иностранных журналов. Кроме того, он работал над магистерской диссертацией, тема которой оказалась связанной с немецким правом. («Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии: историко-методологическое исследование»).

Преподавательская деятельность Тарановского в Варшаве продолжалась недолго — формально до 1906, а реально до 1905 г. (в этом году из-за бойкота студентами-поляками университет перестал функционировать как учебное учреждение и до 1908 г. существовал только как научное). Менее трех лет преподавал Тарановский энциклопедию права — после ухода Леонтовича по болезни и возрасту в отставку, с 1903 г. Тарановский перешел на его кафедру¹⁴. В октябре 1905 г. в Петербурге состоялась успешная защита диссертации, а годом позже Тарановский стал экстраординарным профессором Демидовского юридического лицея в Ярославле «вследствие известного распада Варшавского университета», как он писал Н.П. Павлову-Сильванскому¹⁵.

В Ярославль Тарановский поехал, видимо, без большого желания (позже он всегда подчеркивал свою приверженность западу России). Вначале он предполагал занять кафедру государственного права в Харькове. Но, несмотря на активную поддержку профессора Н.А. Максимейко, кафедра была отдана профессору Демидовского лицея Н.И. Палиенко, а Тарановский был перемещен на его место¹⁶. Вначале Тарановскому понравилось в Ярославле (около 80 тыс. жителей). Здесь «живется хорошо в душевном смысле, — писал он Спекторскому. — Здесь Вы чувствуете себя частицей великого, но несчастного народа. Сознаете обязанности нести в него свет. Говорю Вам не как увлекающийся юноша, а как муж, не утративший способности чувствовать, что я здесь перерождаюсь. Здесь грешно уклоняться от общественной жизни»¹⁷. Тарановский развил в Ярославле бурную научную и общественную деятельность. Он состоял членом правления общественной библиотеки, был вице-председателем архивной комис-

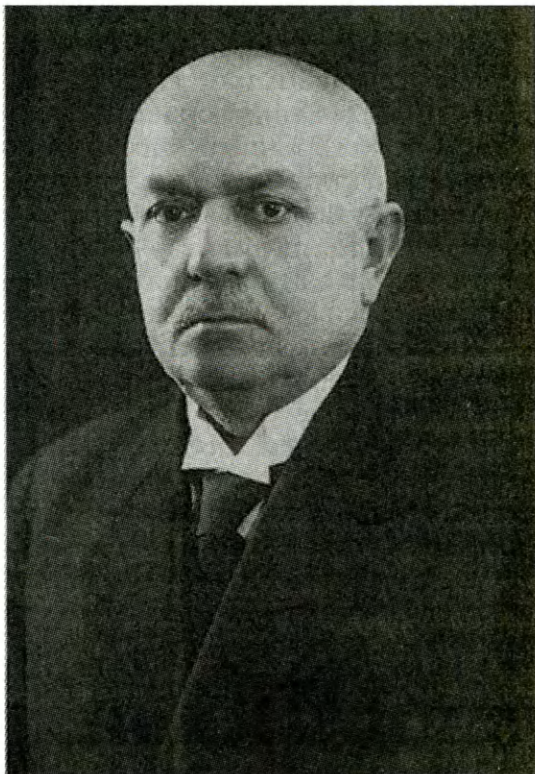
сии. «За дело это возьмусь горячо, — уверял он Спекторского, — пройду таким образом курс архивного дела»¹⁸. Действительно, археологическая работа Тарановского в этом городе была ознаменована серьезными достижениями: в 1907—1908 гг. вышли в свет собранные и прокомментированные ученым указные книги и дела Угличской провинциальной канцелярии 1719—1728 гг., куда вошли «наиболее интересные указы, челобитные и образцы делопроизводства»¹⁹. Кроме того, в Ярославле Тарановский активно сотрудничал с издававшимся лицеем журналом «Юридическая библиография», в котором поместил несколько рецензий, в том числе на книги Ф.И. Леонтовича, Павлова-Сильванского, Кистяковского, Спекторского, Н.А. Рожкова и др.²⁰.

Не остался Тарановский в стороне и от общественно-политических проблем своей эпохи. Несмотря на формальную беспартийность («Я не кадет и подробно мотивировал коллегам, почему на их предложение вступить в партию отвечаю отказом»²¹), сочувствовал этой партии («за напускным англоманством лучшие традиции найдете у кадетов»²²) и состоял сотрудником прокадетской газеты «Северная Речь», где напечатал две статьи о «лжеконституционалистах»: в одной из них нападал «на октябристов за блок с Союзом русского народа», а в другой — полемизировал, причем последняя статья даже «вызвала переполох среди местных октябристов»²³.

Тарановский соглашался с Кистяковским в оценке «творческих сил конституционализма» как «могучих». Он подчеркивал, что эти силы «поведут, несомненно, к дальнейшим “метаюридическим” преобразованиям нашей конституции (так он оценивал Манифест 17 октября 1905 г. — С.М.) при одном само собой разумеющемся условии — незыблемости самого конституционного принципа». Идеалом Тарановскому представлялось правовое государство, основанное на двух принципах — ограниченности государственной власти и единстве между этой властью и народом. Причем безусловным выводом из реализации этих принципов должно быть «развитие системы субъективных публичных прав» (поисками прототипов этих прав, как будет видно далее, он занимался и при изучении истории средневековых земских соборов)²⁴.

Но главным делом Тарановского — наряду с преподавательской работой — была подготовка докторской диссертации. Из писем Павлову-Сильванскому следует, что Тарановский предполагал написать ее очень быстро, рассматривая как труд обязательный, но не очень привлекательный. Вначале предполагалось посвятить второй том германской юриспруденции, но затем ученый остановился на сюжетах из истории французской правовой практики. Создание книги, посвященной анализу деятельности Парижского парламента в середине XVIII в.²⁵ было облегчено ежегодными поездками за границу, в частности, во Францию, в летнее каникулярное время. Тема диссертации была близка потребностям читавшегося в Ярославле курса государственного права и представляла собой если не сюжетное, то идейное продолжение темы магистерской работы: там речь шла о правовой системе в Германии накануне крушения абсолютизма, здесь — о французской юридической идеологии в такое же переломное время. Однако, как справедливо заметил О.А. Омельченко, «камерные»

исследования Тарановского скорее предугадывали большие методологические выводы, нежели напрямую их делали ²⁶. Это, впрочем, не помешало книге получить высокую оценку современной ей критики ²⁷. Автору была присуждена медаль М.Н. Ахматова Российской Академии наук ²⁸. Диссертация была защищена Тарановским только в 1911 г. так же как и магистерская — в Петербурге. В такой задержке сыграл свою роль новый переезд ученого: в 1908 г. он покинул Ярославль и уехал в прибалтийский Юрьев (Дерпт-Тарту), где освободилась кафедра истории русского права в связи с переходом в столицу избранного в академики профессора М.А. Дьяконова. В Юрьеве Тарановский проработал девять лет.

По сравнению с Варшавой и даже Ярославлем Юрьев был чрезвычайно мал и провинциален по духу. «Его можно в 30—40 минут пройти насквозь пешком... Он живет, главным образом, университетом: во время каникул, когда студенты разъезжаются по домам, жизнь города замирает». Профессора университета делились на занимающихся наукой и пренебрегающих ею. По воспоминаниям современника, преобладали вторые: они «увлекались лаун-теннисом, зимой посещали гимнастический зал, ходили друг к другу в гости, засиживались в венской кондитерской за кофе и за шахматами, некоторые занимались музыкой или театром... Вообще, тонуса научной работы не было» ²⁹. Частым явлением было назначение в Юрьевский университет профессорами магистров и даже магистрантов (то есть сдавших магистерские экзамены, но не защитивших диссертации), и «многие в таком состоянии и остались». Тарановский, как уже отмечалось, счастливо избежал участи «многих». После защиты диссертации он стал ординарным профессором, что давало возможность претендовать на кафедру в более престижном университете, чем Юрьевский. В 1912 г. министр народного просвещения Л.А. Кассо предложил Тарановскому перейти в Петербургский университет на кафедру энциклопедии права вместо покинувшего ее крупнейшего юриста Л.А. Петражицкого и тем самым вновь сменить специальность. Возможному переходу, казалось, должно было способствовать и то обстоятельство, что с января 1912 г. Тарановский уже читал лекции в Петербургском университете в качестве приват-доцента, два дня еженедельно проводя в столице ³⁰. «Утомили меня поездки в Питер настолько, что никак не могу избавиться от подавленности и апатии», — жаловался он Спекторскому ³¹. Причина этих еженедельных

«миграций» крылась, вероятно, в материальной неустроенности: к этому времени Тарановский был главой большой семьи — жена Мария Николаевна и трое детей: дочь Татьяна, сыновья Никита и Кирилл, а жалование юрьевского профессора было ниже, чем у петербургского или московского, по тем же причинам, что и ранее, в Ярославле: контингент студентов на юридическом факультете был значительно меньше, чем в столицах. Еще в августе 1910 г. Тарановский сетовал в письме варшавянину Спекторскому: «Ваш университет отнял у нас семинаристов, и существование у нас мизерное: принято всего около 70 человек на юридический факультет. Если Шварц не утвердит меня профессором на Бестужевских курсах, придется мне буквально положить зубы на полку»³². (Вначале выпускники семинарий могли поступать только в отдаленный Томский университет, в начале XX в. к нему добавились Варшавский и Юрьевский). Но, несмотря на все трудности, Тарановский ответил на предложение Кассо отказом. Формальной причиной было нежелание расставаться с исторической тематикой и неготовность к занятию столь сложной кафедры. На самом деле Кассо предлагал занять кафедру по назначению, а не по избранию, что сразу ставило Тарановского в оппозицию другим профессорам университета.

Через несколько месяцев, когда Тарановский был уже избран Советом Петербургского университета на эту, по-прежнему вакантную кафедру, Кассо его не утвердил в должности: сыграл свою роль отказ в начале года³³. А в 1913 г. Тарановскому пришлось под давлением попечителя учебного округа, которому непосредственно подчинялся университет, занять по совместительству вакантную кафедру энциклопедии права у себя в Юрьеве³⁴.

Итогом его деятельности как профессора был выход в свет в 1917 г. «Учебника энциклопедии права». Новым для учебной литературы по юриспруденции было особое внимание к экономическому воздействию на правовые системы. Это касалось, прежде всего, определения государства. К традиционному для правовой науки того времени определению государства как союза людей, «живущих на определенной территории и подчиненных единой политической власти», Тарановский добавил новую взаимосвязь между государством и обществом (Владимирский-Буданов, например, считал общество частью государства). Он полагал, что для государства целесообразно оставлять только «организацию властвования», которая создается «на почве общественных (социальных) отношений». Та или иная структура общества («социальная дифференциация») зависит, по мнению Тарановского, от хозяйственных потребностей «в обеспечении материального существования индивидов». Он еще раз подчеркнул — «накопление имущественных благ ведет к расчленению общества на отдельные общественные классы». При характеристике трудов экономистов, на которые ученый опирался, разрабатывая свою теорию социальной стратификации, наряду с М. Ковалевским и К. Лампрехтом значился и К. Маркс. Причем именно Марксу, по мнению Тарановского, принадлежало в середине XIX в. первое место в разработке учения об обществе³⁵.

Научная направленность идей Тарановского начала века распадается на две части: историко-правовую и теоретико-правовую³⁶. Обе части отвечали потребностям читавшихся профессором курсов — ис-

тории русского права и энциклопедии права. Исторические сочинения Тарановского производят впечатление глав готовившегося большого труда. Они, в свою очередь, могут быть подразделены на, во-первых, труды по истории права Древней Руси и Московского государства и, во-вторых, работы по истории России XVIII века. К первым относятся: обширная статья «Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии»³⁷, энциклопедическая статья «Земские соборы»³⁸, а также обширный отзыв (фактически — монография) о сочинении В.И. Сергеевича «Древности русского права», выдвинутый на соискание премии графа Сперанского (Юрьев, 1911). Следует упомянуть и многочисленные рецензии: на первые тома «Истории русской общественной мысли» Г.В. Плеханова³⁹, сочинение Б.Д. Грекова «Новгородский дом Св. Софии»⁴⁰, на труд Г.М. Бараца «Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией»⁴¹. Сюда же примыкает обширная историографическая статья с изложением взглядов М.П. Погодина «Норманнская теория в истории русского права» (Варшава, 1909). Второй раздел представлен несколькими работами, в том числе двумя статьями о Наказе императрицы Екатерины II («Политическая доктрина абсолютизма в Наказе императрицы Екатерины II»⁴², «Судьба Наказа императрицы Екатерины Второй во Франции»⁴³).

Тарановский не написал никакой большой, обобщающей исторической работы, не издан на русском языке и читавшийся им курс истории русского права⁴⁴. Несколько особняком стоит обширная статья Тарановского «Феодализм в России» (Варшава, 1902), написанная на основе доклада, прочитанного в Обществе истории, философии и права при Варшавском университете: предлагая для создания более адекватной картины явления дополнить юридическую концепцию Павлова-Сильванского результатами изучения экономической стороны феодальных отношений («только экономическое обоснование дает поднятому вопросу солидное и непоколебимое разрешение»⁴⁶), Тарановский, тем не менее, подчеркивал, что и «при экономическом изучении истории юрицизм не устраняется. Экономические факторы, — продолжал ученый, — это почва, на которой вырастают политико-правовые учреждения; их следует поэтому объяснять экономически, но конструировать можно их только юридически»⁴⁶. Дореволюционное научное наследие Тарановского, таким образом, весомо и разнообразно⁴⁷. (Несмотря на неоднократные заявляемые намерения, Тарановский так и не вернулся к изучению литовско-русского права).

Много волнений в размеренную жизнь ученого внесла первая мировая война. Вскоре после ее начала Юрьев стал прифронтовым городом, был поднят вопрос об эвакуации университета. В отличие от Университета Св. Владимира в Киеве, где такая же проблема была разрешена эвакуацией в Саратов на 1915—1916 учебный год, в Юрьеве положение осложнилось расхождением среди профессоров, где было немало немцев. Они желали остаться, большинство русских — уехать. Поиск места эвакуации не привел к однозначному выбору: предлагались Екатеринослав, Пермь, Екатеринбург, Уфа, Ярославль. Министерство агитировало за приуральский город, отдавая предпочтение Перми. Тарановский очень тяжело переносил саму мысль о необходимости переезда на восток России, склоняясь, скорее к Екатеринославу, который, по его мнению, «предлагает нам прекрасные, можно

сказать блестящие условия», либо, в крайнем случае, выбирал Тамбов или Воронеж ⁴⁸. В письме А.С. Лаппо-Данилевскому 3 февраля 1916 г. он писал: «Будучи насквозь человеком западным и нервным, я страшусь ссылки на дальний восток Европы и сидения в Перми, где заниматься наукой нельзя, учить будет некого и придется тянуть канитель истинно бюрократической видимости дела» ⁴⁹. 27 февраля 1916 г. Тарановский призвал на заседании Совета университета отсрочить эвакуацию в Пермь (именно этот город в итоге стал рассматриваться как наиболее вероятное место переезда), мотивируя свое мнение, во-первых, ненужностью краткосрочной эвакуации, так как через год ситуация на фронте, безусловно, изменится к лучшему, и во-вторых, плачевным примером Казанского университета, недобирающего студентов ⁵⁰. Речь Тарановского (наряду с выступлениями некоторых его коллег) возымела действие, эвакуация была отложена. Она состоялась (в итоге был выбран Воронеж) только в июле-сентябре 1918 г., когда город был занят немцами, и значительная часть оборудования поэтому осталась в Дерпте ⁵¹.

В том же 1916 г. Тарановский оформил себе прикомандирование на год к Академии наук, что позволило ему, оставаясь формально профессором университета, лекций в нем не читать, а жить в Петрограде и работать в архивах, так как целью прикомандирования была подготовка научного издания Устава Благочиния Екатерины II. Временное изменение статуса Тарановского произошло при помощи Лаппо-Данилевского. В феврале 1916 г. Тарановский писал ему в Петроград: «С августа-сентября я свободен, и мне нужно засесть за новую систематическую работу. Как я не размышлял, все же нахожу для себя подходящим сосредоточиться на истории русских политических учений до конца XVIII в. С этой стороны и так как я писал о наказе Екатерины II, для меня представляет большой интерес Устав Благочиния, как памятник просвещенного абсолютизма, то есть того политического течения, которое знакомо мне более других. Однако и Табель о рангах также для меня интересна, как конституционная хартия бюрократии, мимо юридической и политической идеологии которой мне все равно нельзя будет пройти. Поэтому выбор того или другого из указанных памятников для поручения мне подготовительных работ по его изданию всецело представляю на Ваше усмотрение. Для меня, в конечном счете, все равно, с какого конца войти в систематическую работу, лишь бы войти в нее». Тарановский был полон планов. «Считаю себя обязанным разрешиться от бремени разных продуманных тем, — замечал он в письме Спекторскому. — По окончании учебника энциклопедии (месяц работы) выпущу ряд этюдов по истории русского права» ⁵². В итоге был выбран Устав Благочиния, но работа над ним осталась неоконченной.

События Февральской революции, свидетелем которых он оказался в Петрограде, оказали сильнейшее морально-психологическое воздействие на Тарановского. 11 марта 1917 г. он выступил в Юрьевском городском театре «Ванемуйне» с публичной лекцией о текущем моменте. Ученый в своем выступлении поддержал революцию. По мнению Тарановского, причинами падения старой власти был подрыв ею правопорядка и измена государственным интересам России как внутренним, так и внешним. Задачей нового государства им объявлялась

война до победного конца, «но если народ заговорит, предложит мир — пойдем навстречу миру свободы. Но вместе с нашими союзниками. Сепаратного мира Свободная Россия не заключит»⁵³.

Несмотря на вторичное избрание в апреле профессором Петроградского университета, Тарановский в конце месяца вслед за ранее эвакуированной семьей уехал на Украину, где под Харьковом жили его родственники. «Нервы до того у меня издерганы, что не в состоянии теперь жить в одиночестве в Петрограде..., — писал он Лаппо-Данилевскому. — Должен непременно удалиться и от фронта, и от Петрограда, чтобы привести себя в порядок и восстановить полностью свою работоспособность»⁵⁴. Тарановский, конечно, не мог предвидеть события осени 1917 г., поэтому собирался возвращаться в Петроград для продолжения работы над Уставом. Но в столицу он, судя по всему, больше не вернулся.

Важный этап жизни и творческой деятельности Тарановского был закончен. Его имя прочно вошло в круг виднейших отечественных историков и теоретиков права, он приобрел известность в академической среде и популярность как критик.

1918—1919 гг. Тарановский провел преимущественно в Екатеринославе⁵⁵, где был избран деканом юридического факультета в только что открытом университете. Он занял в нем кафедру истории русского права, но предполагал переехать в Харьков и занять кафедру истории западно-русского права⁵⁶. В это время в Киеве среди местной интеллигенции рождалась идея создания украинской академии. Для этих целей 3—5 октября 1918 г. Тарановский находился в Киеве по вызову министра просвещения гетманского правительства Н.П. Василенко. Вначале Тарановский занял кафедру сравнительной истории права, позднее он был избран главой социально-экономического отдела. Однако его сотрудничество с академией ограничилось в основном перепиской и опубликованием позже нескольких работ в академических изданиях. (Из-за петлюровского наступления он не смог попасть в Киев на организационное собрание 26 ноября 1918 г.)⁵⁷.

Несмотря на трудности революционных лет, это время оказалось достаточно плодотворным в научном отношении. Тарановский вернулся к когда-то затронутому им сюжету и написал ряд объемных статей по частным вопросам истории польского права XVII века⁵⁸.

В июле 1919 г. ученый принял предложение войти в состав Особого Агитационного Отряда Отдела Пропаганды Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России. С отрядом он ездил на Кавказ и в Крым, где организовал курсы политического просвещения. В это же время он был, наконец, избран на искомую кафедру в Харькове, но, судя по письмам, колебался между поездкой в холодный зимний Харьков и переходом в Таврический университет в Симферополе⁵⁹. Захват Харькова большевиками побудил его отправиться в Крым. Встретивший его известный инженер и математик С.П. Тимошенко вспоминал, что Тарановский «переехал в Севастополь со всей своей семьей, привез даже няню и теперь совершенно растерялся — не знал, что предпринять». В конце концов, решили, что «нужно ехать в Югославию и там переждать время российской разрухи»⁶⁰. Переход в Константинополь на французском пароходе⁶¹ (причем, беглецы проживали в трюме) затянулся на три недели. Затем

последовали еще несколько недель пребывания в Турции, причем для обеспечения переезда в Сербию Тарановскому пришлось продать гимназическую и университетскую медали ⁶². И вот наконец весной 1920 г. он оказался в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) среди почти сорока пяти тысяч русских эмигрантов ⁶³.

Семья Тарановских поселилась в пригороде Белграда Земуне «в сыром одноэтажном доме», в котором «от сырости в столовой на стене было огромное пятно» ⁶⁴. Взаимоотношения вновь прибывших русских и местного населения были, в целом, равными. Как вспоминал внук Тарановского О.В. Жардецкий, «были группировки эмигрантов, которые дичились местных, подчеркивая свою русскость и исключали из своей среды иначе думающих, как и принимавших подданство. Но это было меньшинство и не очень заметное или значительное... Были и русские, которые за 20 лет не освоили сербскохорватский язык и покинули страну, его не зная. Но было немало среди приехавших молодыми, которые за эти годы совершенно осербились и перестали говорить по-русски. Смешанных браков было немало. Отношения складывались очень индивидуально и примеров близких, хороших, безразличных, плохих, а также враждебных можно найти много для каждой категории, даже в отношениях одного человека» ⁶⁵.

В отличие от других стран, в КСХС свидетельства и дипломы об образовании русских специалистов, полученные в России, военные звания, присужденные до Февральской революции 1917 г. и научные звания русских ученых считались имеющими законную силу. В 1920-е гг. только в Белградском университете работало 45 русских профессоров ⁶⁶. В нем обучалось 625 студентов из России, в Загребе — 285, в Любляне — 137 и на юридическом факультете в Суботице — 40. Кроме Фёдора Васильевича, как уже отмечалось, в КСХС приехали историки права М.Н. Ясинский и Г.В. Демченко; вместе с Тарановским в Белграде оказался и его друг Спекторский ⁶⁷.

Вот когда пригодилось изученное под руководством Леонтовича югославянское право — Тарановский сразу же был избран профессором кафедры истории славянского права Белградского университета. К этому моменту кафедра пустовала уже семнадцать лет после смерти занимавшего ее Д. Миошковича ⁶⁸. «Познакомившись с нашими коллегами по факультету, мы увидели, что имеем дело с молодым университетом в молодой стране, у которой не более двух поколений настоящей интеллигенции, — вспоминал о начале работы в университете Спекторский. — Факультет считался скорее школой чиновников, чем ученым учреждением. Преподаватели почти не интересовались теорией». В итоге, пустовавшая в связи с отсутствием специалиста 17 лет кафедра была замещена только благодаря появлению русских — Тарановского и А.В. Соловьёва. «И они занялись сильно запущенной историей сербского права. Тарановский давал синтез уже опубликованного материала, а Соловьёв стал искать новый материал в архивах и монастырях» ⁶⁹. В 1931 г. кафедра была переименована в кафедру истории национального права с обзором истории славянских народов ⁷⁰.

Студенты при, в целом, уважительном отношении к русским преподавателям, были мало настроены на изучение теоретического материала. Как метко отметил Спекторский, «трудно было возбудить

у них желание перейти от учебных занятий к ученым». Мемуарист вспоминал, что «Ф.В. Тарановский убеждал вместе со мной одного далматинца сосредоточиться на изучении истории права. Но ничего из этого не вышло. Еще не кончив университета, молодой человек уже устроился: стал одновременно секретарем народного университета и студенческого дома. Однажды молодые сербские ассистенты спросили Тарановского: не правда ли, наш факультет совершенствуется?» На это он ответил: «Нет; ничего из факультета не выйдет, пока на нем не появятся дураки, т.е. такие люди, которые вместо того, чтобы уже на школьной скамье строить расчеты о карьере и жирных суточных, будут просиживать ночи над научными проблемами или старыми грамотами». Однажды Тарановский принес на лекцию какую-то Хрисовулу. Когда он прочел ее начало — «во имя Отца и Сына и Святаго духа» — студенты расхохотались. И он их отчитал: «как вы не понимаете, что именно благодаря этим грамотам вы не потурчились, а остались сербами; и я, иностранец, должен вам это объяснять!»⁷¹

Уже в апреле 1920 г. в Белграде было создано Общество русских ученых КСХС во главе со Спекторским; товарищем (заместителем) председателя стал Тарановский⁷². Единство организации, однако, оказалось недолговечным — вскоре от Общества откололась часть его членов и образовала особую «академическую группу». Новая академическая группа избрала своим председателем Тарановского. В 1928 г. был открыт Русский научный институт в Белграде⁷³. Первым председателем института стал Спекторский, а после его переезда в Люблянну в 1930 г. на эту должность избрали Тарановского. Он занимал пост председателя до 1936 г. и немало сделал для подъема престижа института. В отличие от некоторых других подобных учреждений (например, Русского научного института в Берлине), белградский институт сразу позиционировался как научно-просветительное, но не учебное заведение. В 1933 г. в Белграде был открыт Русский Дом имени Императора Николая II, где разместился институт.

С 1928 по 1935 г. Тарановский тридцать раз выступал с докладами на заседаниях института. Тематика их была разнообразна: «Б.Н. Чичерин как историк русского права», «С.М. Соловьёв и история русского права», «Общее значение великих реформ императора Александра II в истории русской государственности» и др. В 1931 и 1932 гг. ученый вел в институте семинар по истории русского права земского периода. Деятельность Тарановского не ограничивалась только столицей страны — он читал публичные лекции в Дубровнике, Загребе, Самборе и Суботице⁷⁴. За время своего существования (1928—1941 гг.) институт выпустил 17 томов записок, многие материалы которых не потеряли научной ценности до сих пор; в Белград приезжали по приглашению института представители русской диаспоры из Парижа, Софии, Праги, Берлина и, несмотря на невысокий интеллектуальный уровень основных эмигрантских кругов в Югославии (большинство из них были бывшие военные, казаки и т.п.), лекции пользовались большой популярностью.

Взаимоотношения Тарановского с представителями научной общности не всегда были гладкими. Так, когда было решено отметить пятидесятилетие со дня смерти Ф.М. Достоевского, торжественный вечер 15 февраля 1931 г. едва не оказался сорванным. Как

писал Тарановский Спекторскому в Люблян, «коллеги лекторы подвели меня. Струве опоздал и явился только во время моего вступительного слова, снимал пальто тут же перед эстрадой, читал сидя, развалившись, с руками в карманах. Абсолютно не приготовился, останавливался, бежал, екал, тряс бородой, тыкал руками в пространство, мычал без связи, комкал. — Погодин приготовился и читал по писаному, но содержание было слабое. Я переволновался очень и очень. Публика ругает институт вовсю. Сербы ехидно ухмыляются. И публика, и все имеют на это право»⁷⁵.

Несмотря на учреждение научного института совместными усилиями обеих белградских академических организаций, они продолжали существовать отдельно. Председателем Общества русских ученых был избран А.П. Доброклонский, председателем Академической группы продолжал быть Тарановский. По вопросам, касавшимся обеих организаций, они заседали вместе. На предложения воссоединиться члены академической группы отвечали отказом, называя это предложение аннексией. Максимум, что удалось сделать для «хождения по общим делам», образовать смешанную комиссию в составе А.Д. Билимовича, Тарановского и Спекторского. Как справедливо замечал последний, причинами такого положения были преимущественно личные амбиции участников обоих эмигрантских объединений⁷⁶.

По свидетельству известного философа В. Зеньковского, также эмигрировавшего в Югославию, в Земуне, пригороде Белграда, где жил Тарановский, им был создан религиозно-философский кружок, активно функционировавший. Как вспоминал Зеньковский, «работали мы дружно, все прежнее или забылось, или отодвинулось», причем «самым интересным и живым членом и участником этих собраний был сам Ф.В. Широко образованный, привыкший к точным юридическим формулировкам, он мыслил очень ясно и четко и всегда укреплял свои религиозные позиции пережитым опытом»⁷⁷.

В Югославии Тарановский не прекратил активной научной деятельности — за пятнадцать лет эмиграции он опубликовал несколько десятков книг, статей и рецензий. Во-первых, он продолжил разработку сюжетов истории русского государства и права⁷⁸; во-вторых, много работал над историей славянского, а особенно — это понятно — сербского права⁷⁹; в-третьих, им было опубликовано несколько принципиальных теоретических статей философско-юридического содержания⁸⁰. Кроме того, был переиздан с дополнениями учебник «Энциклопедия права» (Берлин, 1923). Зеньковский оценивал этот его труд как «выдающийся»⁸¹. В сентябре 1928 г. Тарановский, будучи одним из организаторов IV съезда Русских академических организаций за границей, проходившего в Белграде, подготовил для выступления на пленарном заседании доклад о славянстве как предмете историко-юридического изучения⁸². Научная деятельность Тарановского не осталась незамеченной в Югославии — в 1932 г. он был избран членом Сербской Королевской Академии⁸³.

Политические взгляды ученого эмигрантского периода, по мнению Зеньковского, укладывались в формулы «либерального консерватизма»⁸⁴. Спекторский полагал, что мировоззрение Тарановского «было отмечено тремя мотивами: всероссийским патриотизмом, разумным славянолюбием и преданностью христианству»⁸⁵. В начале

1930-х гг. в среде русской профессуры родилась идея издать сборник «Трудные вопросы». В нем должна была идти речь о том, как вести себя эмигрантам после падения большевиков в России (а на это еще надеялись). На предложение инициаторов сборника поучаствовать в работе Тарановский отказался: «положительно не представляю себе, что я мог бы написать, — ответил он. — Я не занимаюсь ни государственным правом, ни политикой, совершенно не знаю СССР». Более того, сама идея сборника представлялась ему непродуманной: «Нельзя посвящать книгу “трудностям, с которыми придется встретиться в случае падения большевиков”. А то сам собой будет напрашиваться ответ — пусть большевики остаются». А далее Тарановский фактически изложил свое видение политики будущего российского правительства: «Задачи простые будут: диктатура для удержания порядка, доставление хлеба проголодавшимся, одежды раздетым. Вопросы государственного устройства —... надо знать в точности, что есть и как это можно использовать. Попутно — организация государственно мыслящего населения, —... причем организовать их нужно так, чтобы они всегда были готовы выйти на улицу для подавления реставрационных коммунистических попыток»⁸⁶.

Частная жизнь Тарановского в эмиграции была вполне стабильной. Все эти годы семья прожила в Земуне. К началу 1930-х гг. дочь Татьяна окончила философский факультет Белградского университета и стала учительницей в Земунской гимназии. Вышла замуж за В.С. Жардецкого, математика, получившего профессию в столичном университете. «Они жили в Белграде с матерью Жардецкого М.В. Великановой. В феврале 1929 г. у них родился сын Олег⁸⁷. Дедушка и бабушка души не чаяли во внуке. Никита по окончании Земунской гимназии поступил в морскую академию в Дубровнике. Таким образом, он как бы вернулся к стихии своих предков по матери, родом из Далмации»⁸⁸. Самым известным из детей Тарановского стал Кирилл — знаменитый русско-американский лингвист, специалист по стиховедению⁸⁹. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. он только начинал свой путь в литературу. В письме от 19 марта 1931 г. Тарановский сообщал Спекторскому: «Вчера Кира выступал на литературно-художественном вечере, — читал свои переводы Северянина и Есенина, — имел большой успех. Мы с мамой присутствовали, была и Таня»⁹⁰. В 1927 г. вышел в свет первый сборник стихов Кирилла — это были переводы с сербского. Сборник был сочувственно принят общественностью, а В. Францев посоветовал писать русские стихи, а не заниматься переводами. «Фёдор Васильевич сердился на Киру за его строптивый нрав, — замечал Спекторский. — Я же заступался за него как за поэта. Мать беспокоилась, как бы мальчика не завлекла в свою сеть та, которой была посвящена “Золотая сеть”: “той, которая пробудила мой ум, облагородила душу, даровала вдохновение и ранила в сердце”»⁹¹.

Тарановский живо интересовался новинками литературы и драматургии. «“Белая гвардия” произвела на меня тоже сильное и трагическое впечатление, — своим содержанием, независимо от своей художественной ценности», — делился он с другом 8 марта 1931 года⁹². Тем не менее, его собственная жизнь представлялась Тарановскому скучной и однообразной: «Приезжайте, дорогой Евгений Василье-

вич, потолкуем, побеседуем, а то скучно, в общем, живется, — писал он Спекторскому. — Я вот нигде не бываю, да и негде, и не с кем душу отвести»⁹³. В последние годы жизни здоровье Тарановского ухудшилось, некоторое время он провел в лечебнице около Граца в Австрии⁹⁴, но не бросал ни преподавание, ни науку. «Он заинтересовался сведениями о семейной задруге в новооткрытых отрывках Гая. И на практических занятиях со студентами 22 января 1936 г. он им сообщил, что готовит соответствующее исследование. А на следующий день его не стало. Он оставил в рукописи монографию о Законнике Стефана Душана, краткий учебник истории права славянских народов, начало статьи о русском правовом строе для новой итальянской энциклопедии и, к сожалению, не доведенные до конца семейные и личные воспоминания»⁹⁵. В начале второй мировой войны архив Тарановского был почти полностью уничтожен при бомбардировке немцами Белграда, воспоминания оказались утраченными⁹⁶. До настоящего времени наследие Тарановского востребовано⁹⁷. Жизнь его — пример служения науке и просвещению. И в России, и в эмиграции.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00209).

1. См. например: СОЛОВЬЁВ А.В. Тарановский как историк славянского права. — Записки Русского научного института. Белград. 1936, вып. 13, с. XXXIX—XLVIII; ОМЕЛЬЧЕНКО О.А. Московское государство в историографическом наследии Ф.В.Тарановского. В кн.: Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М. 1985, с. 51—76; МИХАЛЬЧИЧ Р. История сербского права в трудах Фёдора Тарановского. В кн.: Русская эмиграция в Югославии. М. 1996, с. 223—236; ЖЕЛДЫБИНА Т.А. Правовое учение Ф.В. Тарановского в контексте сравнительно-исторического правоведения. — Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012, № 2 (84), с. 67—72.
2. ТАРАНОВСКИЙ Ф.В. Энциклопедия права. СПб. 2001; ЕГО ЖЕ. Государственная культура России; Славянство как предмет историко-юридического изучения. В кн.: Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. М. 2012, с. 188—223; ЕГО ЖЕ. История русского права (Сб. статей). М. 2014; TARANOVSKI T. Istorija srpskog prava u Nemanjickoj drzavi. Beograd. 2002.
3. УСЕНКО І.Б. Академік Ф.В. Тарановський. — Правова держава. Київ. 1993, вип. 4, с. 130—143; ТОМСИНОВ В.А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. Статья 6-я: Фёдор Васильевич Тарановский: судьба и творчество. — Законодательство. 2003, № 4, с. 87—90; № 5, с. 87—91.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 155, д. 352, л. 79об.—80.
5. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Воспоминания. Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen. Historisches Archiv, ф. 01-30.230, ед. хр. II, л. 134.
6. Там же, л. 57.
7. ТАРАНОВСКИ Т. Увод у историју словенских права. Београд. 1933, с. 222—227; ЛАПТЕВА Л.П. Научная и педагогическая деятельность русского историка права, слависта Ф.Ф. Зигеля (1845—1921). В кн.: История и историки. 2006. М. 2007, с. 257—303.
8. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Ук. соч., л. 100.
9. Там же, л. 99.
10. ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб. 1868; АНТОНОВИЧ В.Б. Исследование о городах Юго-Западного края. Киев. 1869; КИСТЯКОВСКИЙ А.Ф. Очерк исторических сведений о своде законов, действовавших в Малороссии под заглавием «Права, по которым судится малороссийский народ». — Университетские известия. Киев. 1878, № 12, с. 994.

11. ТАРАНОВСКИЙ Ф.В. Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи: Историко-юридическое исследование. Варшава. 1897, с. 38, 55.
12. См. например: СТРЕНКОВСКИЙ С.П. Дореволюционная российская историография городского самоуправления Беларуси в XIV—XVIII вв. — Теория и практика общественного развития. 2010, № 4, с. 248; МАЛОЖОН О.І. Історіографія та джерела дослідження правової культури литовсько-польського періоду (XIV—XVI ст.) — Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2011, № 4, с. 212.
13. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Ук. соч., л. 139—140.
14. «Леонтович, не возвращаясь с Кавказа, подал оттуда в отставку, и кафедра освободилась», писал он 3 ноября 1902 г. Спекторскому. (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ), ф. III, № 56 746, л. 1.
15. Письма Ф.В. Тарановского Н.П. Павлову-Сильванскому. В кн.: Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. Брянск. 1995, с. 178.
16. ШЕГЛОВ В.Г. Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности (6 июня 1803—1903 г.): Исторический очерк. Ярославль. 1903.
17. РГИА, ф. 733, оп. 153, д. 186, л. 105об.—106; ИР НБУВ, ф. III, № 56 752, л. 2об.
18. ИР НБУВ, ф. III, № 56 752, л. 3.
19. Письма Ф.В. Тарановского Н.П. Павлову-Сильванскому, с. 179.
20. См.: Юридическая библиография. Ярославль. 1907, № 1, 3; 1908, № 5 и др.
21. ИР НБУВ, ф. III, № 56 752, л. 1, 3.
22. Там же, л. 1.
23. ТАРАНОВСКИЙ Ф.В. Рец.: ИЕЛЛИНЕК Г. Конституции, их изменения и преобразования. — Юридическая библиография. СПб. 1907, № 1, с. 31.
24. ТАРАНОВСКИЙ Ф.В. Рец.: КИСТЯКОВСКИЙ Б.А. Государство правовое и социалистическое (Вопросы философии и психологии, кн. 85, 1906) — Юридическая библиография. СПб. 1907, № 1, с. 32.
25. ТАРАНОВСКИЙ Ф.В. Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев. 1911.
26. ОМЕЛЬЧЕНКО О.А. Ук. соч., с. 57.
27. КАРЕЕВ Н. Догма государственного права дореволюционной Франции. — Журнал Министерства народного просвещения. 1911, № 10, с. 193—235.
28. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Отзыв о сочинении Тарановского Ф.В. Догматика... В кн.: Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Российской Академией Наук. Вып. VII. Отчеты за 1912 г. Пг. 1918, с. 294—303.
29. СЕНТ-ИЛЕР К.К. Юрьев — Воронеж. В кн.: Пятнадцать лет ВГУ. Воронеж. 1934, с. 31—33.
30. РГИА, ф. 733, оп. 155, д. 352, л. 76об., 84об.—85; С.-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН), ф. 113, оп. 3, д. 365, л. 1об.
31. ИР НБУВ, ф. III, № 56 771, л. 2.
32. Там же, № 56 762, л. 2.
33. Там же, № 56 776.
34. Там же, № 56 783, л. 1.
35. ТАРАНОВСКИЙ Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев. 1917, с. 333.
36. ЕГО ЖЕ. Интерес и нравственный долг в праве. Варшава. 1899; ЕГО ЖЕ. Сравнительное правоведение в конце XIX в. Варшава. 1902; ЕГО ЖЕ. Историческое и методологическое взаимоотношение истории, догмы и политики права. — Журнал Министерства юстиции (ЖМЮ). 1917, № 3. ЕГО ЖЕ. Рец.: КИСТЯКОВСКИЙ Б.А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории прав. М. 1916. — ЖМЮ. 1917, № 2—3, с. 294—310.
37. ЖМЮ. 1913, № 5.
38. Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. 18. СПб. Б.г. 2 января 1914 г. Тарановский писал Спекторскому: «Пришлось писать Земские соборы для Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона. Увлёкся и обработал вопрос монографически: и для курса пригодится, и статья вышла, смею думать, не совсем шаблонная». ИР НБУВ, ф. III, № 56 786, л. 1об.
39. Былое. 1917, № 3.
40. ЖМЮ. 1915, № 2.
41. Византийский временник. 1913, т. XX, № 2—3.

42. Сборник статей по истории права в честь профессора М.Ф. Владимирского-Буданова. Киев. 1904.
43. ЖМЮ. 1912, № 1.
44. Первая часть — история государственного устройства — была издана на польском языке уже в конце 1920-х гг. См.: TARANOWSKI T. *Historija prawa rossyjskiego. Cz. 1. Historija ustroju panstwowego*. Lwow. 1927.
45. ТАРАНОВСКИЙ Ф.В. Феодализм в России. Варшава. 1902, с. 30. Ученый подчеркивал, что «учение об обществе приобрело особенную продуктивность в своих выводах с тех пор, как в основу объяснения социального развития было положено изучение экономических факторов, как производящих причин первого порядка». Там же, с. 11.
46. Там же, с. 38, прим. 1.
47. Анализ правовых работ Тарановского см.: ТОМСИНОВ В.А. Ук. соч.; ЖЕЛДЫБИНА Т.А. Ук. соч.; МУДРИЄВСЬКА Л.М. Державно-правові погляди Ф.В. Тарановського. Автореф. дис. канд. юр. наук. Київ. 2010.
48. Речь профессора Ф.В. Тарановского, произнесенная на заседании Совета Императорского Юрьевского Университета 27 февраля 1916 г. по вопросу об эвакуации Юрьевского университета. — Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1916, № 3, с. 5, 8.
49. ПФА РАН, ф. 113, оп. 3, д. 365, л. 7об.
50. Речь профессора Ф.В. Тарановского, с. 7—8.
51. См.: СЕНТ-ИЛЕР К. К истории Воронежского университета: История последних дней русского Юрьевского университета. Воронеж. Б. г.
52. ИР НБУВ, ф. III, № 56 800, л. 4.
53. Конспект публичной лекции Ф.В. Тарановского, посвященной Февральской революции 1917 г. в России и характеристике переходного периода. — Право и жизнь. 1994, № 6, с. 335—341.
54. ПФА РАН, ф. 113, оп. 3, д. 365, л. 9—9об.
55. Подробнее см.: САВЧУК В.С. Федір Васильович Тарановський: тернистий шлях до еміграції. — Чорноморський літопис. 2010, № 1, с. 124—131.
56. Письмо Ф.В. Тарановского В.И. Вернадскому от 24.09.1918. ИР НБУВ, ф. 1, № 27 014, л. 1.
57. Там же, № 27 018, л. 1—6об.
58. ТАРАНОВСЬКИЙ Ф. Догматика державного права Речі Посполітої XVII в. в праці Христофора Гарткноха. — Записки соціально-економічного відділу УАН (ЗСЕВ). Київ. 1926, т. II—III, с. 69—123; EJUSD. Статистичні описи Польщі Кромера й Старовольського та їх значення для утворення догматики польського державного права в XVII в. — ЗСЕВ. Київ. 1926, т. IV, с. 1—39; EJUSD. Літературна полеміка 60-х років XVII віку про мету Польскоп держави, як привід до відокремлення догматично-юридичного виучування політичного устрою Речі Посполітої. — ЗСЕВ. Київ. 1927, т. V—VI, с. 1—25; EJUSD. Перший систематичний виклад догми державного права Речі Посполітоп в другій половині XVII в. в трактаті Хвальковського. — ЗСЕВ. Київ. 1927, т. V—VI, с. 26—60.
59. ИР НБУВ, ф. 1, № 27 019, л. 1—1об.
60. ТИМОШЕНКО С.П. Воспоминания. Париж. 1963, с. 183.
61. Возможно, это был корабль «Константин». См.: САВЧУК В.С. Ук. соч., с. 130.
62. ТИМОШЕНКО С.П. Ук. соч., с. 189.
63. ЈОВАНОВИЋ М. Срби и руси. 12—21 век (историја односа). Београд. 2012, с. 176.
64. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Ук. соч., л. 743.
65. ЖАРДЕЦКИЙ О.В. Воспоминания о первой русской эмиграции в Югославию: уроки истории. В кн.: Проблемы славяноведения. Брянск. 2012, вып. 14, с. 301.
66. См.: ТЕСЕМНИКОВ В.А. Русские в учебных заведениях Югославии (1921—1941). В кн.: Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. М. 1993, с. 29—33.
67. Подробнее см.: МИХАЛЬЧЕНКО С.И., ТКАЧЕНКО Е.В. Евгений Васильевич Спекторский. — Вопросы истории. 2013, № 1, с. 31—53.
68. ТАРАНОВСКИЙ Т. Увод у историју словенских права, с. 234.
69. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Ук. соч., л. 463. См. также: КАНДИЋ Љ. Историја правног факултета у Београду. 1905—1941. Друга књига. Београд. 2002, с. 315 и др.
70. БОЈОВИЋ С. 200 година Београдског универзитета. 1808—2008. Историја институције. Београд. 2008, с. 149.

71. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Ук. соч., л. 472—473.
72. См.: Труды русских ученых за границей. Т. II. Берлин. 1923, с. 279. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М. 1994, с. 90—91.
73. ЙОВАНОВИЧ М. Русская эмиграция на Балканах: 1920—1940. М. 2005, с. 327—328; ЕГО ЖЕ. Русский научный институт в Белграде (1928—1941): обзор организации и деятельности. В кн.: Русский сборник: Исследования по истории России. Т. X. М. 2011, с. 336—360.
74. Записки Русского научного института. Белград. 1939, вып. 14, с. 1—27.
75. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому 17.02.1931. Arhiv Republike Slovenije (ARS), fond AS. 1901, box. 1.
76. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Ук. соч., л. 783.
77. ЗЕНЬКОВСКИЙ В.В. Мои встречи с выдающимися людьми. В кн.: Записки Русской академической группы в США. Т. XXVI. Нью-Йорк. 1994, с. 53.
78. ТАРАНОВСКИЙ Ф.В. Обеспечение прав служилого землевладения в сословно-монархическом строе Московского государства. Львов. 1925; ЕГО ЖЕ. Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича. К истории политического строя удельной Руси. Харбин. 1928.
79. ТАРАНОВСКИЙ Т. Увод у историју словенских права; EJUSD. Стогодишњица научног рада Мађејовског на историји словенских права. — Летопис Матице Српске. Нови Сад. 1932, кн. 331; EJUSD. Историја српског права у Немањинској држави, I део: Историја државног права, Београд. 1931; 2 део: Историја кривичног права. Београд. 1931; 3—4 део: Историја грађанског права. Историја судског уређења и поступка. Београд. 1935.
80. ТАРАНОВСКИЙ Ф.В. Периодизация в истории права. В кн.: Труды русских ученых за границей. Т. II. Берлин 1923; ЕГО ЖЕ. Предмет и задача т.н. внешней истории права. — Записки Русского научного института, Белград. 1931, вып. I и др.
81. ЗЕНЬКОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 53.
82. Труды IV съезда РАОЗГ. Белград. 1929, ч. I.
83. <http://www.sanu.ac.rs/Clanstvo/IstClan.aspx?arg=561>. Тарановский был избран со второй попытки. В 1931 г. его забаллотировали — для избрания не хватило двух голосов. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому, 17.02.1931. ARS, fond AS. 1901, box. 1.
84. ЗЕНЬКОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 53.
85. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Жизнь и личность Ф.В. Тарановского. — Записки Русского Научного Института. Белград. 1936, вып. 13, с. XV.
86. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому, конец января. 1931 г. ARS, fond AS. 1901, box. 1.
87. О.В. Жардецкий в дальнейшем стал крупным ученым — специалистом в области фармакологии и биофизики. В 1969—2006 гг. — профессор Стэнфордского университета (США). Скончался в январе 2016 г. МАТИЧ О. Записки русской американки: Семейные хроники и случайные встречи. М. 2017, с. 224; Oleg Jardetzky // <http://www.almanacnews.com/obituaries/memorials/oleg-jardetzky?o=4530>). Дочь и сын К.Ф. Тарановского Вида Тарановская-Джонсон и Теодор (Фёдор) Тарановский — известные в США специалисты в области русской истории и культуры.
88. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Воспоминания, л. 743.
89. МАТИЧ О. Ук. соч., с. 234; BAILEY J., BARAN H. In Memoriam: Kiril Fedorovich Taranovsky (1911—1993). — *The Slavic and East European Journal*. Vol. 37, 1993, № 3, p. 417—420.
90. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому, 19.03.1931. ARS, fond AS. 1901, box. 1.
91. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Воспоминания, л. 744.
92. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому, 08.03.1931. ARS, fond AS. 1901, box. 1.
93. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому, 19.03.1931. ARS, fond AS. 1901, box. 1.
94. СПЕКТОРСКИЙ Е.В. Воспоминания, л. 742.
95. ЕГО ЖЕ. Жизнь и личность Ф.В. Тарановского, с. XX.
96. ОМЕЛЬЧЕНКО О.А. Фёдор Васильевич Тарановский. — *Право и жизнь*. 1994, № 6, с. 331.
97. Наряду с указанными выше см.: ДВОРНИЧЕНКО А.Ю. Политогенез Киевской Руси в творчестве русских историков-эмигрантов. — *Клио*. 2014, № 10, с. 41; ЕГО ЖЕ. Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб. 2014, с. 374.

Советская Россия в 1920 г. глазами англичанки Этель Сноуден

Е.А. Суслопарова

Аннотация. Работа посвящена впечатлениям о России Этель Сноуден, посетившей ее вместе с британской делегацией рабочих в 1920 году. Затрагиваются такие вопросы, как оценка Э. Сноуден советских руководителей, в том числе В.И. Ленина, впечатления от посещения русских городов, состояния здравоохранения, образования, искусства, боевой готовности Красной армии. Автор анализирует, насколько мнение Сноуден совпало с официальным отчетом делегации 1920 г., а также с комментариями других участников поездки.

Ключевые слова: Великобритания, Октябрьская революция 1917 г., лейбористская партия, рабочее движение Великобритании.

Abstract. The work deals with the impressions of Russia on Ethel Snowden, who visited the country as a member of the British Labour delegation in 1920. The author touches such questions as E. Snowden's opinion of soviet leaders, including V. Lenin, her impressions of Russian cities, care of public health, education, art, Red Army. The author analyses the resemblance of Snowden's opinion with the official Report of the delegation 1920 and with the comments of the other members of the delegation.

Key words: Great Britain, Russian Revolution 1917, Labour party, Labour movement.

Весной-летом 1920 г. большевистскую Россию посетила первая представительная делегация британских рабочих. До этого гостями с «Туманного Альбиона» были лишь отдельные персоны. На этот раз лейбористская партия и Британский конгресс тред-юнионов (БКТ) сумели отправить довольно большую группу с целью донести до страны информацию о том, что представляет на практике новый режим. Более того, на тот момент это была самая многочисленная делегация западных гостей, посетившая Советское государство для ознакомления с ситуацией. Среди участников были две женщины, одна из них — жена известного партийного деятеля, будущего министра финансов Великобритании Филиппа Сноудена — Этель. По итогам поездки был опубликован достаточно подробный отчет ¹.

Суслопарова Елена Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: susloparovaelena@rambler.ru.

Susloparova Elena A. — PhD (candidate), associate professor at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: susloparovaelena@rambler.ru.

Сведения об этом визите в различные годы фигурировали на страницах ряда работ зарубежных историков, посвященных реакции британского рабочего движения на события в России². В отечественной историографии он также затрагивался советскими авторами, например, П.В. Гурович³. Однако на фоне общей картины событий субъективное восприятие незнакомой страны отдельными участниками делегации, как правило, оставалось за рамками исследований.

Тем не менее, вернувшись в Великобританию, путешественники охотно делились своими впечатлениями. Среди опубликованных в разные годы комментариев и воспоминаний можно назвать брошюру Р. Уильямса «Советская система работает»; записки Ч.Р. Бакстона «В русской деревне»; дневник М. Бондфилд, изданный как в приложении к общему отчету делегации за 1920 г., так и в рамках ее автобиографии; воспоминания председателя делегации Б. Тернера и ряд других работ⁴. Этель Сноуден из всех членов делегации издала, пожалуй, наиболее подробную книгу впечатлений под заголовком «Сквозь большевистскую Россию». Наряду с этим она задолго до У. Черчилля попыталась пустить в обиход термин «железный занавес». «Наконец мы ступили за “железный занавес”», — именно так Сноуден описывала в 1920 г. свои ощущения после пересечения советской границы⁵.

В данной работе предполагается рассмотреть, какой же увидела постреволюционную Россию англичанка, насколько ее впечатления совпали с официальным отчетом делегации, а также с отдельными комментариями других участников поездки, и какой отклик ее свидетельства очевидца нашли у коллег по партии.

События в России в 1917 г. в целом вызвали бурную реакцию в британском обществе, в том числе среди лейбористов. В годы первой мировой войны многих членов партии смущало, что Великобритания несколько лет воевала рука об руку с царским правительством, не разделявшим демократические ценности. В феврале 1917 г. эта дилемма была устранена. Отречение царя было встречено в лейбористских рядах и прессе с энтузиазмом. В том числе это относилось и к Этель Сноуден. Партийные активисты искренне верили, что низложение монархии сможет стать шагом России на пути к либерализации режима.

Приход к власти большевиков осенью 1917 г. спровоцировал в лейбористских рядах иную реакцию. Новый порядок укрепил в глазах широкой публики ассоциации между социализмом и кровавой революцией и остро поставил перед партией задачу отмежеваться от подобного курса. Ярким оппонентом большевистской политики стал муж Этель — Филипп Сноуден, издавший в послевоенные годы целый ряд публицистических работ с целью популяризации лейбористской идеологии. В целом он делал акцент на том, что «русские коммунисты нанесли огромный вред социалистическому движению, дискредитировав истинный социализм»⁶.

Тем не менее интерес лейбористов к происходившему в России был неизменен. Дополнительным стимулом для этого стало вмешательство правительства Д. Ллойд Джорджа в Гражданскую войну на стороне белого движения. В 1919 г. в Великобритании был образован национальный комитет «Руки прочь от России». Подавляющая масса британских рабочих не принимала большевистской идеологии. Одна-

ко, как писал современник событий британский историк Дж Коул, глядя на иностранную интервенцию в Советскую Россию, лейбористы в определенный момент стали ощущать себя «более революционно настроенными, нежели на самом деле являлись»⁷. Это было связано с тем, что белое движение в глазах многих рабочих символизировало собой возвращение России обратно в прошлое и в любом случае не заслуживало поддержки. В итоге летом 1919 г. правительство Ллойд Джорджа пришло к заключению о необходимости вывода войск с российской территории, что и было осуществлено в последующие месяцы. На этом фоне на специальном собрании БКТ 9—10 декабря 1919 г. было принято официальное решение о направлении британской делегации в Советскую Россию⁸.

В нее были включены партийные и профсоюзные активисты как правого, так и левого толка. Так, например, Р. Уильямс разделял радикальные воззрения и вскоре вошел в созданную в июле 1920 г. в Великобритании компартию. Часть делегатов придерживалась относительно умеренных, центристских взглядов. Этель Сноуден, пожалуй, оказалась самым скептически настроенным по отношению к Советской России человеком.

Этель родилась в 1881 г. в семье, принадлежавшей к среднему классу. До замужества работала учительницей. Социалисткой она стала еще до знакомства с Филиппом Сноуденом. В дальнейшем, после свадьбы в 1905 г., Этель превратилась в активную пропагандистку лейбористских взглядов, разъезжала с лекциями по стране, поддерживала суфражистское движение. В годы первой мировой войны Этель с мужем придерживались пацифистских убеждений, что на время сблизило их с левым лейбористским флангом, резко выступавшим против военных действий. После войны, однако, Филипп и Этель заняли умеренные позиции. Следует отметить, что Этель никогда не была «тенью мужа», имела собственное мнение и, с точки зрения некоторых современников, даже чрезмерное влияние на супруга.

Сноуден, по ее собственному свидетельству, была довольно хорошо подготовлена к поездке в Россию, знакома с русской литературой — произведениями Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстова, И.С. Тургенева, М. Горького. Встречалась в Европе с князем П.А. Кропоткиным, поэтом, журналистом Ф.В. Волховским, «бабушкой русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской, революционеркой М.А. Спиридоновой. Более того, Этель утверждала, что прочла немало работ В.И. Ленина.

Делегация покинула Ньюкасл 27 апреля 1920 г. и добиралась до России через Швецию, Финляндию и Эстонию. 10 мая англичане пересекли русско-эстонскую границу и 11 мая были уже в Петрограде. Спустя пять дней они направились в Москву, где пробыли около 10 дней (до 28 мая), затем — в Нижний Новгород и доплыли по Волге до Саратова. После этого большинство членов делегации вернулось обратно в Москву. Однако часть путешественников, в том числе Этель, осталась на корабле, доплыла до Астрахани, а затем уже отправилась обратно. В общей сложности Этель пробыла в России около шести недель и ступила на британский берег только 30 июня 1920 года⁹.

Делегацию принимали в России на самом высоком уровне, как писала сама Сноуден, подобно королевской семье. В ходе поездки

лейбористские и профсоюзные активисты встретились со многими большевистскими руководителями, в том числе с Лениным. Последний произвел на членов делегации противоречивое впечатление. Например, Уильямс нашел его «простым, радушным, напрочь лишенным притворства»¹⁰. Второй женщине, участнице делегации М. Бондфилд, руководитель большевиков также показался весьма дружелюбным, о чем она сделала запись в своем дневнике¹¹. Характерно, что схожее впечатление Ленин производил и на других англичан. Известный писатель Г. Уэллс, самостоятельно посетивший Россию в том же 1920 г., называл Ленина в своей работе «Россия во мгле» «изумительным человеком» на фоне «других утомительных фанатиков классовой борьбы»¹². В этой связи уместно упомянуть и слова известного левого лейбориста Дж. Лэнсбери, приехавшего в Россию одним из первых, еще в начале 1920 г., до визита делегации, и также встречавшегося с Лениным. «Беседуя с ним, — писал он, — невозможно поверить, что такой человек может... иметь отношение к насилию»¹³.

Сноуден увидела в 1920 г. совсем другого Ленина. С ее точки зрения, за его маской дружелюбия можно было разглядеть самоуверенность и нетерпимость к чужому мнению. В книге «Сквозь большевистскую Россию» Этель неоднократно называла Ленина фанатиком и убеждала тех, кому доведется с ним встретиться, не доверять «веселому блеску» в глазах собеседника, за которым скрывается жестокость. Сноуден отмечала, что в частной жизни Ленин, наверняка, «добрейший и мягчайший человек». Однако стоит завести с ним разговор на спорную тему, и на смену «веселому блеску» проглядывает «блеск жестокий», наводящий ужас¹⁴.

Этель признавала, что Ленин — мастер вести разговор, и полагала, что раскусила его «манеру». Он демонстрирует «привлекательную искренность», приглашает к доверительному обмену мнениями, писала она. Но когда беседа заканчивается, вы понимаете, что он рассказал вам гораздо меньше, нежели вы ему¹⁵.

В то же время, по итогам знакомства Сноуден не отрицала, что у Ленина хватает смелости признавать ошибки. Характерно, что эту черту отмечали и другие члены делегации. Например, аналогичными наблюдениями делилась и Бондфилд. Однако «величайшей ошибкой», согласно воспоминаниям современников, на встрече с английской делегацией в 1920 г. Ленин назвал не репрессивные меры новой власти, а лишь недооценку важности для ее укрепления специалистов и технической интеллигенции¹⁶. Председатель делегации Б. Тернер писал в автобиографии, что не постеснялся в ходе беседы заявить Ленину в лицо, что «кровавое пролитие никогда не может быть оправдано». Однако получил ответ, что кровь прольется и в Великобритании прежде, чем там будет создано социалистическое правительство. По свидетельству Тернера, Ленин выразил недоумение тем, что британцы обвиняют большевиков в жестокости и одновременно отдают должное, на его взгляд, не менее кровавой Великой французской революции¹⁷.

На страницах книги «Сквозь большевистскую Россию» Этель делилась впечатлениями и о других большевистских руководителях. Так, например, К.Б. Радек показался ей человеком аскетической внешности. Разговор с ним, писала Сноуден, это фактически его нескончаемый монолог, в ходе которого он перескакивает с одной темы

на другую, буквально предвосхищая вопросы собеседника. Этель была поражена, насколько хорошо Радек ориентировался в мировом социалистическом движении и его представителях. Однако, как и Ленина, она называла его «фанатиком», нетерпимым к взглядам, которые он не разделяет ¹⁸.

Наркома здравоохранения Н.А. Семашко Сноуден нашла «самым восхитительным и увлеченным» из всех, с кем ей удалось встретиться в России. Она с большим уважением отзывалась о его борьбе с антисанитарией, вспышками эпидемий тифа, дизентерии, холеры, оспы, голодом при наличии очень скудных средств. Этель также отметила в своей книге нетерпение «героического врача» к алкоголизму и курению ¹⁹.

Наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина англичанка описывает как человека «мягкого по природе, но артистического по темпераменту, чувствовавшего себя некомфортно в водовороте политической жизни»; наркома земледелия С.П. Середу называет возвышенным мечтателем. В ходе поездки Сноуден удалось довольно близко познакомиться с одним из руководителей Наркомата путей сообщения В.М. Свердловым. Она путешествовала с ним от Нижнего Новгорода до Астрахани. Свердлов показался Этель «одним из самых способных среди народных комиссаров». Она подчеркивала, что важность его работы по восстановлению в России коммуникаций «невозможно переоценить» ²⁰. По воспоминаниям Сноуден, большевики практически никогда не спали. В результате в ходе визита британская делегация редко ложилась спать ранее двух-трех часов ночи — как писала Этель — в совершенно «несвойственное англичанам время» ²¹.

Наряду с этим, Сноуден встречалась с прожившей долгое время в Италии социалисткой А.И. Балабановой, вскоре покинувшей Россию. Она характеризовала ее как оратора, обладавшего необыкновенной мощью и красноречием. «С ее внешностью и магическим языком она может в скором времени склонить итальянцев к большевизму», — с иронией отмечала англичанка. В Большом театре Сноуден познакомилась с Л.Д. Троцким, который пришел на представление и сидел рядом с ней в ложе. Она вспоминала, как весь зрительный зал, увидев «своего героя», мгновенно поднялся поприветствовать его бурными аплодисментами. «Мне никогда не доводилось видеть подобного стихийного порыва», — с восторгом писала она ²².

Свидетельства Этель, представленные в ее книге о большевистской России, не вполне совпадают с официальным отчетом делегации, изданным в том же 1920 году. Так, например, в нем говорится о том, что британские гости «имели свободу передвижения и изучения». Аналогичное заявление содержится и в брошюре члена делегации Уильямса. «Мы ездили, куда хотели, интервьюировали, кого желали. Мы беспрепятственно могли разговаривать как со сторонниками, так и противниками советского общества», — писал он ²³. Сноуден отмечала, что свобода в действительности была «иллюзорной», их везде сопровождали представители новой власти. утверждавшие, что необходимы переводчики, либо их нужно «защищать от контрреволюционеров и польских шпионов, которые могут прятаться в засаде с бомбами!» Количество таких «сопровождающих» варьировалось от 10—12

до 50 человек. Члены делегации, по свидетельству Сноуден, относились с юмором к данному обстоятельству ²⁴.

Более того, Этель полагала, что в целом советская сторона изначально неверно воспринимала намерения делегации, полагая, что англичане прибыли, будучи заранее солидарны с теми процессами, которые происходили в России. В действительности они приехали с целью получения информации и ознакомления ²⁵. Тем не менее на фоне кампании «Руки прочь от России», которая развернулась в рядах британских рабочих в 1919 г. после отправки правительством Д. Ллойд Джорджа войск в поддержку белого движения, большевики действительно, по крайней мере на официальном уровне, относились к рабочей делегации с «Туманного Альбиона» скорее как к друзьям. Ряд представителей этой группы, тот же Уильямс, в дальнейшем член компартии, себя таковыми и считали. Надо отметить, что председатель делегации, крупный профсоюзный функционер Б. Тернер, отнюдь не коммунист, тронутый гостеприимством хозяев, также по прибытии в Петроград открыто говорил 12 мая 1920 г., обращаясь к большевикам: «британские рабочие с вами» ²⁶.

Однако в этой связи Сноуден обращала внимание еще на одну особенность визита, также не нашедшую отражения в отчете. На ее взгляд большевики умышленно и откровенно использовали британских гостей весной 1920 г. в своих пропагандистских целях. Куда бы мы ни приезжали, вспоминала Этель, на месте были уже заранее подготовлены огромные демонстрации без согласования с нами. Мы наблюдали за военными парадами и маршами профсоюзов, стоя на больших платформах, где нас фотографировали. «Неоднократно члены делегации обращались к собравшимся языком, полностью удовлетворявшим большевистских комиссаров... те же из нас, кто, как я, отказывался это делать на том основании, что мы приехали совсем с другой целью, — писала Сноуден, — становились объектом подозрения и неприязни» ²⁷. У Тернера, напротив, огромные скопления людей, неизменно приветствовавших британскую делегацию, оставили в основном приятные впечатления, которыми он делился впоследствии на страницах автобиографии ²⁸.

Этель отмечала и еще ряд деталей, не фигурировавших в официальном отчете делегации. Так, например, она открыто заявляла в работе «Сквозь большевистскую Россию», что, по ее наблюдениям, многие коммунисты жили гораздо лучше, чем остальные, и образовывали собой своего рода новую аристократию ²⁹.

Тем не менее простые русские люди вызвали о Сноуден искреннюю симпатию. «Бедные, несчастные, милые люди России», — писала она. Схожие отклики попадаются и на страницах воспоминаний Тернера, в ходе поездки пришедшего к выводу, что русский народ «самый добрый и обходительный» ³⁰. Этель бросилось в глаза, что большинство населения страдает от грязи, голода, болезней, а также очень плохо одето. Она подчеркивала, что на всем пути из Петрограда в Астрахань ей едва ли попала сотня человек, одетых не в лохмотья. В целом это совпадало с материалами официального Отчета делегации. Однако на страницах ее книги попадаются и дополнительные любопытные наблюдения. Так, например, Этель вспоминала, что скромная одежда британской делегации казалась простым русским

людям чуть ли ни королевской: «Они заставляли нас поворачиваться и восхищались... поглаживали наши платья и пальто. С завистью смотрели на обувь...»³¹

Сноуден была поражена внешним видом советских женщин, у большинства из которых на ногах были носки. Это, по ее свидетельству, вызвало любопытство у одного из членов делегации, посчитавшего, что таков «последний писк» русской моды. Наряду с этим Этель была удивлена, что очень многие попадавшие ей девушки и женщины были коротко пострижены. Сама она объясняла это в книге болезнями и эпидемией. «Тот, кто никогда не видел голода в человеческих глазах, даже отдаленно не сможет себе представить, насколько горестно идти по улицам русского города», — писала Сноуден. Более того, ее шокировал внешний вид университетского профессора, пришедшего на встречу с британской делегацией, «одетым как английский бродяга»³².

На страницах своей книги Этель задавалась вопросом, насколько простые русские люди были одержимы большевизмом. По ее мнению, в массе своей они не испытывали особого интереса непосредственно к новой идеологии. Бедным людям нет никакого дела ни до материалистического объяснения истории, писала она, ни до диктатуры пролетариата, ни до Третьего Интернационала. Как только играет оркестр, они начинают петь «Интернационал», но делают это «механически», как «музыкальная шкатулка», писала она. На самом деле русские страстно хотят отдыха и тишины — делилась Сноуден своими наблюдениями³³.

Весьма любопытными представляются впечатления англичанки о русских городах. Так, Петроград показался ей в 1920 г. умирающим городом. Характерно, что аналогичные комментарии содержатся и в дневниках Бодфилд, писавшей о «безжизненной атмосфере» Петрограда. В этой связи, пожалуй, уместно вспомнить и схожий отзыв Уэллса, назвавшего Петроград в 1920 г. «гибнущим» городом. Москва, напротив, предстала перед Этель «настоящим русским городом», «полуазиатской» столицей. Бесчисленные купола церквей, сверкающие на солнце, поразили ее своей красотой. Москвичи, по наблюдениям Сноуден, выглядели менее несчастными, нежели жители революционного Петрограда³⁴.

Улицы Нижнего Новгорода, согласно свидетельству англичанки, были заброшены и неубраны. Она была поражена тем, что большинство торговых палаток было закрыто. Саратов, напротив, она нашла очень чистым, а также наиболее красивым из всех приволжских городов. Неприятные впечатления у гостя остались от Астрахани. «Это самый грязный город, где мне доводилось бывать», — безапелляционно заявляла Этель. Рынок она оценила как рассадник антисанитарии, а также была напугана распространявшейся в Астрахани холерой³⁵.

Путешествие вниз по Волге позволило Сноуден составить свое мнение не только о городских жителях, но и об обитателях русской деревни. Крестьяне запомнились англичанке крупным телосложением и вьющимися лохматыми волосами. У них «большие рты, толстые губы и широкие носы», — описывала она жителей приволжских берегов. В целом у Сноуден сложилось мнение, что крестьяне, хотя и не получили землю в частную собственность, были довольны тем, что

государство отняло ее у помещиков³⁶. Достаточно подробный отчет о жизни в сельской местности подготовил по итогам поездки один из членов делегации — Ч.Р. Бакстон — проводивший самостоятельное исследование в русской деревне. Он отмечал, что наряду с положительными отзывами в адрес советской власти, крестьяне, в частности, жаловались на обязательные поставки государству, бесконечные распоряжения сверху, которые им трудно было понять, и многое другое³⁷. Этель, путешествовавшей на пароходе по Волге, явно не хватило времени, чтобы разобраться в настроениях крестьян более детально и дать читателю развернутую картину.

Большое впечатление на Сноуден произвела Красная армия. «За последние два с половиной года ожесточенной борьбы русское правительство подготовило и экипировало великолепную армию», — писала она. В Петрограде, вспоминала англичанка, членам делегации показывали резервные войска на Дворцовой площади (тогда площади Урицкого) «в шеголеватой форме и хорошо обутые». Аналогичные мероприятия гостям демонстрировали и в Москве. Некоторые подразделения, по воспоминаниям Этель, после этого должны были сразу же отправляться на польский фронт³⁸. Наряду с этим, Сноуден и ее коллеги присутствовали на параде рабочей милиции. Боевую готовность Красной армии делегатам, по свидетельству Этель, демонстрировали и в других городах. Судя по всему, многочисленные парады произвели впечатление не только на Сноуден, но и на делегацию в целом. Так, например, участник поездки Уильямс в своей работе с восторгом писал о том, что Красная армия — «лучшая в мире»³⁹. В официальном же отчете делегации открыто говорилось, что британцы обязаны правительству Ллойд Джорджа тем, что ныне от «русского милитаристского духа» может начаться исходить реальная опасность для Великобритании⁴⁰.

Бывшая учительница Сноуден проявила немалый интерес к образованию в Советской России. Несмотря на его доступность, британские гости отметили в 1920 г., что в некоторых местах лишь 10% детей имеют возможность посещать начальную школу⁴¹. Сноуден, со своей стороны, писала, что в учебные часы видела в Петрограде довольно много детей от 5 до 15 лет на улицах, и попросила сопровождавшую ее А.И. Балабанову объяснить это. Последняя бойко ответила, что всему виной блокада со стороны Антанты, по вине которой Россия лишена необходимых средств, парт, книг, карандашей, ручек и т.п. Лишь возобновление нормальной торговли, по словам революционерки, должно было помочь детям обрести все необходимое для учебы — сообщала Этель на страницах книги⁴².

В целом Сноуден пришла к заключению, что после заботы об армии на втором месте у большевиков стояла именно забота о детях. Она посетила три школы в Петрограде. Первая из них, по ее впечатлениям, была очень хороша. Дети выглядели здоровыми и довольными. Вторая была гораздо хуже. Ученики имели больной и голодный вид. Однако Этель подчеркивала, что не было никаких свидетельств того, что для детей не делается все возможное на фоне общей ситуации в городе. Третья школа была предназначена для обучения больных. При ней же находилась и клиника, которую продемонстрировали гостям. Наряду с этим Сноуден отметила особенность новой со-

ветской системы образования — создание на базе экспроприированных особняков школ-колоний для детей пролетариата. Подобные колонии гостям демонстрировали, например, в Самаре и ряде других городов ⁴³.

В целом в отчете британской делегации также было подчеркнуто, что советская власть предпринимает «огромные усилия» для налаживания новой системы образования. Об этом же, например, писал в своей работе 1920 г. Уильмс: большевики «делают для образования больше, чем в любой другой стране мира» ⁴⁴. Однако Этель, со своей стороны, бросала советскому порядку упрек иного характера, не фигурировавший на страницах официального документа. На ее взгляд, советское образование носило откровенно «утилитарный» характер — должно было «учить коммунизму». Сноуден вспоминала, как во время посещения одного из учебных заведений мальчик 12—13 лет буквально стыдил гостей — «почему английские рабочие сражаются против русских рабочих, и почему при помощи блокады мы обрекаем на голодную смерть русских детей». Парень требовал, чтобы мы «отправлялись домой и посоветовали британским рабочим выкинуть богачей на улицы», — сообщала Этель. Она с негодованием писала, что детей необходимо учить читать и писать, размышлять, наблюдать, развиваться, но «нельзя склонять сознание ребенка к какой-то определенной теории, коммунистической или любой другой» ⁴⁵.

В то же время Сноуден, как и британская делегация в целом, отметила, что большевики уделяли внимание искусству, которое стало доступно широким массам. Эта политика новой власти удостоилась хвалебных откликов как в отчете британской делегации, так и на страницах книги Этель. Концертные залы и театры Петрограда и Москвы наполнены зрителями, писала Сноуден. Она признавалась, что ей приходилось бывать на оперных представлениях Лондона, Нью-Йорка, Вены, Берлина и других известных музыкальных столиц, однако уровень русских постановок ее поразил. В Петрограде гости слушали оперы «Орфей и Эвридика» и «Кармен», в Москве — «Князь Игорь». Наряду с этим Сноуден побывала в Московском художественном театре, где давали «Царя Фёдора». Этель вспоминала, что была настолько увлечена представлением, что практически не нуждалась в переводе ⁴⁶.

На страницах книги «Сквозь большевистскую Россию» Сноуден затрагивала и религиозную тему. Бондфилд, вторая женщина, участница делегации, была поражена разительным контрастом между пышным убранством православной церкви, в которую она зашла, и нищетой прихожан ⁴⁷. Комментарии Этель были иного характера. «Коммунисты не уничтожили религию, — писала она. — Они просто заменили вероучение». Огромная масса русских людей в России, полагала Сноуден, привыкла кому-то поклоняться. В результате в каждой школе и общественном месте теперь выставлены портреты и бюсты К. Маркса и Ленина. В то же время Этель отмечала, что по-прежнему видела в 1920 г. иконы у изголовья кроватей детей в общих спальнях. Более того, она обратила внимание, что на Путиловском заводе часть икон была задрапирована, другие же оставались пока открытыми. Председатель британской делегации Тернер также насчитал в ходе экскурсии на Путиловском заводе около 14 икон ⁴⁸.

С точки зрения лейбористки Сноуден, сторонницы идеалов парламентской демократии, советский режим не выдерживал критики. Теоретически все имеют право голоса, писала она, в действительности крестьяне находятся в менее привилегированном положении, нежели рабочие, не говоря о бывших эксплуататорах. По свидетельству Этель, делегация обратила внимания на дискриминацию женщин при выборах в Советы на селе. «Неграмотный мужчина может быть избран, неграмотная женщина — определенно нет», — утверждала англичанка. Более того, Сноуден заявляла, что популярный в народе лозунг «Вся власть Советам» — скорее риторика. В действительности вся власть в стране принадлежит коммунистам. С точки зрения Этель, право народных комиссаров самим издавать декреты, имеющие силу закона, без одобрения Советов, никак не соотносилось с провозглашенной новой властью демократией. Сноуден отмечала, что профсоюзы в Советской России вписаны в централизованную государственную систему и не представляют собой самостоятельное движение, подобно, например, британским тред-юнионам. В условиях милитаризации труда «рабочий обязан отправляться туда, куда его пошлют, и делать то, что ему скажут, под угрозой строжайших наказаний», — писала она ⁴⁹. Характерно, что у коммуниста Уильямса эта черта советской системы, напротив, не вызвала никакого недоумения. Тесную связь государства и профсоюзов в своей работе он назвал «сердечной кооперацией» ⁵⁰.

Однако Этель, со своей стороны, подчеркивала, что в условиях страшной разрухи в стране подобную политику трудно осуждать безоговорочно. Она признавала, что нельзя сравнивать Россию с передовыми, индустриально развитыми государствами, поскольку не все западные стандарты могут быть успешно применены к этой стране. «Россия по своему размеру, — писала она, — это не страна, а континент... ее население говорит на 50 различных языках... русские люди самые неграмотные в Европе. Их цивилизация на поколения отстает от западной и являет собой нечто особенное» ⁵¹. Этель обращала внимание на то, что в России никогда не было глубоких демократических традиций, напротив — автократия. Нынешнюю власть, писала она, можно осуждать за политику подавления свободы, но справедливости ради «не следует забывать, у кого нынешние правители брали уроки тирании». Жители России столь долго мирились с жестоким царским режимом, что «это проникло в их кровь», писала она. В результате во имя защиты своей власти на фоне иностранной угрозы коммунисты легко и естественно качнулись к тем же методам жестокости и подавления. Но в целом ее оценка была нелицеприятной: «русская диктатура... в лучшем случае являет собой попытку небольшого количества людей вынудить русский народ создать то, что, по их мнению, для него будет хорошо» ⁵².

На страницах книги «Сквозь большевистскую Россию» Этель иллюстрировала жестокость нового режима конкретными примерами. Так, она сообщала читателю дошедшую до нее историю о том, как человека, покупавшего своей возлюбленной цветы на день рождения, арестовали по подозрению, что его деньги получены от контрреволюционеров. Сноуден приводила рассказ о том, как женщину три дня продержали в тюрьме лишь за то, что у нее дома был запас

муки, которую она купила для умирающего отца, продав кое-какие вещи. Этель вспоминала, как на ее глазах в Астрахани рабочие, грузившие рыбу под палящим солнцем и потребовавшие отдыха, были возвращены на работу матросами-коммунистами, угрожавшими им заряженными винтовками⁵³. В официальном отчете делегации вопрос о «цене достижений» также не был проигнорирован: за них «пришлось заплатить очень высокую цену», — говорилось в нем. Однако детальные примеры, подобные тем, которые приводила Сноуден, в отчете не фигурировали. Авторы в целом оставляли открытым вопрос, были или нет подобные методы «неизбежными»⁵⁴. Со своей стороны, Сноуден не склонна была осуждать только «страшную реальность» «красного террора». На страницах ее книги содержалась и резкая критика в адрес «белого террора» А.В. Колчака и А.И. Деникина⁵⁵.

Наряду с этим, Сноуден резко высказывалась по поводу убийства царской семьи. Она вспоминала, что поездки на бывшем автомобиле Николая II по Петрограду периодически воскрешали перед ней призрак «убитого несчастного маленького человека и его семьи», «мучеников революции». Этель сообщала, как в частной беседе с большевиками отстаивала точку зрения, что «на ненависти невозможно построить перманентную систему», однако собеседники не желали с ней соглашаться⁵⁶.

Возникает вопрос, приходилось ли англичанам встречать в ходе поездки людей, откровенно недовольных и разочарованных новой властью? Бондфилд, например, в своем дневнике признавалась, что такие люди ей попадались, хотя и нечасто. Она описывала разговор с учительницей, женой бывшего судьи, состоявшийся в антракте спектакля. Эта женщина была «одной из тех, для кого революция стала просто трагедией», писала Бондфилд⁵⁷. Этель также упоминала беседу с молодым коммунистом, женившимся на англичанке перед первой мировой войной и перевезшим ее в Россию. «Как я мог предвидеть войну... Как я мог знать, что случится революция, и что грядут такие перемены. Бедная девушка не привыкла к таким тяготам», — приводила Этель его слова на страницах своей книги. Сноуден также отмечала, что в ходе поездки другой коммунист тайно уговорил ее передать письмо его родственникам в Берлин. Она выполнила просьбу⁵⁸.

Однако в целом Этель признавала, что в 1920 г. большинство населения поддерживало большевистское правительство. Более того, на ее взгляд, иностранная интервенция лишь укрепила советский режим, поскольку заставила народ сплотиться против внешней угрозы. Таким образом, чистота социалистического «эксперимента» в России, по мнению Сноуден, «оказалась испорчена» из-за грубого вторжения извне. Успехи и ошибки новой власти потонули в войне и блокаде⁵⁹.

Этель вспоминала, как на обратном пути из Астрахани часть путешественников делилась своими впечатлениями от поездки друг с другом. Мы все были едины во мнении, писала она, что в официальном отчете не должно было фигурировать ничего, что могло бы спровоцировать продолжение иностранной интервенции⁶⁰. В итоге документ, подготовленный делегацией в 1920 г., носил сдержанный характер. Его авторы констатировали кардинальные перемены в социально-экономической сфере и отдавали должное масштабу боль-

шевистских реформ. Делегация отметила относительный порядок и отсутствие насилия на улицах городов. Одновременно в докладе было указано на бедность и нищету, но делегация склонна была списывать это на переходный период и последствия Гражданской войны и интервенции. Особое внимание было обращено на отсутствие привычных для британцев демократических свобод. Тем не менее авторы доклада здесь же приводили аргументы советской власти относительно того, что народ пока еще «недостаточно сознателен», чтобы сопротивляться «контрреволюционному влиянию»⁶¹. Элементы субъективного восприятия путешественниками увиденного в официальном докладе практически отсутствовали. Этель же, со своей стороны, откровенно писала в книге, что часть членов делегации, покидавшей Россию, была преисполнена энтузиазма в отношении нового режима. Другая же была горько разочарована. В частности она приводит слова одного из коллег: «В России практически нет того, что достойно назваться социализмом»⁶².

В заключении следует отметить, что в книге «Сквозь большевистскую Россию» Этель писала, что ставила своей задачей представить ту Россию, которую она удостоилась привилегии увидеть. По ее собственным словам, как автор она не стремилась угодить ни тем, кто поддерживал красных, ни тем, кто выступал на стороне белого движения. «Все что говорится и делается в России, не является ни безусловно хорошим, ни полностью плохим», — заключала Сноуден. Она признавала, что люди в России столкнулись с очень сложной ситуацией, но выражала надежду, что страна сможет ее преодолеть⁶³.

Вслед за большей частью британской прессы Этель рассматривала приход к власти в России большевиков именно как «государственный переворот» и открыто заявляла в своей книге, что не принимает его⁶⁴. В этой связи едва ли ей было близко заявление одного из членов делегации, левого лейбориста К. Аллена, отметившего в ходе публичного выступления по прибытии в Петроград, что он приехал в Россию «как ученик, а не судья»⁶⁵. Сноуден не выступала безжалостным судьей, скорее наблюдателем, однако «учиться» большевистскому опыту она явно не была склонна. Тем не менее Этель однозначно высказывалась против интервенции в Россию, как и остальные участники делегации. «Внутренние дела России касаются только ее, но никак не нас», — заключала она в своей книге⁶⁶.

Выводы делегации 1920 г. во многом легли в основу дальнейшего восприятия лейбористами большевистского режима и их политики в отношении СССР. Учитывая, что в 1920-е гг. партия дважды сформировала в Великобритании собственное правительство, значение визита не следует недооценивать. Прежде всего делегация констатировала, что новая власть в России достаточно крепка. Это нашло отражение и на страницах книги Этель Сноуден. Данный факт означал, что именно с этой властью необходимо устанавливать дипломатический диалог. Буквально через несколько лет лейбористы реализовали эту идею на практике. Лейбористский кабинет Р. Макдональда стал одним из первых западноевропейских правительств, установившим с СССР дипломатические отношения в феврале 1924 года.

Наряду с этим можно в целом согласиться с британским исследователем Уайтом, писавшим, что делегация отметила экономичес-

кие возможности России ⁶⁷. Этот тезис также был положен в основу последующей лейбористской пропаганды и партийных документов. Необходимость установления с новым государством нормальных отношений партия аргументировала не симпатией к режиму, а, прежде всего, тем, что это было выгодно экономически, поскольку расширяло возможности взаимной торговли. В результате, в 1924 г. лейбористы, находясь у власти, заключили торговый договор с СССР, который, однако, после падения кабинета не был ратифицирован парламентом. Сноуден в своей книге мало касалась выгоды от потенциальной торговли с Россией. Однако она отмечала, что налаживание экономических отношений с Западом позволит разоренной стране встать на ноги.

В целом на страницах книги «Сквозь большевистскую Россию» был представлен личный, глубоко субъективный взгляд автора на новый советский режим, установленный после 1917 года. В отличие от текста общего доклада, в данном случае Сноуден не стеснялась более категорично выражать свое мнение, приводить детали, которые по тем или иным причинам в докладе были опущены. Этель оказалась невосприимчива к большевистской пропаганде. Скорее она вызвала у нее резкую неприязнь.

Тональность работы «Сквозь большевистскую Россию» не понравилась многим членам Независимой рабочей партии (НРП), левого крыла лейбористов, куда еще с довоенных лет входили и Филипп, и Этель Сноуден. «Мы с женой души, мыслящие совершенно одинаково, два сердца, бьющиеся как одно», — открыто говорил Филипп Сноуден в 1920 г. на ежегодной конференции НРП ⁶⁸. В результате, после выхода книги «Сквозь большевистскую Россию» Этель даже не была выдвинута в 1922 г. кандидатом от НРП в исполком лейбористской партии. В дальнейшем на протяжении 1920-х гг. произошел окончательный разрыв семейства с левым лейбористским флангом. В 1931 г. случился и отход от лейбористской партии, однако, причиной тому были уже иные обстоятельства, связанные с расколом второго лейбористского кабинета.

Примечания

1. British Labour Delegation to Russia 1920. Report. London. 1920.
2. См., например: GRAUBARD S.R. British Labour and the Russian Revolution 1917—1924. Cambridge (Mass.). 1956; WHITE S. British Labour and the Russian Revolution: the Labour Delegation to Russia, 1920. In: Contact or Isolation. Soviet-Western Relations in the Interwar Period. Stockholm. 1991. См. также: УАЙТ С. Устанавливая контакты: британские лейбористы в России. 1920. В кн.: Британия и Россия. М. 1997.
3. ГУРОВИЧ П.В. Первая делегация тред-юнионов и лейбористской партии в Советской России. — Новая и новейшая история. 1973, № 4.
4. WILLIAMS R. The Soviet System at Work. London. 1920; BUXTON C.R. In a Russian Village. London. 1922; BONDFIELD M. A Life's Work. London. 1948; TURNER B. About Myself 1863—1930. London. 1930.
5. SNOWDEN E. Through Bolshevik Russia. London. 1920, p. 32.
6. EJUSD. Labour and the New World. London. 1924, p. 46.
7. COLE G.D.H. A History of the Labour Party from 1914. New York. 1968, p. 133.
8. Report of the 19-th Annual Conference of the Labour Party. London. 1920, p. 4.
9. British Labour Delegation to Russia 1920. Report, p. 5; SNOWDEN E. Op. cit., p. 8.
10. WILLIAMS R. Op. cit., p. 11.
11. BONDFIELD M. Op. cit., p. 200.

12. УЭЛЛИС Г. Россия во мгле. М. 1959, с. 74.
13. LANSBURY G. What I saw in Russia. London. 1920, p. 26.
14. SNOWDEN E. Op. cit., p. 116—120.
15. Ibid., p. 117.
16. BONDFIELD M. Op. cit., p. 200.
17. TURNER B. Op. cit., p. 220.
18. SNOWDEN E. Op. cit., p. 122.
19. Ibid., p. 122—124.
20. Ibid., p. 125—126.
21. Ibid., p. 45.
22. Ibid., p. 47, 76.
23. British Labour Delegation to Russia 1920. Report, p. 6; WILLIAMS R. Op. cit., p. 14.
24. SNOWDEN E. Op. cit., p. 48—49.
25. Ibid., p. 50.
26. British Labour Delegates in Red Petrograd. The Plenum of the Trade-Unions Council of the Province of Petrograd 12-th May 1920 (Speeches and Resolutions). Petrograd. 1920, p. 24.
27. SNOWDEN E. Op. cit., p. 51.
28. TURNER B. Op. cit., p. 215.
29. SNOWDEN E. Op. cit., p. 63.
30. Ibid., p. 16; TURNER B. Op. cit., p. 222.
31. SNOWDEN E. Op. cit., p. 20—21.
32. Ibid., p. 18, 21—22.
33. Ibid., p. 16—17.
34. Ibid., p. 17, 108. Cp.: BONDFIELD M. Op. cit., p. 198. УЭЛЛИС Г. Ук. соч., с. 9.
35. SNOWDEN E. Op. cit., p. 164, 172, 176.
36. Ibid., p. 168—169.
37. British Labour Delegation to Russia 1920. Report.
38. SNOWDEN E. Op. cit., p. 85.
39. WILLIAMS R. Op. cit., p. 19.
40. British Labour Delegation to Russia 1920. Report, p. 11.
41. Ibid., p. 24.
42. SNOWDEN E. Op. cit., p. 95.
43. Ibid., p. 97—98.
44. British Labour Delegation to Russia 1920. Report, p. 25; WILLIAMS R. Op. cit., p. 17.
45. SNOWDEN E. Op. cit., p. 98—99.
46. Ibid., p. 78.
47. BONDFIELD M. Op. cit., p. 199.
48. SNOWDEN E. Op. cit., p. 102, 104; TURNER B. Op. cit., p. 216.
49. SNOWDEN E. Op. cit., p. 140—147.
50. WILLIAMS R. Op. cit., p. 14.
51. SNOWDEN E. Op. cit., p. 147, 183.
52. Ibid., p. 124, 151, 153.
53. Ibid., p. 125, 155.
54. British Labour Delegation to Russia 1920. Report, p. 9.
55. SNOWDEN E. Op. cit., p. 161.
56. Ibid., p. 38—39, 44.
57. BONDFIELD M. Op. cit., p. 228.
58. SNOWDEN E. Op. cit., p. 101, 137—138.
59. Ibid., p. 152.
60. Ibid., p. 179.
61. British Labour Delegation to Russia 1920. Report, p. 9.
62. SNOWDEN E. Op. cit., p. 180.
63. Ibid., p. 9—10.
64. Ibid., p. 11.
65. British Labour Delegates in Red Petrograd. The Plenum of the Trade-Unions Council of the Province of Petrograd 12-th May 1920 (Speeches and Resolutions), p. 27.
66. SNOWDEN E. Op. cit., p. 8.
67. WHITE S. Op. cit., p. 232.
68. Independent Labour Party. Report of the Annual Conference Held at Glasgow, April 1920. London. 1920, p. 103.

Экономическая эффективность золотодобычи Дальстроя (1932—1956)

П.С. Гребенюк

Аннотация. В сообщении проанализированы производственно-финансовые показатели золотодобычи Дальстроя в 1932—1956 годах. Главная цель исследования заключалась в оценке экономической эффективности золотодобычи Дальстроя и деятельности организации в целом. Феномен Дальстроя, использовавшего принудительный труд заключенных и давшего в 1932—1955 гг. более половины государственной добычи золота в СССР, заключался в богатстве колымских россыпей и низкой себестоимости золота по сравнению с ординарным сектором золотопромышленности СССР. Если рассматривать эффективность Дальстроя с позиции государственной власти, в том числе и по экономическим критериям, и золотодобыча, и в целом деятельность Дальстроя безусловно заслуживают признания, а опыт освоения и управления огромной территорией Северо-Востока России можно считать уникальным, но при всех достигнутых результатах, с учетом понесенных человеческих потерь, подобная деятельность не может быть признана эффективной.

Ключевые слова: СССР, Дальстрой, золото, золотодобыча, экономическая эффективность, курс рубля, капиталовложения, себестоимость золота, принудительный труд, заключенные, производительность труда.

Abstract. The work analyze financial activities of Dalstroi's gold-mining in 1932—1956. The main objective of the study was to assess the economic efficiency of Dalstroi's gold-mining and the organization as a whole. Dalstroi's phenomenon, which was based on use of forced labor of prisoners, and gave in 1932—1955 more than half of the state gold production of the USSR, consisted in wealth Kolyma placer gold and low cost compared with ordinary gold mining sector of the USSR. The author concludes that if we consider the effectiveness of Dalstroi from the position of the government, including economic criteria, Dalstroi's gold-mining and Dalstroi activities as a whole certainly deserve recognition, and experience of developing and managing a vast territory of the North-East of Russia can be considered unique. However, if the judge Dalstroi activities not only in terms of the results achieved, but taking into account the human losses, it can not be considered as effective.

Key words: USSR, Dalstroi, gold, gold-mining, economic efficiency, exchange rate, investment, cost of gold, forced labor, prisoners, labor productivity.

Гребенюк Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН. Магадан. E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com.

Grebenyuk Pavel S. — candidate of historical sciences, researcher at the North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N.A. Shilo. Magadan. E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com.

Вопросы экономики принудительного труда и его эффективности плодотворно исследуются учеными ¹, большинство из них считают, что оценка затраченных ресурсов не позволяет делать выводы об экономических успехах подобного предприятия. Одновременно с этим, рассматривая различные аспекты экономики ГУЛАГа в региональном и отраслевом измерениях, историки отмечают, что мобилизационные возможности лагерной экономики позволяли реализовывать масштабные проекты в различных регионах в короткие сроки, а также тот факт, что оценка эффективности зависит от экономико-географических особенностей конкретного региона, отрасли производства и ценности производимого продукта ².

В настоящей работе затрагивается значимая для определения характера сталинской модели индустриализации проблема — оценка деятельности Дальстроя (1932—1956 гг.).

Одним из первых научную оценку Дальстрою высказал известный советский экономист С.В. Славин, в 1931—1934 гг. работавший заместителем председателя Совета Севера Госплана СССР. В черновом варианте рукописи коллективной монографии «Проблемы развития производительных сил Магаданской области», подготовленной в 1959 г. Советом по изучению производительных сил при Президиуме АН СССР, Славин отмечал: «Исключительно высокое содержание золота в россыпных месторождениях верховьев Колымы и Индигирки и большие масштабы его добычи, обусловившие низкую себестоимость металла, в конечном итоге несмотря на неблагоприятные условия Севера, дали для народного хозяйства страны крупную экономию средств по сравнению с использованием других месторождений золота в СССР. В целом эта экономия покрыла все многомиллиардные капитальные затраты, произведенные до 1955 г. в геологические разведки, промышленное освоение месторождений золота и олова, строительство дорог, городов и рабочих поселков, многочисленных обслуживающих промышленных предприятий, совхозов и подсобных сельскохозяйственных предприятий. Покрыты были также убытки, связанные с более высокой чем в среднем по Союзу себестоимостью добычи олова. Не говоря уже о значении золота для страны, изложенное показывает высокую экономическую эффективность промышленного и транспортного освоения Магаданской области за прошедший период» ³. Эта оценка, высказанная в 1959 г. в Магадане на первом региональном совещании по развитию производительных сил Магаданской области, отличалась от доминирующей среди руководящих кадров линии на представление о Дальстрое как об убыточном, неэффективном производстве и выделялась на фоне всеобщей критики Дальстроя и умалчивания фактов его истории.

В современной историографии проблема эффективности деятельности Дальстроя была обозначена А.Н. Пилясовым в 1993 г. в серии публикаций в производственно-техническом бюллетене «Колыма», а в 1996 г. была представлена в монографии автора, посвященной закономерностям и особенностям развития Северо-Востока России ⁴. Пилясов пришел к выводу что в целом деятельность Дальстроя по экономическим критериям была неэффективной. Отмечалось, что суммарный объем государственных инвестиций в трест Дальстрой составил 15,5 млрд руб. в ценах 1950 г. (3,875 млрд долл. по курсу 1950 г.), что было более чем в 2 раза выше стоимости конечной продукции производственного ядра Дальстроя (1,5—1,75 млрд долл. по

курсу 1950 г.). Текущие затраты на добычу металлов в 1932—1956 гг. составили 25,7 млрд руб. в ценах 1950 г. (6,425 млрд долл. по курсу 1950 г.).

Издержки на добычу олова, вольфрама, кобальта за все время деятельности Дальстроя были в 7—15 раз выше мировой цены, себестоимость добычи золота до 1941 г. — ниже, в 1941—1956 гг. — в 2—3 раза выше мировой цены. Автор резюмировал, что окончательный вывод об эффективности золотодобычи и всего функционирования Дальстроя связан с официальным курсом рубля, который тогда определялся директивно. При этом, по подсчетам автора, при официальном курсе, а также в широком коридоре отношения доллара к рублю до 1:10 по капитальным вложениям и до 1:15 по текущим затратам, деятельность Дальстроя оказывалась неэффективной⁵.

По мнению А.И. Широкова, одной из причин относительно невысокой себестоимости золота, добываемого в 1930-е гг. на Северо-Востоке России, являлось то, что в Дальстрое использовался труд заключенных и обрабатывались в первую очередь наиболее богатые россыпные месторождения, требующие сравнительно небольших затрат, меньшего числа механизмов и электроэнергии по сравнению с рудными месторождениями⁶. Как отмечает исследователь, 1930-е гг. стали периодом колымского «экономического чуда», а рост объемов золотодобычи, «казалось бы, становился наглядным подтверждением эффективности деятельности Дальстроя»⁷. Позже Л.В. Сапоговская также выделила рост численности заключенных наряду с жесткой системой эксплуатации при обработке богатейших месторождений как основу «экономического чуда» Дальстроя⁸.

Как отмечает В.Г. Зеляк, для комплексного изучения данной проблемы необходимо учитывать ряд обстоятельств, среди которых исследователь отмечает абсолютную ценность золота для государственных расчетов на внешнем рынке, в том числе в условиях военного времени, а также тот факт, что официальный курс рубля к доллару в указанный период был сильно занижен, и проводить какие-либо объективные расчеты исходя исключительно из этого курса недопустимо. Исследователь обращает внимание, что Пилясов подсчитывает текущие затраты и капитальные вложения во все сферы деятельности Дальстроя, включая и те, которые или не имели к золотодобыче никакого отношения, или имели только косвенное (сельское и промышленное хозяйство, местная промышленность и т. д.)⁹.

Автор исследования о деятельности «Торгсина» в 1930-е гг., Е.А. Осокина, пишет о парадоксе сосуществования относительно высокой валютной рентабельности Торгсина по сравнению с советским экспортом тех лет и его убыточности как торгового предприятия. В связи с этим, чтобы оценить результаты деятельности Торгсина, в качестве показателя эффективности исследователем было выбрано золото. Сравнимая себестоимость торгсиновского золота и промышленной добычи золота в Дальстрое, автор отмечает, что себестоимость «добычи» грамма чистого золота в Торгсине (2 руб. 13 коп. или 1,1 долл. США), исходя из валютного курса рубля первой половины 1930-х гг., была дороже мировой цены, но при этом торгсиновское золото обходилось государству значительно дешевле дальстроевского. По расчетам Осокиной, мировая цена составляла 66,5 центов за грамм чистого золота, а официальный валютный курс рубля был равен 1 руб. 94 коп. за доллар США. Поэтому себестоимость добычи грамма золота в Даль-

строе (4 руб. 57 коп.) составляла 2,36 долл. США и была в 3,5 раза выше его мировой цены ¹⁰.

Автор так же как и большинство исследователей отмечает, что обменный курс не имел ничего общего с действительной покупательной способностью рубля по отношению к доллару, при учете которой себестоимость золота Торгсина и Дальстроя может оказаться ниже его мировой цены ¹¹. По мнению Осокиной, государство мирилось с миллионными убытками от торговой деятельности Торгсина ровно до того времени как золотодобывающая промышленность страны стала на ноги, заработал и разросся Дальстрой — и только после этого правительство закрыло Торгсин.

В зарубежной историографии вопросы экономики принудительного труда рассматриваются в общем контексте карательной деятельности сталинского периода и объединяются выводами о политике репрессий как основе лагерного хозяйства ¹². Многие историки сходятся в том, что хозяйственная роль ГУЛАГа имела существенное значение, но сама структура была убыточна по экономическим критериям, а труд в ГУЛАГе не мог быть эффективным ¹³. Отдельные исследователи отмечают, что использование труда заключенных могло быть экономически эффективно на некоторых видах производства, в том числе на золотодобыче ¹⁴.

В этой связи американский ученый Дэвид Норландер отмечает ценность Дальстроя для СССР на всем протяжении индустриализации. Исследователь пишет, что советская экономика извлекала огромную прибыль от деятельности Дальстроя, пополняя запасы валюты. По мнению Норландера, использование заключенных было экономически эффективным в 1930-е гг., однако «большая чистка» в Магадане имела негативные последствия и вызвала спад производительности — «приток заключенных приводил только к одному дополнительному килограмму золота на каждых 17 новых заключенных» ¹⁵. Такой вывод был сделан на основе сравнения данных золотодобычи и численности заключенных Дальстроя в 1936 и 1939 гг., но, как справедливо указывает В.Г. Зеляк, данное положение искажает фактическую сторону, так как для расчета была использована среднесписочная численность всех заключенных Дальстроя в указанные годы (62,7 тыс. чел. в 1936 г.), тогда как численность заключенных, использовавшихся на золотодобыче, была значительно меньше (18,5 тыс. чел. в 1936 г.) ¹⁶. Тем не менее выводы Норландера могут быть приняты во внимание в несколько ином контексте, если отталкиваться от понимания Дальстроя как единого организма, где все работающие сферы жизнедеятельности направлены на обслуживание и достижение главной задачи — добычи золота.

Как видно, в историографии темы можно выделить несколько моментов, которые являются ключевыми для понимания сути вопроса и расхождений в оценках отдельных исследователей. Прежде всего это вопрос о том, как оценивать эффективность деятельности Дальстроя, и здесь логично согласиться с тем, что если подсчитывать результаты всей деятельности Дальстроя за весь период — а это не только добыча золота и других металлов, но и другие сферы (результаты деятельности предприятий сельского хозяйства и местной промышленности) — то при соотношении затрат и инвестиций должны учитываться данные об экономических достижениях в указанных сферах деятельности.

Данное замечание связано также с недостаточной проработкой в исследовательской литературе вопроса комплексной оценки финансовых вложений государства в Дальстрой и затрат на добычу металлов за весь период деятельности организации. В этой связи расчеты Пилисова на сегодняшний день являются единственной попыткой обобщить показатели по капитальным вложениям и текущим затратам, но остается неясным, какие источники были положены автором в основу расчета текущих затрат на добычу металлов и какова структура данных затрат, оцененных Пилисовым в 25 млрд руб. в ценах 1950 года. В этой связи важно рассмотреть структуру государственных капитальных вложений в Дальстрой и прояснить, из каких конкретных позиций складывалась себестоимость золота, добытого в Дальстрое.

Прочные основания имеет точка зрения, что добыча золота была основным и самым главным направлением деятельности Дальстроя, а все остальные отрасли создавались и функционировали для того, чтобы обеспечить бесперебойную добычу золота, а потом олова и других металлов, при этом результаты деятельности обслуживающих отраслей незначительны. Безусловно, следует учитывать все производство, однако, при оценке экономических достижений Дальстроя очевидно, что при сведении данных результаты горнодобывающей, а в особенности золотодобывающей промышленности будут решающими. Можно констатировать, что исследователи единодушны в том, что посредством Дальстроя решались геополитические задачи, но экономические цели являлись движущей причиной создания и развития Дальстроя. В этой связи, анализ результатов золотодобывающей промышленности колымского треста будет определяющим в решении проблемы экономической эффективности Дальстроя как комплексной организации.

Как нам кажется, деятельность Дальстроя целесообразно оценивать отдельно на каждом этапе его существования, так как Дальстрой 1930-х, 1940-х гг. и тем более 1950-х гг. — это различные организации по целому ряду важнейших показателей. Кроме того, при оценке результатов золотодобычи важны точные данные по показателям добычи и себестоимости золота в каждом конкретном году. Использование исследователями среднего показателя по себестоимости золота за ряд лет обосновано при аналогичных сравнениях, но если речь идет о математических расчетах и не учитывается соответствующий объем золотодобычи, это может привести к некорректным результатам.

Представляется важным отметить, что показатель себестоимости добываемого золота Дальстроя — выше или ниже мировой цены — вне всяких сомнений дает представление об экономической системе, но не должен автоматически приводить исследователей к выводу об экономической эффективности или неэффективности этой системы. Кроме того себестоимость отражает текущие затраты, а в общем зачете должны быть учтены и капитальные вложения.

Как отмечается большинством исследователей, окончательные выводы об экономической эффективности не могут основываться на расчетах, проведенных с использованием официального валютного курса рубля. Соглашаясь с приведенным тезисом, отметим, что подобные расчеты Пилисова могут послужить основой для сравнительного анализа, учитывая, что автором установлена своеобразная «линия эффективности» — диапазон отношения доллара к рублю по государственным инвестициям и затратам. Данные по капитальным вложениям в Дальстрой, подсчитанные в ценах, действующих с 1950 г., были

подготовлены в самом Дальстрое в 1955 г., однако, как уже отмечалось, сложно проводить сравнительный анализ Дальстроя 1930-х гг. и 1940-х гг. на их основе, к тому же стоимость золота длительное время оставалась неизменной, а покупательная способность как рубля так и доллара за 25 лет изменилась. Чтобы понять финансово-экономические возможности государства по покрытию затраченных ресурсов, требуется выяснить реальное соотношение валют в различные периоды.

Большинство исследователей, анализируя экономику ГУЛАГа, часто приводят в пример экономические показатели Дальстроя или данные Северо-Восточного ИТЛ, однако нужно понимать, что Дальстрой с момента создания (1931 г.) имел специальный статус, в систему НКВД вошел на правах главка только в 1938 г., а ГУЛАГу никогда не подчинялся. Этот фактор не в полной мере учитывается, в особенности зарубежными исследователями. Дальстрой имел особые полномочия на протяжении всего своего существования, в силу многих обстоятельств являясь уникальной организацией в системе государственной власти.

Проведенный историографический обзор позволяет констатировать, что проблема все еще ждет своего решения. Уникальность опыта Дальстроя дает возможность обратиться к его изучению во всем многообразии — в области планирования, организации, техники, условий и результатов деятельности. Цель настоящей работы — выделить и подвергнуть анализу производственно-финансовые показатели добычи золота в Дальстрое в 1932—1956 гг., а также попытаться ответить на вопрос: была ли эффективна по экономическим критериям деятельность Дальстроя?

Экономическая эффективность (эффективность производства) — соотношение между полученными результатами и затратами труда и средств производства. В самом общем виде экономическую эффективность можно выразить в отношении конечных результатов функционирования экономической системы к затраченным ресурсам.

Для достижения цели мы выделили следующие задачи исследования: 1) выявить и рассчитать основные производственно-финансовые показатели золотодобычи Дальстроя по периодам деятельности организации; 2) определить диапазон фактического валютного паритета рубля в 1930—1950-е гг.; 3) рассчитать соотношение объема государственных капиталовложений в Дальстрой к стоимости конечной продукции золотодобычи; 4) рассчитать соотношение текущих затрат Дальстроя на добычу золота к стоимости конечной продукции золотодобычи.

Источниковедческую базу исследования составили данные по государственным капиталовложениям и себестоимости золота в Дальстрое, хранящиеся в фонде Дальстроя в Государственном архиве Магаданской области, а также материалы годовых и бухгалтерских отчетов Дальстроя. Для исследования особенностей золотодобывающей политики СССР и уточнения данных о покупательной силе советского рубля использован аналитический рапорт ЦРУ «Советское Золото: добыча, резервы и экспорт советского золота» (октябрь 1955 г.)¹⁷. Документ был рассекречен в 2001 г. в составе материалов аналитической коллекции в 350 документов, 8 из которых были посвящены проблемам золотодобывающей промышленности в СССР в 1950-е — 1980-е годы.

Огромные вливания в золотодобывающую промышленность в период первых пятилетних планов, импорт техники, машин и обоору-

дования, которое не было доступно в СССР, а также привлечение иностранных специалистов к разработке месторождений позволили СССР достичь высоких показателей¹⁸. Добыча золота была в приоритете и на личном контроле у Сталина. В 1930-е гг. внимание высшего руководства страны было обусловлено нуждой в значительных объемах золота в связи с необходимостью оплачивать импортные поставки в рамках пятилетних планов. Огромный внешнеторговый дефицит только усиливал потребность государства в золоте. Девальвации валют на мировых рынках — особенно американского доллара в январе 1934 г. — резко повысили покупательную способность золота, тогда как цены традиционного советского экспорта были относительно низкими. Накопление золота в середине 1930-х гг. было также дополнительным фактором, гарантировавшим СССР способность в случае войны приобретать нужные товары за границей. Кроме этого, по свидетельству А.П. Серебровского, Сталин был хорошо осведомлен о роли открытия золота в Калифорнии в развитии западной части США¹⁹. В этой связи руководство страны осознавало, что золотодобывающая промышленность даст мощный толчок развитию регионов Сибири и Дальнего Востока.

Рост показателей золотодобывающей промышленности с конца 1920-х — начала 1930-х гг. определялся вниманием руководства страны, а также рядом факторов, важнейшим из которых стало обнаружение богатых месторождений на реке Колыма на крайнем северо-востоке России и разработка этого района созданным в 1931 г. трестом Дальстрой.

Дальстрой, действовавший на огромной территории в 2,8 млн кв. км, за 25 лет проделал колоссальный объем работ. Только геологоразведка охватила более 1,9 млн кв. километров. На Северо-Востоке страны было построено 4500 километров всех видов дорог, среди которых Колымская трасса — более тысячи километров. К середине 1950-х гг. Дальстрой имел собственный морской и речной флот, авиационный парк в полсотни самолетов, 30 аэропортов и посадочных площадок, 57 электростанций, 7 заводов, а списочный состав автотранспорта в 1954 г. включал более 10 тыс. единиц всех марок. На Северо-Востоке было открыто более 100 школ, свыше 300 больниц и фельдшерских пунктов, около 250 клубов, домов культуры и библиотек²⁰. На берегу Охотского моря возник новый город — Магадан, ставший центром образованной в 1953 г. Магаданской области.

За 1932—1956 гг. Дальстрой добыл 1187,1 т химически чистого золота, 65,3 тыс. т олова в концентрате, 2,85 тыс. т триоксида вольфрама в концентрате, 397,5 т кобальта в концентрате, около 150 т уранового концентрата²¹. Если принять в расчет только золотодобычу, Дальстрой принес государству в действующих ценах более 1,3 млрд долларов.

С 1931 по 1940 г. в СССР было добыто 1247 т золота²², с 1941 по 1950 г. — 1390 т²³, при этом добыча золота на Северо-Востоке России (Дальстрой) составила в 1931—1940 гг. 314,4 т, а в 1941—1950 гг. — 537,5 тонн. Согласно подсчетам, удельный вес золотодобычи Дальстроя составил более $\frac{1}{3}$ от общего объема производства золота в СССР в 1930—1940-х годах. Если говорить непосредственно о государственном производстве, то из общего количества государственной добычи золота за 1932—1955 гг. Дальстроем было добыто 58%, а остальные 42% приходятся на Главзолото²⁴, то есть Дальстрой дал более половины государственной добычи золота.

Заклученные были основной рабочей силой в Дальстрое, вольнонаемный персонал помимо вербовки кадров по организованному набору также активно пополнялся бывшими заключенными. Руководство страны и Дальстроя сделало ставку на широкомасштабное использование заключенных исходя из экономических соображений — привлечение вольнонаемных кадров требовало больших капитальных вложений в обеспечение нормальной жизнедеятельности людей, а также более высоких текущих затрат по вербовке и оплате труда специалистов. Согласно опубликованным данным, с 1932 по 1956 г. в лагеря, существовавшие на территории Дальстроя, поступили 876 043 заключенных, из которых убыли по окончании срока 546 972 чел., умерли 127 792 чел., бежали 7877 чел., остальные были переведены в другие лагеря страны²⁵. В первые годы войны наблюдались максимальные показатели смертности заключенных: если в 1932—1937 гг. умерло 4 тыс. чел., то в 1941 г. — 15,7 тыс., а в 1942 г. — 14,9 тыс. человек²⁶. Жестокие условия существования, отсутствие нормального питания и медицинской помощи, тяжелый изнурительный труд, суровый климат были причинами высокой смертности заключенных. Руководство Дальстроя и его кураторы в центральных органах власти напрямую связывали количество металла с численностью заключенных. При этом, как справедливо отмечает Е.Д. Кочегарова, не брались в расчет преждевременная гибель миллионов людей, бессмысленное расточительство в каторжном труде сил и талантов, способных принести несравнимо большую пользу в нормальных условиях²⁷.

Низкую производительность труда заключенных руководство компенсировало увеличением их количества и более низкими общими затратами в условиях Крайнего Севера. Особенно это проявилось в послевоенный период, когда кризис производства в Дальстрое пытались решать кратным увеличением числа заключенных.

Основу золотодобычи Дальстроя составили богатейшие россыпи с высоким содержанием золота, которых было в десятки раз больше, чем в других регионах страны. Средняя себестоимость золота в 1930-х гг. в Главзолото составляла 12,7 руб. за грамм, в Дальстрое — 5,38 руб., то есть почти в 2,5 раза ниже. В 1940 г. среднее содержание золота в песках на мускульной добыче в Главзолото составило 1,94 г/куб. м, а в песках Дальстроя — 11,1 г/куб. м, то есть в 5,7 раз больше²⁸.

Результаты работы Дальстроя основывались на разработке богатейших участков золотых россыпей с использованием в основном принудительного ручного труда. Себестоимость золота в Дальстрое была самой низкой в СССР, однако с 1943 г. содержание золота в россыпях стало падать, с каждым годом для выполнения плана требовалось выполнять все больший объем работ, для чего необходимы были машины и оборудование.

Стоимость добычи золота в СССР в 1930-е гг. была высокой и постоянно повышалась. Удаленность и трудные условия работы на многих месторождениях, а также истощение богатейших месторождений повышали затраты на добычу. Коммерческая себестоимость золота в Дальстрое увеличилась с 6,55 руб. за грамм в 1940 г. до 13,67 руб. в 1945 г., в 1947—1956 гг. себестоимость золота уже не опускалась ниже 25 руб. за грамм²⁹. Оценка себестоимости золота в СССР американскими экспертами в целом соответствовала истине. Так, Джон Литлпейдж докладывал в ЦРУ, что средняя стоимость производства была 3 руб. за грамм чистого золота в 1928 г., 7 руб. — в

начале 1930-х гг., и 15 руб. — в 1935—1936 годах. В конце 1940-х гг. средняя себестоимость грамма золота в СССР составляла от 45 до 60 руб. за грамм и 25 руб. за грамм в Дальстрое³⁰.

В Советском Союзе действовала система субсидий для золотодобывающих организаций, которая покрывала убытки предприятий. Однако уже в 1945 г. окончание войны и накопленный в стране значительный золотой запас привели руководство к корректировке политики добычи золота «любой ценой». Даже несмотря на падение покупательной способности золота за годы войны, подушка безопасности в виде накопленного золотого резерва позволяла СССР длительное время покрывать дефицит во внешней торговле, при этом показатели как рудной так и россыпной золотодобычи в стране в целом оставались стабильными, наблюдался прирост за счет добычи попутного золота.

С конца 1940-х гг. в СССР из-за заниженной фиксированной мировой цены на золото, высокой себестоимости добычи и значительного размера накопленных резервов большие государственные инвестиции и субсидии направлялись на развитие добычи вольфрама, кобальта, урана и олова. Здесь снова проявилась роль Дальстроя, особый статус которого подтверждался вниманием государства и первоочередным обеспечением поставками.

Чрезвычайно сложной в это время являлась проблема фактического валютного курса советского рубля. В этой связи необходимо не окончательно определить фактический паритет советского рубля в 1930-е—1950-е гг., а лишь установить допустимый диапазон, который бы отражал реальные возможности СССР по конвертации добываемого золота и валюты в советские рубли, и помог бы приблизиться к адекватной оценке советской золотопромышленной отрасли экономики. Думается, что такой диапазон может быть установлен на основе имеющейся архивной и опубликованной информации (в том числе официальной) о фактическом соотношении валют для различных периодов истории СССР (1930-е гг., 1940-е гг., первая половина 1950-х гг.).

В основе валютного паритета лежит соотношение рыночной ценности валюты в золоте. В той или иной степени валютный курс должен отражать покупательную силу валют. История показывает, что официальные валютные курсы могут быть фиксированы на уровне, длительно и значительно отклоняющемся и от фактического соотношения золотого содержания и от покупательной силы валют.

Декретом ВЦИК РСФСР от 11 октября 1922 г. паритет советской валюты был выражен в золоте, и курс рубля в отношении к доллару и другим иностранным валютам определялся на основе соотношения золотого содержания валют. При проведении денежной реформы 1922—1924 гг. золотое содержание рубля было установлено в том же размере, который рубль имел до первой мировой войны, — 0,774234 грамма. Курсы иностранных валют, не имевших установленного законом золотого содержания, устанавливались согласно их курсам в Лондоне, Нью-Йорке и Париже по отношению к фунту, доллару, франку. В этот период курс доллара США составлял 1 руб. 94,5 копейки. В 1926 г. был установлен запрет на вывоз за границу советских денежных знаков и облигаций госзаймов в советской валюте, после чего была прекращена котировка червонца на иностранных биржах, а в 1928 г. последовал запрет ввоза валюты в СССР.

Когда в 1933—1934 гг. была произведена девальвация доллара, и его золотое содержание было понижено на 49%, курс доллара по от-

ношению к рублю постепенно снизился до 1 руб. 14 копеек. Расчеты по внешнеторговым операциям в СССР проводились только в иностранной валюте. Фактический курс рубля значительно отошел от своей золотой основы, с 14 ноября 1935 г. расчетный паритет советской валюты был установлен сначала во французских франках, а с 19 июля 1937 г. — в американских долларах из расчета: 1 долл. равен 5 руб. 30 копейкам. При золотом содержании доллара 0,888671 г и указанному соотношению валют теоретически золотое содержание рубля должно было составлять 0,167674 г золота. Этот курс действовал до 1 марта 1950 г., когда советский рубль был переведен на золотую основу в соответствии с золотым содержанием рубля в 0,222168 г. чистого золота. Исходя из этого был установлен новый курс: 4 руб. за 1 американский доллар.

Как отмечает В.П. Попов, курс, который не соответствовал уровню цен ни в СССР ни за рубежом, приводил к необходимости предоставлять государственные дотации экспорту и изымать в пользу государства часть импортной выручки в виде наценок на товары и таможенных пошлин³¹. В СССР наряду с официальным действовал и фактический паритет, который более тесно был связан с изменением покупательной силы рубля и ценой золота внутри страны — реальным золотым содержанием рубля. Это выражалось в предоставлении иностранцам права покупать товары внутри СССР по курсу во много раз ниже официального (например Торгсин), в установлении специальных курсов (для посольств и консульских учреждений), необходимости покрывать убытки организациям, экспортирующим продукцию. В этом случае сумма выплаченных субсидий на покрытие убытков фактически представляла собой корректировку паритета валют, так же как и разница при изъятии сверхприбыли от импорта.

Для Дальстроя и золотодобывающих организаций СССР реальный паритет также проявлялся в установлении системы отоваривания по низким ценам, что на практике означало выплату более высокой цены в рублях в сравнении с официальной ценой на золото. То есть валютный курс рубля к доллару в идеале должен был быть ориентиром для золотопроизводителей в сопоставлении стоимости и себестоимости продукции в СССР и за границей, но для этого действовавший курс был абсолютно непригоден, и любое сопоставление стоимости продукции в СССР и за границей на его основе будет некорректным.

Когда в 1945 г. рассматривались варианты расчета нового валютного паритета рубля, один из ведущих советских специалистов, член бюро экспертов Правления Госбанка СССР З.В. Атлас отмечал в специальной записке, что этот вопрос надо решать в зависимости от того, на какие функции будет ориентирован пересмотр валютного курса. В этой связи выделялись: обмен валюты для иностранцев, трансграничные денежные переводы, расчеты Госбанка по экспорту и импорту с советскими организациями, сопоставление стоимости продукции в СССР и за границей³².

По мнению Атласа, реальный паритет мог быть установлен на основе соотношения стоимости золота в СССР в рублях по сравнению с его стоимостью в США в долларах, либо на соотношении покупательной способности валют. Если построить валютный курс непосредственно на базе паритета покупательной силы рубля и доллара, то в этом случае, учитывая, что уровень производительности труда в

СССР был в 2—2,5 раза ниже, чем в США, валютный курс должен отклоняться от этого паритета в 2—2,5 раза в сторону превышения уровня цен в СССР (в рублях) по отношению к уровню цен в США (в долларах). Чтобы найти паритет на основе соотношения стоимости золота, надо рассчитать средневзвешенную цену золота в СССР. Зная цену золота в долларах (35 долл. за унцию), можно определить курс, который более или менее будет близок к соотношению покупательной силы рубля и доллара ³³.

Если обратиться к внутренним ценам в СССР (1949 г.), то официальная цена Госбанка составляла 5,91 руб. за грамм, цена Минфина на золото, отпускаемое на производственно-технические цели — 20 руб. за грамм, приемно-расчетная цена от металлургической промышленности — 30 руб., Дальстроя — 43 руб. 20 коп., Главспецмета — 44 руб. 60 коп., цена в скупке — 44 руб. 57 коп., цена расчетов со старателями — 41 руб. 53 коп., розничная цена в изделиях — 120 руб. за грамм ³⁴. Согласно приведенным данным, средневзвешенная цена на золото в указанный период может быть определена в диапазоне 25—45 руб. за грамм.

Как отмечалось, с 1936 г. исчисление внешнеторгового оборота проводилось в бумажных советских рублях с изменявшимся курсом. До этого, с 1924 по 1936 г., учет велся на старые золотые рубли по текущим ценам. Принимая во внимание изменения внешнеторговой статистики и падение ценности рубля, эксперты экономической секции секретариата Лиги Наций рассчитали среднегодовую ценность рубля 1936 г. и последующих лет (1936—1938 гг.) по экспорту и импорту. В 1938 г. ценность рубля составляла 11,14 центов как по экспорту, так и по импорту, то есть, согласно расчетам, американский доллар был оценен в 8,9 советских рублей ³⁵. По данным Е.А. Осокиной, подробно исследовавшей феномен Торгсина, согласно отзывам американских инженеров, работавших на стройках индустриализации в СССР, в 1930-е гг. доллар был равен 10—25 рублям ³⁶.

В 1946 г., уже по данным советских экспертов, реальная стоимость доллара составляла 15—20 рублей. По мнению А.И. Микояна, именно такой курс сделал бы реализацию товаров на внешнем рынке «нормально рентабельной». Эта цифра была представлена в записке Микояна, направленной Сталину в декабре 1946 г., в которой впервые в послевоенный период было высказано предложение о необходимости отказаться от привязывания рубля к какой-либо иностранной валюте и восстановлении соотношения рубля и золота ³⁷. Денежная реформа 1947 г. носила конфискационный характер, обмен денег из соотношения 10:1 свидетельствовал, в какой степени понизилась реальная покупательная способность рубля за годы войны. Известно, что в послевоенной Москве среди дипломатов и иностранцев доллар стоил около 50 руб., при этом американское посольство меняло для своих сотрудников доллары на рубли по льготному курсу Госбанка СССР 1:12, а в странах Восточной Европы доллар стоил уже 100 советских рублей ³⁸.

Согласно материалам американской разведки, для подсчета объема производства в СССР четырех важнейших цветных металлов (медь, свинец, цинк и алюминий) эксперты использовали соотношения рубля к доллару как 15:1 (на 1 января 1950 г.) ³⁹. В 1956 г. эксперты валютно-экономического отдела Госбанка СССР отмечали, что действовавший курс (1 долл. равен 4 руб.) являлся искусственным и завы-

шенным, что подтверждалось также экспортными операциями, по которым за каждый вырученный от экспорта доллар торговое объединение получало от Госбанка 4 руб. и еще около 4 руб. из бюджета, то есть государству доллар обходился в среднем примерно в 8 рублей. Данный расчет проводился на базе оптовых цен без учета налога с оборота. Отмечалось, что фактически действовавший курс превышал покупательную силу рубля в несколько раз. Аналитики Госбанка в итоге предлагали скорректировать курс в соотношении 7—8 руб. за американский доллар⁴⁰. Установленный в 1957 г. специальный курс обмена иностранной валюты на рубли по нетоварным операциям составлял 10 руб. за 1 доллар.

На базе паритета покупательной силы рубля и доллара был рассчитан диапазон фактического паритета рубля для следующих периодов истории СССР и деятельности Дальстроя: 1932—1940 гг. — 1 долл. к 15—20 руб., 1941—1945 гг. — 1 долл. к 20—25 руб., 1946—1950 гг. — 1 долл. к 15—20 руб., 1950—1956 гг. — 1 долл. к 10—15 рублям. Установленный паритет может быть также увеличен в сторону удешевления рубля, если учесть средневзвешенную цену золота в СССР.

Объем капиталовложений в Дальстрой за период деятельности с 1932 по 1956 г. составил 15,5 млрд руб. в ценах, действовавших с 1 июля 1950 г. (3,875 млрд долл. по курсу 1950 г.). Расчет был составлен в Дальстрое в конце 1955 г., объем капиталовложений за 1956 г. учтен согласно плановому показателю. Стоимость всей конечной продукции Дальстроя, по расчетам А.Н. Пилясова, составила 1,5—1,75 млрд долл. по курсу 1950 года⁴¹.

Какова была структура капитальных вложений в Дальстрой? На основе архивных данных, был рассчитан объем капиталовложений по основным направлениям в ценах, действовавших с 1 июля 1950 года. За все годы деятельности Дальстроя из 15,5 млрд руб. на геологоразведку было направлено 6,2 млрд руб. (около 40%)⁴², на капитальное строительство — еще около 40% — 6,2 млрд руб., на приобретение оборудования и инвентаря — около 2,7 млрд рублей (18%).

Сложно оценивать Дальстрой как коммерческое предприятие, поскольку его активы как компании — это государственные активы. Дальстрой был наделен государственными полномочиями и фактически указанный объем капитальных вложений — это инвестиции государства в развитие Северо-Востока страны: дороги, жилые и административные здания, аэропорты, порты и пристани, комбинаты, заводы и фабрики, машины и оборудование, морской и речной транспорт, автотранспорт. Эффект от финансовых вливаний не закончился в 1956 г. — в последний год деятельности Дальстроя.

Большой объем средств направлялся на геологоразведку (не только золота). Добывая металл, Дальстрой попутно решал и другие задачи. Чтобы лучше понимать специфику его экономики, важно рассмотреть структуру финансовых вложений на каждом этапе деятельности организации.

В этой связи на начальном этапе, в 1932—1936 гг., когда с нуля создавалась база и инфраструктура, капиталовложения в Дальстрой составили 459,2 млн руб.⁴³, из них 23% или 108,7 млн руб. шло на горную промышленность (на эксплуатацию управлений — 80,6 млн руб. и на капитальное строительство — 28,1 млн руб.), остальные 77% составляли капитальные вложения в автотранспортное хозяйство (дороги, автобазы) — 143,7 млн руб., железнодорожное строитель-

ство — 0,3 млн, морской и речной транспорт — 81,3 млн, автотранспорт — 2,3 млн, связь — 10,5 млн, сельское и промышленное хозяйство — 28,3 млн, городское строительство — 62,2 млн, транспортно-складское строительство на «материке» — 9,3 млн и прочие работы — 2,5 млн рублей. Как видно, в первые годы деятельности значительный объем средств направлялся на развитие автодорожного и транспортного хозяйства, сельского и промышленного хозяйства, а также в городское строительство. Удельный вес финансирования организации в 1932—1940 гг. составил около 15% от объема капитальных вложений в Дальстрой за весь период его деятельности.

Почти 70% капитальных вложений в Дальстрой пришлось на период с 1946 по 1956 г. и около 30% — с 1931 по 1945 год. На основе имеющихся архивных данных, сложно в деталях выделить объемы финансовых вложений, направлявшихся непосредственно на развитие золотодобывающей промышленности за весь период истории Дальстроя. Если говорить о геологоразведке, то непосредственно на разведку золота в 1932—1940 гг. было направлено 63% средств, в 1941—1945 гг. — чуть больше 40%, а в 1946—1952 гг. из общего объема в 2,5 млрд руб. (в сметных ценах) на золото было выделено 1,3 млрд руб., то есть почти половина капитальных вложений⁴⁴.

Согласно расчетам, за весь период существования Дальстроя из 6,2 млрд руб. капитальных вложений в геологоразведку (в ценах, действовавших с 1 июля 1950 г.) около 55—60% (до 3,7 млрд руб.) были направлены на разведку золота, и остальные 40—45% (до 2,7 млрд руб.) на разведку олова и других металлов.

Большие объемы инвестиций направлялись и в другие сферы горнодобывающей промышленности, а после образования Магаданской области значительно увеличились ассигнования на развитие социальной сферы и жилищного строительства. В этой связи показательны данные, приведенные в ходе областной партийной конференции 1958 г.⁴⁵, согласно которым капиталовложения в золотодобывающую промышленность («на золото») составили: в 1953 г. — 50 млн руб., в 1954 — 81 млн, в 1955 — 130 млн, в 1956 г. — 133 млн рублей. Учитывая тот факт, что объем капиталовложений в Дальстрой за последние 4 года его деятельности (в 1953—1956 гг.) составил 4,5 млрд руб. (30% от всех государственных инвестиций в Дальстрой за все время его существования), на развитие золотодобычи (не считая геологоразведку) было выделено лишь 8,6% от всех средств за 4 года.

Чтобы рассчитать соотношение добытого золота (в американских долларах) и капитальных вложений в рублях, был рассчитан объем капиталовложений в сметных ценах по каждому периоду деятельности Дальстроя. Капиталовложения в 1932—1940 гг. определяются в 1,5 млрд руб., в 1941—1945 — 1,8 млрд, в 1946—1952 — 5,9 млрд, в 1953—1956 гг. — 4,3 млрд рублей⁴⁶. Таким образом, отношение золотого доллара Дальстроя к рублю по капитальным вложениям составило: в 1932—1945 гг. — 1 к 4,5; в 1946—1952 — 1 к 15; в 1953—1956 гг. — 1 к 21.

Это означает, что в первые 14 лет деятельности Дальстроя стоимость конечной продукции (золота) в рамках официального валютного паритета рубля (1 к 5,30) покрывала объем государственных капитальных вложений в Дальстрой, произведенных в 1932—1945 годах. Если принять во внимание рассчитанный фактический паритет рубля, то стоимость конечной продукции (золота) в 1932—1945 гг.

почти в пять раз превышала объем государственных капитальных вложений за этот период, а в 1946—1956 гг. стоимость конечной продукции (золота) примерно была равна объему государственных капитальных вложений.

Какие затраты учитывались, согласно отчетной документации Дальстроя, в структуре себестоимости золота? Рассмотрим на примере 1940 г. — года максимальной добычи золота за всю историю Дальстроя. В 1940 г. было получено 80 т химически чистого золота, в том числе 64 т от промывки на промприборах, 14,4 т от промывки лотками, остальное составил приход от промывки гидравликой, попутной добычи, геологоразведки, подъемного золота и конфиската. Фактическая сумма затрат по добыче золота составила 483 млн руб. или 6,04 руб за грамм⁴⁷. Указанные цифры складывались из прямых затрат на добычу и накладных расходов. Прямые затраты составили 288 млн руб. и включали: материалы — 64,4 млн руб.; топливо — 48,7 млн; зарплату вольнонаемного персонала — 9,1 млн; начисления на зарплату вольнонаемного персонала — 1,1 млн; премиальное вознаграждение заключенных — 23,8 млн; расходы на содержание заключенных — 114,2 млн; их этапирование — 16,5 млн; плату за подъемное золото — 1,8 млн; эксплуатационные разведки — 7,6 млн; услуги шлихообогатительной фабрики — 1,9 млн; прочие затраты — 0,5 млн рублей. Накладные расходы составили 230,9 млн руб. и состояли из цеховых расходов — 162,9 млн руб., общепроизводственных — 53,1 млн, расходов на содержание временных дорог (зимники) — 15,1 млн рублей.

Коммерческая себестоимость была немного выше фабрично-заводской и составила 524,1 млн руб. или 6,54 руб. за грамм чистого золота⁴⁸. В коммерческую себестоимость включались общеадминистративные расходы, расходы на содержание горных управлений, на доставку и аффинаж, расходы по подготовке кадров, отчисления в фонд первооткрывателей, уплаченные проценты, штрафы, пени и неустойки. Полная стоимость добытого золота по отчетным документам была еще выше — 551,8 млн руб. (6,89 руб. за грамм), так как, в соответствии с распоряжением Наркомата финансов СССР от 17 ноября 1937 г., 5% с реализационной стоимости металла подлежали отчислению на местные нужды (4% в местный бюджет и 1% в краевой)⁴⁹.

Согласно данным, общие расходы на оплату труда персонала Дальстроя (вольнонаемных и заключенных) составили 6,5% от коммерческой себестоимости золота, однако, если включить в расчет расходы на содержание и этапирование заключенных, доля всех затрат, связанных с оплатой труда и обеспечением рабочего режима, составит в структуре коммерческой себестоимости золота почти 1/3 (31%). Также показателен большой удельный вес в структуре коммерческой себестоимости золота накладных расходов (почти 45%), характерный для условий Северо-Востока.

Амнистия 1953 г. и обстановка в лагерном секторе Дальстроя отражалась на объемах производства и на производительности труда⁵⁰. Образование Магаданской области в декабре 1953 г. придало процессу реорганизации Дальстроя и перестройке на вольнонаемный персонал необратимый характер. В 1950-е гг. значительный удельный вес в формировании себестоимости золота имели расходы по заработной плате, а также расходы по доставке промышленных товаров и продовольствия в Магаданскую область и по территории области.

В этот период в Дальстрое (а с 1957 г. в совнархозе) наряду с механизацией и автоматизацией работ, улучшением технологии и организации работ использовали различные источники и пути снижения общей себестоимости золота. Одним из важнейших вопросов стала проблема затрат на вербовку специалистов и использование рабочих в зимнее время.

На основе данных по себестоимости золота, были рассчитаны текущие затраты Дальстроя на добычу этого металла ежегодно за период с 1932 по 1956 год. Расчеты соотношения доллара к рублю проведены для каждого года деятельности Дальстроя в действующих ценах, затем высчитано среднее значение по указанным периодам деятельности организации.

Текущие затраты на добычу золота в 1932—1956 гг. составили 1,7 млрд руб., в 1941—1945 — 3,5 млрд, в 1946—1952 — 9,4 млрд, в 1953—1956 гг. — 4,4 млрд рублей⁵¹. Соотношение золотого доллара Дальстроя к рублю по текущим затратам составило в среднем: в 1932—1933 гг. — 1 к 9,3; в 1934—1940 — 1 к 4; в 1941—1945 — 1 к 8,7; в 1946—1952 — 1 к 25; в 1953—1956 гг. — 1 к 22.

Лучшие показатели в 1930-х гг. фиксируются в 1935 (1:3,4) и в 1936 гг. (1:3,6), в 1939—1940 гг. соотношение поднялось до 1:5,8. Таким образом, стоимость золота, добытого в Дальстрое в 1932—1940 гг., полностью покрывала текущие затраты на добычу золота в рамках официального курса рубля (1 к 5,30 с 1937 г.). В последующие периоды соотношение доллар/рубль по текущим затратам уже несколько превышало официальный курс (в военное время лучшее соотношение в 1941—1943 гг. — около 1:7,5), а в послевоенный период разрыв резко увеличился — в среднем до 1:25, тогда как официальное курсовое соотношение оставалось до 1950 г. прежним — 1 к 5,30 (по новому курсу уже 1 к 4).

В диапазоне фактического паритета рубля стоимость конечной продукции Дальстроя (золота) за 1932—1945 гг. более чем в 3 раза превышала текущие затраты на золотодобычу в этот период, в 1946—1952 гг. текущие затраты на золотодобычу в 1,2 раза превысили стоимость конечной продукции, а за 1953—1956 гг. — в 1,4 раза.

Таким образом, среднее соотношение доллара к рублю по текущим затратам на добычу золота в 1932—1956 гг. составило 1 к 14. В сравнении с показателями добычи других металлов Дальстроем добыча золота находилась в допустимых для государства рамках рентабельности. Например, затраты на добычу олова в Дальстрое в 1937—1956 гг. составили 5,9 млрд руб., а стоимость полученной продукции, пересчитанная, согласно ценам соответствующих лет, составила около 115 млн долл. США, что демонстрирует соотношение доллара к рублю 1 к 51. Затраты на добычу вольфрама в 1948—1956 гг. составили 368 млн руб., стоимость полученной продукции — около 80 млн долл., соотношение доллара к рублю составило 1 к 4,5. Затраты на добычу кобальта в 1947—1954 гг. составили 257,5 млн руб., стоимость полученной продукции — 2,5 млн долл. США. Таким образом соотношение доллара к рублю исчислялось 1 к 103⁵².

Руководство страны и Дальстроя сделало ставку на широкомасштабное использование заключенных исходя из экономических соображений, напрямую связывая количество добываемого металла с их численностью, при этом не учитывалась низкая производительность

труда, что привело к ошибкам в управлении и низким темпам механизации производственных процессов.

Основу золотодобычи Дальстроя составили богатейшие россыпи с высоким содержанием золота, которых было в десятки раз больше чем в других регионах страны. Во многом по этой причине, текущие затраты на добычу золота в Дальстрое были как минимум в 2 раза ниже затрат в вольнонаемном секторе золотодобывающей промышленности (Главзолото). Именно этим объясняется «внимание и забота» советского руководства и лично Сталина, проявившиеся в особом статусе организации, системе закрепленных за ней привилегий и создании условий для формирования управленческой элиты в Дальстрое. Значение этой организации проявилось в поддержании уровня золотодобычи и пополнении золотых ресурсов СССР с минимальными для государства финансовыми затратами, как в период индустриализации, так и во время войны, а также в период послевоенного восстановления экономики страны и на новом этапе международного экономического противостояния.

Сохранение неизменным официального курса рубля по отношению к доллару было неэкономической мерой советского правительства, понимавшего, что этот искусственный курс не оказывает существенного влияния на экономику внутри страны. Однако наряду с официальным валютным паритетом действовал и фактический паритет, который более тесно был связан с изменением покупательной силы рубля и ценой золота внутри страны — реальным золотым содержанием рубля. В среднем фактический паритет рубля в 1932—1956 гг. определяется в диапазоне 1 долл. к 10—25 рублям. Для золотодобывающих организаций СССР реальный паритет проявлялся в установлении системы отоваривания по низким ценам, что на практике означало выплату более высокой цены в рублях в сравнении с официальной ценой на золото.

Как свидетельствуют цифры, Дальстрой вплоть до 1946 г. являлся единственным в СССР не просто рентабельным, а сверхприбыльным для государства комплексным золотодобывающим производством — в диапазоне фактического паритета рубля стоимость конечной продукции Дальстроя (золота) за 1932—1945 гг. более чем в 3 раза превышала текущие затраты на золотодобычу в этот период, и даже в кризисный период в 1946—1952 гг. добыча золота в Дальстрое оставалась в рамках рентабельности.

Полученные Дальстроем 1187,1 т химически чистого золота были эквивалентны 1,3 млрд долл., согласно действовавшим ценам, или 50,2 млрд долларов в пересчете по курсу середины 2016 года. Объем затраченных ресурсов в сметных ценах (государственные капитальные вложения в Дальстрой и текущие затраты на добычу всех пяти металлов в Дальстрое) в 1932—1956 гг. составили около 40 млрд рублей. Соотношение местного золотого доллара к рублю по совокупности всех затраченных ресурсов составило за 1932—1956 гг. в среднем 1 к 30.

Если рассматривать систему Дальстроя с позиции государственной власти, в том числе и по чисто экономическим критериям, золотодобыча и в целом хозяйственная деятельность Дальстроя безусловно заслуживают признания, а опыт освоения и управления огромной территорией Северо-Востока России можно считать уникальным. Однако если судить о деятельности Дальстроя не только с точки зре-

ния достигнутых результатов, а с учетом понесенных человеческих потерь, она не может быть признана эффективной.

Примечания

1. ХЛЕВНЮК О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929—1941 годы. — Свободная мысль. 1992, № 13, с. 73—84; ЕГО ЖЕ. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930—1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития. В кн.: ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М. 2008, с. 67—89; ИВАНОВА Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М. 1997; БОРОДКИН Л.И. Труд в ГУЛАГе: между принуждением и стимулированием. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда, с. 129—156; СОКОЛОВ А.К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е — середина 1950-х гг.; Экономическая история. Ежегодник. 2003. М. 2004, с. 74—99.
2. СУСЛОВ А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х — начало 1950-х гг.): эффективность и производительность. В кн.: ГУЛАГ: Экономика принудительного труда, с. 255—278; НОРЛАНДЕР Д. Магадан и становление экономики Дальстроя. Там же, с. 239—254.
3. Государственный архив Магаданской области (ГА МО), ф. П-21, оп. 5, д. 714, л. 22—23.
4. ПИЛЯСОВ А.Н. Трест «Дальстрой» как суперорганизация (1932—1956 гг.). — Колыма. 1993, № 8, с. 34—37; № 9—10, с. 37—41; № 11, с. 28—33; ЕГО ЖЕ. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан. 1996.
5. ЕГО ЖЕ. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России, с. 80.
6. ШИРОКОВ А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан. 2000, с. 104.
7. ЕГО ЖЕ. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930—1950-е гг.). М. 2014, с. 649.
8. САПОГОВСКАЯ Л.В. Национальная золотопромышленная политика XVIII—XX вв. или нужно ли России золото? Екатеринбург. 2008, с. 132.
9. ЗЕЛЯК В.Г. Особенности развития золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке России в 1930—1950-е гг. XX в. — Колымский гуманитарный альманах. Вып. 1. 2007, с. 100.
10. ОСОКИНА Е.А. Золото для индустриализации: «Торгсин». М. 2009, с. 234.
11. Там же, с. 235.
12. ЗАХАРЧЕНКО А.В. Экономика принудительного труда в СССР в 1930—1950-е гг.: очерк современной зарубежной историографии. — Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013, № 1—1 (т. 15), с. 179—183.
13. PERSSON G. Gulag. Stockholm. 2005; JENSEN B. Gulag och glomskan: rysslands tragedi och vast var dens minnesforlust under 1900talet. Stockholm. 2005.
14. JAKOBSON M. Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System 1917—1934. Louisville. 1993.
15. НОРЛАНДЕР Д. Ук. соч., с. 247.
16. ЗЕЛЯК В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928—1991 гг. Томск. 2015, с. 24.
17. Soviet Gold production, reserves, and exports through 1954. CIA. 1955. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000496246.
18. Важно отметить, что американские кадры сыграли большую роль в развитии золотопромышленности СССР, в начале 1930-х гг. в СССР работало 175 американских горных инженеров и специалистов. А.П. Серебровский — с 1928 г. начальник Главзолото, а в 1932—1937 гг. — заместитель наркома тяжелой промышленности СССР — посетил все важнейшие золотодобывающие регионы в США и обеспечивал поставки оборудования в СССР через компанию Амторг. Будучи на Аляске, он нанял Джона Литлпейджа — выдающегося американского инженера, который в 1928 г. прибыл в Москву и оставался консультантом Серебровского вплоть до ареста последнего в 1937 году. См.: Soviet Gold production, reserves, and exports through 1954, p. 13.
19. Там же, p. 14.

20. КОЗЛОВ А.Г. Дальстрой как «комбинат особого типа» и его роль в освоении Северо-Востока России. II Диковские чтения. Магадан. 2002, с. 25—27.
21. ЗЕЛЯК В.Г. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30—50-х гг. XX в. Магадан. 2004, с. 276—277.
22. Подсчитано автором по: ГА МО, ф. Р-23, оп. 1, д. 1542, л. 31.
23. ЗЕЛЯК В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928—1991 гг., с. 452.
24. ГА МО, ф. П-21, оп. 5, д. 120, л. 2.
25. КОЗЛОВ А.Г. Ук. соч., с. 28.
26. ЗЕЛЯК В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928—1991 гг., с. 143—144.
27. КОЧЕГАРОВА Е.Д. Государственная политика в золотодобывающей промышленности Дальнего Востока России (1917—1940 годы). Новосибирск. 2011, с. 135—136.
28. ЗЕЛЯК В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928—1991 гг., с. 70.
29. ГА МО, ф. Р-23, оп. 1, д. 3, л. 4—5; д. 176, л. 34.
30. Soviet Gold production, reserves, and exports through 1954, p. 30—39.
31. ПОПОВ В.П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946—1953). М. 2002, с. 66.
32. Из неопубликованного: Вопросы денежного обращения (1919—1982 годы) (ведомственные материалы). По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 15. М. 2014, с. 67—68.
33. Там же, с. 68.
34. ЧУДНОВ И.А. Валютный курс советского рубля: опыт «научного» обоснования. Методология расчета курса рубля к доллару США в послевоенные годы. — Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003, № 3, с. 122.
35. ПРОКОПОВИЧ С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 2. Нью-Йорк. 1952, с. 192.
36. ОСОКИНА Е.А. Ук. соч., с. 92.
37. ПОПОВ В.П. Ук. соч., с. 65—66.
38. ЧУДНОВ И.А. Ук. соч., с. 129.
39. Soviet Gold production, reserves, and exports through 1954, p. 29.
40. Из неопубликованного: Вопросы денежного обращения (1919—1982 годы) (ведомственные материалы). По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 15. М. 2014, с. 84, 91.
41. ПИЛЯСОВ А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан. 1996, с. 80.
42. Подсчитано по: ГА МО, ф. Р-23, оп. 1, д. 176, л. 47; д. 3, л. 38—39.
43. Там же, д. 297, л. 83.
44. Там же, д. 3, л. 38—39.
45. Там же, ф. П-21, оп. 5, д. 134, л. 114.
46. Подсчитано по: Там же, ф. Р-23, оп. 1, д. 3, л. 38.
47. Там же, д. 958, л. 8—9.
48. Там же, л. 9.
49. Там же, ф. Р-23, оп. 1, д. 351, л. 8—9.
50. БАЦАЕВ И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х — середина 60-х гг. XX в.). Магадан. 2007, с. 169.
51. Подсчитано по: ГА МО, ф. Р-23, оп. 1, д. 3, л. 4; д. 176, л. 34.
52. Подсчитано по: Там же, д. 3, л. 6—11.

Крестьянская юстиция в пореформенный период

И.А. Попп

Аннотация. На основе неопубликованных исторических источников и заметок периодической печати последней трети XIX в. в работе исследуются казусы, происходившие в волостном суде, а также ходатайства современников по реформированию оторванных от общей системы сословных судов. Представители правительственных учреждений, понимавшие несправедливость и отсталость крестьянской юстиции, не были готовы к ее коренной перестройке.

Ключевые слова: волостной суд, крестьянское самоуправление, крестьянская реформа 1861 г., Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Российская империя, пореформенный период, губернаторы, мировые посредники.

Abstract. On the basis of unpublished historical sources and notes, periodicals of the last third of the XIX century. It draws attention to the incidents that took place in the parish court and contemporaries petitions to reform detached from the general system of estate courts. However, representatives of government agencies, understood the injustice and backwardness of the peasants justice, were not ready for its radical restructuring.

Key words: parish court, peasant self-government, the peasant reform of 1861, the Ministry of Interior, Ministry of Justice, the Russian Empire, the post-reform period, the governors, the peace mediators.

В современной историографии определилась тенденция к идеализации волостного суда как хранителя неких традиционных норм и правил поведения в русской крестьянской общине¹. Часть сторонников апологетики волостной юстиции, к сожалению, мало обращается к неопубликованным историческим источникам и публикациям современников пореформенного периода, описывавших различные случаи из практики «хранителей крестьянского благополучия». Другие исследователи, довольно глубоко изучавшие волостной суд и знавшие, что в дореволюционный период преобладали негативные оценки крестьянской юстиции, сегодня пытаются представить ее, как некую структуру, имевшую «опору в крестьянском понимании правопоряд-

Попп Иван Александрович — кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург. E-mail: popp82@mail.ru.

Popp Ivan A. — PhD in history, associate professor at the Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg. E-mail: popp82@mail.ru.

ка, в представлениях о справедливом решении дел», которая «могла достаточно полно отражать интересы крестьянина и была понятной для всех участников»².

Автор данного исследования придерживается мнения, что российский «правовой плюрализм», то есть терпимость в отношении местных религиозных и общественных обычаев, легализация этих обычаев посредством интегрирования разнообразных местных судов в государственную судебную систему³, был своеобразной вынужденной мерой, позволявшей самодержавной власти огромной империи устанавливать контроль над населением и территорией, сохранять целостность государства, не создавая единой и согласованной правовой системы, требовавшей огромных материальных, человеческих и интеллектуальных ресурсов.

В связи с этим прослеживалась и неспособность министерств и ведомств Российской империи кардинально улучшить деятельность крестьянского самоуправления и суда, проанализировать сложившуюся ситуацию и вовремя внести коррективы в развитие институтов, охватывавших 90% населения страны. Так, ровно 140 лет назад в газетах «Русский мир» и «Современные известия» была напечатана заметка «Волостной суд с истязанием», в которой описывался печальный инцидент, случившийся в волостном правлении села Екатеринштадт Самарской губернии (ныне г. Маркс Саратовской области), вызвавшая большой резонанс не только среди общественности, но и в правительственных кругах.

Неизвестный корреспондент обрисовал сцену, напоминавшую «времена пыток»: некий крестьянин К. был прикован одной ногой за железную цепь, длиной сажени в две, прикрепленной одним концом к большому, тяжеловесному стулу. Автор заметки поинтересовался у арестанта о причине подобного казуса, на что получил спокойный ответ: «Поссорился со старостой в кабаке, больше ничего». Жена прикованного ходила возле правления и плакала, но помочь ее горю могли только представители волостного правления, которые в тот момент отсутствовали на месте. На следующий день в правлении собрался волостной суд для разбора дела крестьянина К., при этом присутствовали староста-истец, волостной старшина, сельский писарь, волостные судьи и, конечно, крестьянин-ответчик. Речь начал староста с обращения к сельскому писарю за разъяснением «кары закона». Писарь, недолго думая, назначил денежный штраф, и только после этого возбудил прения между судьями. Наконец, староста громогласно сказал: «Отдай 3 рубля штрафу за оскорбление и непослушание в кабаке», а волостной старшина «потребовал еще 5 рублей за изорванный К. журнал волостного писаря во время нахождения на цепи в правлении». Завершился процесс общей пьянкой за счет ответчика⁴.

Эта заметка обращала внимание читателей на повсеместное нарушение закона в рамках крестьянского самоуправления. По Высочайше утвержденному Общему Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г., сельскому старосте разрешалось за «маловажные проступки» односельчан назначать внесудебное наказание в виде общественных работ до двух дней, либо денежный штраф в пользу мирских сумм до одного рубля, или арест до двух дней⁵.

Следовательно, закон не позволял старостам применять заковывание в качестве наказания. Кроме того, по тому же законодательству, волостные судьи — это самостоятельные субъекты, в то время, как волостные старшины, сельские старосты и писари не имели права вмешиваться в разбирательство дел ⁶. При рассмотрении «тяжебного» дела волостной суд должен был склонять спорящие стороны к примирению, если же истцы и ответчики не приходили к мировым сделкам, то только тогда судьи выносили решение «на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту». За маловажные проступки крестьяне приговаривались к следующим видам наказаний на выбор волостных судей: общественные работы — до 6 дней, денежное взыскание — до 3 рублей, арест — до 7 дней, телесное наказание — до 20 ударов розгами ⁷. Таким образом, крестьянина К. не только незаконно посадили на цепь, но и судили совершенно несправедливым судом, нарушавшим основные правила волостной юстиции.

Заметка о волостном суде с «истязаниями» заинтересовала министра внутренних дел А.Е. Тимашева. В самые кратчайшие сроки в Самарскую губернию были направлены соответствующие запросы о екатериненштадском инциденте, а уже 11 мая 1877 г. самарский начальник губернии П.А. Бильбасов сообщал в Санкт-Петербург, что пострадавшего крестьянина звали Потап Курамшин, а случай произошел в январе 1876 г. в березниковском волостном правлении Саратовской губернии. В Екатериненштадт переехал лишь автор статьи А. Потапов — бывший писарь вышеозначенной волости ⁸.

Естественно, Министерство внутренних дел все вопросы переадресовало саратовскому губернатору М.Н. Галкину-Враскому, который в июле 1877 г. докладывал Тимашеву, что факт существования в березниковском волостном правлении «исправительной» цепи в период работы прежнего сельского старосты подтвердился, «согласно чему произведенное исправником дознание передано товарищу прокурора саратовского окружного суда по Вольскому уезду для дальнейшего направления дела в установленном порядке» ⁹. Примечательно, что с этого момента вся делопроизводственная переписка была посвящена только расследованию проблемы приковывания к цепи крестьянина Курамшина и совершенно не учитывала грубые нарушения судопроизводства в этом волостном суде.

8 октября 1877 г. резонансное дело было заслушано на заседании вольского уездного по крестьянским делам присутствия, рассматривавшего по закону «злоупотребления» должностных лиц крестьянского самоуправления ¹⁰. Члены присутствия услышали следующую историю: потерпевший Курамшин вместе с местным старостой Кочетковым присутствовали на свадьбе мещанина Шолохова, откуда староста отправил под арест Курамшина за пьяный дебош. Многочисленные очевидцы отказались подтвердить «истязание» пьяного крестьянина, но на дознании рассыльный Машин сознался, что слышал звон цепи, когда потерпевшего отвели в волостное правление. При этом свидетель добавил, что ранее в волости существовал чурбан с цепью для виновных за проступки и неуплату податей. Этот факт подтвердили еще несколько крестьян, которых в предыдущие годы «сажали» на цепь за недоимки. Курамшин не отвечал прямо на вопросы, говоря, что «ни на кого не претендует» и «ничего не помнит».

Ему представлялось все как во сне, но будто бы «слышался вблизи звон цепи»¹¹.

Члены уездного по крестьянским делам присутствия пришли к выводу, что в селе Березники действительно до последнего времени существовал стул с цепью, которым старосты пользовались как дисциплинарным средством против буйства и пьянства, а иногда неправильно применяли его и к неплательщикам податей, но «эта мера, в настоящее время уже оставленная и державшаяся издавна в силу обычая, заменяла собой, за отсутствием соответствующего помещения, арест, к которому старосты имеют право подвергать за маловажные проступки подведомственных им крестьян». Ввиду изложенного, присутствие не нашло никакого основания к возбуждению уголовного преследования должностных лиц крестьянского самоуправления села Березники¹².

Такое мягкое постановление уездного присутствия не устроило министра внутренних дел, который потребовал не только разобрать еще раз дело Курамшина в саратовском губернском по крестьянским делам присутствии, но и взять от членов вольского уездного по крестьянским делам присутствия объяснительные, как они допустили «в настоящее время употребление сельскими властями таких противозаконных действий, так и о непринятии против этого надлежащих мер?»¹³

Все члены уездного присутствия написали в объяснительных, что ранее «даже слухов о цепи никогда не доходило», «нигде более в Вольском уезде о существовании подобного наказания никто даже и не подозревал», «не слышали жалоб на приковывание к стулу». Самое емкое объяснение было получено от бывшего мирового судьи, а затем — непременно члена вольского уездного присутствия Кострицына, который ссылался на то обстоятельство, что исправник при дознании обнаружил «еще только два случая сажания на стул с цепью в течение нескольких предшествующих лет. На эти исключительные случаи применения стула крестьяне, как он убедился личными расспросами, смотрели совершенно простодушно». Это «заставляет думать, что во время прежнего управления государственными крестьянами наказание это было настолько обыкновенно, что в применении его нельзя видеть преступления, возводимого прокурорской властью»¹⁴.

После таких откровенных заявлений члены губернского по крестьянским делам присутствия риторически отметили, что о существовании такой дисциплинарной меры взыскания в селе Березники никому не было известно, а «само применение этой меры наказания было уже оставлено, да и была ли такая в действительности применена к крестьянину Курамшину, дознанием не выяснилось». В итоге пришли к единогласному мнению, «что представленные господами членами объяснения и самые обстоятельства дела вполне разъясняют совершенную неизвестность существования стула и цепи как орудий, постоянно употреблявшихся с указанной целью за время их служения в настоящих должностях. Губернское присутствие, ввиду вполне выяснившихся обстоятельств сего дела, не находит достаточных причин к привлечению в какой бы то ни было форме к ответственности как лиц сельского управления, так и вообще входивших в состав уездного по крестьянским делам присутствия по Вольскому уезду»¹⁵.

Новый министр внутренних дел Л.С. Маков учел круговую поруку и единодушие уездных и губернских властей Саратовской губернии и, вероятно, чтобы замять это щекотливое дело признал законным постановление губернского по крестьянским делам присутствия. Вместе с тем, в письме министра саратовскому губернатору от 6 апреля 1879 г. отмечалось, что на уездные присутствия возложен надзор за ходом крестьянского управления и «доказанное существование в селе Березники до последнего времени такого наказания, как приковывание к цепи, без ведома членов уездного присутствия, указывает на недостаточно ревностное исполнение ими служебных обязанностей». В заключение Лев Саввич мягко попросил губернатора «поставить это на вид членам вольского уездного по крестьянским делам присутствия» и предупредить их, «чтобы на будущее время неудобных случаев не повторялось»¹⁶. Инцидент был исчерпан, никто из сельских, волостных, уездных или губернских начальников не пострадал, а о газетной заметке вскоре все забыли.

Однако подобные рассказы часто встречались на страницах газет и журналов Российской империи. В одном из селений Пермской губернии часто пропадали коровы. Сначала все думали, что виноваты волки, но «судьба помогла им очиститься от возводимой на них напраслины», так как поймали крестьянина Логинова, который «свежевал» чью-то корову. Однако виновник объяснил, что сам коров не крал, а покупал их уже украденными. «Мудрый» волостной суд вынес следующее решение: «Отправиться без замедления в полном составе суда в дом Логинова, сделать из заарестованного мяса достаточное количество пельменей и затем приступить к их истреблению в том уповании, что если мясо, содержащееся в пельменях, принадлежит корове, украденной самим Логиновым, то пельмени должны стать поперек горла, если же корова украдена кем-либо другим, то они пройдут без всяких затруднений». Нетрудно догадаться, что пельмени прошли как по маслу, а «виновник торжества» Логинов был освобожден от всякой ответственности за кражу или покупку украденных коров¹⁷.

Вспоминали о случаях из практики крестьянской судебной системы и в рамках классового подхода, описывая «промахи» буржуазной юстиции. Так, волостной суд приговорил обвиняемого к трехдневному аресту, а волостной писарь переспросил в отдельности каждого судью (их было трое): «На сколько дней приговорен татарин?» «На три», — отвечал каждый. Писарь записал и прочитал вслух постановление, из которого слушатели узнали, что подсудимый приговорен уже на 9 дней. «Как! Пстой, братец, — заметил председатель суда, — приговорили-то мы его на три дня, не более...» Писарь объяснил: «Ты, председатель, приговорил на три дня, да каждый из судей — на три. Вот и стало девять». Судьи весьма одобрительно посмеялись. Закончилось дело тем, что ответчик действительно отсидел 9 дней¹⁸. В Орловском уезде Вятской губернии из-за неурожаев крестьяне перестали выплачивать подати, тогда волостных судей собрали в полицейском управлении г. Орлова, а на местном базаре начали вылавливать крестьян и препровождать их в суд. Здесь по книгам проверялась уплата подати, тут же выносились решения судей о телесном наказании неплательщиков. После этого орловские полицейс-

кие чиновники разъезжали по волостным правлениям всего уезда, ругали крестьян «крепкими словцами», смотрели податные книги и отмечали, кого следует выдрать. Волостные судьи же по указаниям приставов «торопливо выносили приговоры, которые тотчас же приводились в исполнение»¹⁹.

Сегодня кажется странной «борьба» Министерства внутренних дел против единичных случаев приковывания буйных крестьян к цепи, когда в это же время вполне законно сотни тысяч крестьян ежегодно арестовывались сельскими старостами и подвергались телесному наказанию по решениям волостных судов: «При тех безурядице и произволе, которые сплошь и рядом господствуют в наших сельском и волостном самоуправлении, стоило до сих пор тому или другому оберегателю крестьянских прав и обязанностей возыметь какое-либо неудовольствие против того или другого члена общества, лицо это немедленно подвергалось наказанию розгами по приговору покорных воле начальника волостных судей»²⁰.

Понятно и отсутствие каких-либо намеков на расследование Министерства внутренних дел в отношении грубого нарушения судопроизводства в березниковском волостном суде, где постановление по означенному делу вынесли сельский писарь и старшина. С самого введения волостной юстиции в 1861 г., основу которой составляли неграмотные крестьяне-судьи, в столицу приходили крайне негативные отзывы о волостном суде. Первыми забили тревогу мировые посредники, ежедневно сталкивавшиеся с неграмотностью и несправедливостью волостных судей.

В 1862 г. мировой посредник 5-го участка Сердобского уезда сообщал в саратовское губернское по крестьянским делам присутствие, что «состав волостных судов по необразованности вообще крестьян, по совершенному неразвитию понятий, как о законах, так и о правах каждого, по непониманию даже Высочайше утвержденного Положения и, наконец, по влиянию на волостных судей разных местных и личных обстоятельств, не представляет еще должных гарантий и какого-либо уверения в справедливости их решений»²¹. В 1864 г. мировой посредник 1-го участка Красноуфимского уезда сообщал в пермское губернское по крестьянским делам присутствие, что по положению от 19 февраля 1861 г. крестьяне не могли даже жаловаться на решения волостных судей, которые до 1866 г. считались окончательными и не подлежали пересмотру, хотя «все почти эти жалобы на практике оказываются справедливыми. Волостные судьи постановляют решения..., не спрашивая свидетелей, не поверяя доказательств по просьбам тяжущихся, не основываясь на заявляемых письменных сделках и даже не объявляя решения ответчикам, постановленных без личности их...»²²

Ежегодно возникала масса жалоб на действия и решения волостных судей, причем положение абсолютно не менялось в течение нескольких десятилетий: в сведениях за 1883 г. из Ирбитского уезда сообщалось губернатору Пермской губернии А.К. Анастасьеву, что из 435 жалоб от местных крестьян, 272 были сделаны на волостных судей²³. Анализ книги для записей решений ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия с 21 февраля по 25 июня 1884 г. выявил 131 обращение крестьян, из которых 64 касались волостного

суда²⁴. В большинстве жалоб отмечалось, что судьи не опросили свидетелей или дела были вообще им неподсудны. Некоторые решения волостных судей явно противоречили закону и отражали полную анархию в постановленных решениях. Например, за кражу у односельчанина крестьянин С.Т. Речкалов был приговорен к наказанию 20 ударами розог, денежному взысканию в пользу пострадавшего в размере 20 руб., а также к вознаграждению 6 свидетелей истца в размере 1 руб. 20 коп. каждому²⁵. В результате за одно преступление ответчика наказали не только розгами, но и превысили денежный штраф, указанный в законе, в десять раз!

Имущественные споры крестьян тоже вершились по неизвестным никому обычаям: в одно и то же время, по одинаковым делам в Ирбитском уезде принимались противоположные решения в отношении раздела имущества между близкими родственниками. Например, бобровские волостные судьи даже не приняли иск отставного солдата С.И. Важнина о выделении ему части имущества, оставшегося после смерти отца, а чубаровские судьи заставили З.К. Бурматова выплатить денежное взыскание в пользу брата — солдата Николая — в размере 35 руб., «следующих ему по разделу имущества, оставшихся после смерти их отца»²⁶. Отметим, что на оба дела подавались кассационные жалобы, которые ирбитское уездное по крестьянским делам присутствие оставило без последствий.

Складывается впечатление, что представители правящих кругов не знали, как можно исправить сложившуюся ситуацию без коренной перестройки всей системы низших судебных учреждений. Растерянность высших чиновников из министерств юстиции и внутренних дел хорошо видна из делопроизводственной переписки соответствующих ведомств. Еще в 1863 г. министр внутренних дел П.А. Валуев в ответ на огромное количество жалоб в отношении волостных судов «признал необходимым предварительно истребовать заключения некоторых губернских по крестьянским делам присутствий», а позже согласился, что «волостные суды иногда принимают к своему рассмотрению и решению споры гражданские и проступки, ведению их не подлежащие, а также допускают отступления от указанного в положениях порядка производства дела в их судах и, при назначении меры наказаний за проступки, выходят из пределов предоставленной им власти»²⁷. В январе 1868 г. новый министр юстиции К.И. Пален на ходатайство председателя всеягонского съезда мировых судей о необходимости «совершенного преобразования» волостного суда отметил, что убедился «из собственного опыта в несовершенстве учреждения волостных крестьянских судов, действительно не пользующихся по своему пристрастию доверием со стороны крестьянского населения», но полностью не смог одобрить предлагавшийся план реформирования вышеозначенного суда²⁸.

В ноябре 1868 г. министр внутренних дел Тимашев в ответ на очередную записку о недостатках в работе волостных крестьянских судов допустил, что «имеющиеся в министерстве внутренних дел отзывы губернаторов удостоверяют, что волостные суды, особенно по разрешению дел о проступках, весьма часто не удовлетворяют своему назначению», и направил ряду начальников губерний запрос о предоставлении ими предположений о преобразовании волостных судов²⁹. В

1869 г. начальник Казанской губернии отослал официальное письмо в Министерство внутренних дел по вопросу о порядке отмены пристрастных решений волостных судов. Министр внутренних дел переправил его в Министерство юстиции, которое посоветовало отложить ответ до разрешения общего вопроса о волостных судах ³⁰.

В том же году вятский губернатор направил в Министерство внутренних дел ходатайство от местного губернского по крестьянским делам присутствия «об освобождении волостных судей от подчинения волостным старшинам и присвоении общественному положению судей преимуществ, соответствующих важности их сана и должному значению в среде крестьян». Начальник губернии сообщал, что по результатам ревизии волостей Вятской губернии выявлено вредное и незаконное влияние волостных старшин на крестьянских волостных судей, их несамостоятельность, а также малое уважение населения к этому сословному суду. В рамках исполнения 126-й статьи Положения от 19 февраля 1861 г. старшины часто подвергали судей заключению под арест на несколько дней ³¹. Управляющий земским отделом Министерства внутренних дел Ф.Л. Барыков первоначально посоветовал губернатору переадресовать ходатайство в Правительствующий Сенат, но в апреле 1870 г. последний определил возвратить рапорт вятского губернатора министру внутренних дел «с тем, чтобы изложенное в оном ходатайство губернского по крестьянским делам присутствия, буде признать таковое заслуживающим уважения, внес установленным порядком на рассмотрение Главного Комитета об устройстве сельского состояния». В мае 1870 г. товарищ министра внутренних дел Б.П. Обухов направил в Правительствующий Сенат заключительный рапорт, в котором признал вероятность снижения влияния волостных старшин на судей только в случае их совершенного изъятия из ведения общественного крестьянского управления, что, «очевидно, невозможно и посему входит в Главный Комитет с представлением о допущении предположенной вятским губернским присутствием меры не представляется уважительного основания» ³². Таким образом, ходатайство вятского губернского присутствия было отправлено в архив, а проблема снижения влияния должностных лиц крестьянского самоуправления на решения волостного суда так и осталась на повестке дня.

В условиях очевидной необходимости реформирования волостного суда руководители министерств показывали абсолютную растерянность, но прикрывали ее отписками на официальных бланках в губернии обширной Российской империи. В 1868 г. новоржевское уездное земское собрание через псковского губернатора подало ходатайство в Министерство внутренних дел о необходимости обжалования решений волостных судов в апелляционном порядке. Требование было вполне справедливое, постоянно озвучивавшееся в периодических изданиях, ходатайствах уездных и губернских по крестьянским делам присутствий, уездных и губернских земских собраний и др., но министр внутренних дел Тимашев просто уведомил губернатора, что «так как ходатайство это касается предмета принадлежащего кругу не земских, а правительственных учреждений, то, ввиду статьи 7-й Положения о земских учреждениях, не может подлежать удовлетворению» ³³. В начале 1870-х гг. подобные ходатайства приходили из Новго-

родской, Смоленской, Тульской, Санкт-Петербургской и др. губерний с просьбами о предоставлении возможности обжалования решений волостных судов, выбора подсудности между волостным и мировым судами, избрания в волостные судьи лиц, имевших недвижимую собственность в уезде или же совершенного уничтожения волостного суда. На эти предложения Министерство внутренних дел отвечало, что правительство уже обратило внимание на этот вопрос, а император поручил «министерству юстиции по согласованию с Министерством внутренних дел для подробного обсуждения вопроса о волостных судах, образовать особую комиссию, от которой и будет зависеть дальнейшее разрешение представленного Вами, милостивый государь, ходатайства»³⁴. Время шло, а волостная юстиция оставалась прежней.

В 1874 г. министры юстиции и внутренних дел пришли к полному согласию в вопросе о волостных судах: костромское земское собрание направило в Министерство юстиции представление «о возникающих при производстве дел по маловажным проступкам крестьян затруднениях при решении вопроса о подсудности оных». По мнению земцев, в законодательстве не точно было прописано, какие именно проступки крестьян подведомственны волостному суду. Пален сообщил его сиятельству Тимашеву, что «разрешение возбужденного костромским земством вопроса, вследствие тесной связи его с вопросом о волостных судах, следовало бы отложить до преобразования в законодательном порядке крестьянских судов». В ответном письме министр внутренних дел нашел «неудобным делать какие-либо особые распоряжения по настоящему ходатайству губернского земского собрания. И по поводу означенного ходатайства полагал бы достаточным сообщить через губернатора земскому собранию, что на необходимость преобразования волостных судов обращено уже внимание правительства»³⁵. Подобный ответ Министерство внутренних дел направило новгородскому губернскому земскому собранию по вопросу обжалования решений уездных по крестьянским делам присутствий, постановленных по жалобам на волостные суды³⁶.

В 1878 г. новгородское губернское по крестьянским делам присутствие отправило запрос в Министерство внутренних дел, «как поступать в тех случаях, когда свидетель не из сословия крестьян не явится в волостной суд по данной ему повестке, а одна из сторон в жалобе высшей инстанции выставит это, как кассационный повод к отмене решения волостного суда, не опросившего указанного свидетеля?» Министр юстиции Пален обратил внимание министра внутренних дел Тимашева на то, что дело, на основе которого новгородское губернское присутствие задавало вопрос, не подлежало юрисдикции волостного суда, а, «за неимением в виду иных сведений, о каких-либо возникавших в означенном отношении затруднениях и неудобствах, представлялось бы более удобным не касаться упомянутого вопроса до случаев возбуждения его на деле и до получения вместе с тем указаний на практику в этом отношении учреждений по крестьянским делам»³⁷.

При этом одни и те же цитаты министерств юстиции и внутренних дел в отношении волостного суда звучали и в 1880-е годы. Так, в 1885 г. товарищ министра внутренних дел Плеве на вопрос о заочных решениях волостного суда вспоминал общеизвестную министерскую

фразу: «Установление этих правил могло бы последовать в законодательном порядке и притом, ввиду возбужденного уже общего вопроса о преобразовании волостных судов...»³⁸ Кардинальных изменений в судопроизводстве волостных судов не произошло даже после введения закона о земских начальниках в 1889 году³⁹.

Таким образом, из разных губерний в столицу приходило большое количество ходатайств и проектов от людей-практиков, работавших в уездных и губернских крестьянских судебных учреждениях и предлагавших усовершенствовать всю систему местной выборной и независимой крестьянской власти. В провинциальной и столичной прессе описывались случаи, характеризовавшие существовавшие нарушения и не всегда полезную деятельность волостных старшин, сельских старост, писарей, волостных судей и др. лиц, отвечавших за подведомственных им крестьян. Уже во второй половине 1860-х гг. у многих современников складывалось впечатление о необходимости постепенной модернизации крестьянского общинного самоуправления и его «краеугольного камня» — волостного суда. Однако представители правительственных учреждений, понимавшие несправедливость и отсталость сложившейся сословной системы и общинного крестьянского хозяйствования, не были готовы к их коренной перестройке, чиновники на министерских бланках посылали в губернии пространные, неконкретные ответы, а за бюрократической перепиской терялся смысл просьб и предложений.

Примечания

1. МЕНЩИКОВ И.С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. — Вопросы теории и практики. 2016, № 6—1 (68), с. 119—124; МАКСИМОВ Д.С. Волостной суд в системе правового регулирования деятельности крестьянской общины во второй половине XIX — начале XX вв. — Поволжский педагогический поиск. 2013, № 2 (4), с. 63—66; ШУСТРУЙСКИЙ А.В. Волостной крестьянский суд в период проведения крестьянской реформы 1861 года. — Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010, № 72, с. 183—185.
2. ЗЕМЦОВ Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60—80-е гг. XIX в.). Воронеж. 2007, с. 61.
3. БЁРБЭНК ДЖ. Местные суды, имперское право и гражданство в России. В кн.: Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. М. 2004, с. 320—358.
4. Внутренняя почта. С. Екатериноштадт (Никол. уезда, Самар. губ). — Русский мир. Газета политическая, экономическая и литературная. 1877, № 68, суббота, 12 (24) марта, с. 2; Внутренние известия. Екатериненштадт Самарской губернии (Волостной суд с истязанием). — Современные известия. 14 марта 1877 г., № 71, с. 2.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2), т. 36, ч. 1, № 36 657, ст. 64, с. 151.
6. Там же, ст. 104, с. 157.
7. Там же, ст. 102, 107, с. 157.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1291, оп. 38. 1877 г., д. 62, л. 1—1об.
9. Там же, л. 7—7об.
10. ПСЗ-2, т. 36, ч. 1, № 36 657, ст. 122, с. 159; т. 49, ч. 1, № 53 678, ст. 1, с. 929.
11. РГИА, ф. 1291, оп. 38. 1877 г., д. 62, л. 11—12.
12. Там же, л. 12об.

13. Там же, л. 15об.
14. Там же, л. 19—20.
15. Там же, л. 22—22об.
16. Там же, л. 28—29об.
17. Екатеринбургская неделя. 12 сентября 1879, № 8, с. 87.
18. За что судили. — Кировская правда. 29 сентября 1982, № 225, с. 4.
19. Кто и как судил крестьян России. — Кировская правда. 9 декабря 1865, № 290, с. 3.
20. Екатеринбургская неделя. 28 августа 1885 г, № 34, с. 439—440.
21. РГИА, ф. 1291, оп. 36. 1862 г., д. 94, л. 88—88об.
22. Журнал Пермского губернского по крестьянским делам присутствия. 23 января 1864 г., № 62; Приложения к Пермским губернным ведомостям. 14 февраля 1864 г., № 7, с. 1.
23. Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 655, оп. 1, д. 32а, л. 128об.—129.
24. Там же, д. 65, л. 1—291.
25. Там же, л. 215.
26. Там же, л. 136об.—137, 171об.—172.
27. РГИА, ф. 1291, оп. 36. 1862 г., д. 95, л. 2об., 114об.
28. Там же, 1868 г., д. 21, л. 1—1об.
29. Там же, л. 27—29об.
30. Там же, д. 248, л. 1—2.
31. Там же, 1869 г., д. 134, л. 1—2об.
32. Там же, л. 3—9.
33. Там же, 1868 г., д. 254, л. 1—3об.
34. Там же, д. 21, л. 104—114.
35. Там же, оп. 37. 1874 г., д. 242, л. 1—2об.
36. Там же, 1876 г., д. 99, л. 16об.—17.
37. Там же, оп. 38. 1878 г., д. 5, л. 1—3.
38. Там же, 1880 г., д. 3, л. 7об.
39. ПСЗ-3, т. 9, № 6196.

Происхождение названия Москва в контексте средневековой истории Волго-Окского междуречья

В.Н. Рожков

Аннотация. В работе приведены анализ, стратификация и оценка исторической правдоподобности гипотез о происхождении названия Москва. Предложены новая методология и основные этапы обоснования этимологии названия Москва. Установлена отличительная особенность Москвы-реки, как главной дорожной артерии Волго-Окского междуречья в средние века. Показано наличие языковой связи между отличительной особенностью реки и названием Москва. В результате комплексного анализа исторических, археологических, лингвистических данных показана возможность контактов вблизи Москвы-реки первых славянских колонистов с местным финно-угорским населением (конец I тыс.). Рассмотрены история возникновения и эволюция названия Москва, приведены аргументы и обоснования его происхождения из языка этноса, известного из ранних летописных источников.

Ключевые слова: речной путь, гипотеза, древнерусская история, гидроним, миграционный процесс, Москва-река, обоснование, отличительная особенность, финно-угорские народы, этимология, этнос, язык.

Abstract. The work analyzes, stratifies and evaluates the historical plausibility of hypotheses about the origin of the name Moscow. A new methodology and basic stages of substantiating the etymology of the name Moscow are proposed. The distinctive feature of the Moskva River as the main road artery of the Volga-Oka interfluvium in the Middle Ages was established. The existence of a language connection between the distinctive features of the river and the name Moscow is shown. As a result of a comprehensive analysis of historical, archaeological, linguistic data, the possibility of contacts of the first Slavic colonists with the local Finno-Ugric population near the Moscow River (end I millennium) is shown. The history of origin and evolution of the name Moscow is considered. The arguments and justifications for the origin of the name Moscow from the language of the ethnos, known from early chronicles were given.

Key words: river route, hypothesis, ancient Russian history, hydronym, migratory process, Moscow-river, substantiation, distinctive feature, Finno-Ugric people, etymology, ethnos, language.

Название Москва относится к топонимам, этимология которых вызывает наибольший интерес у отечественных и зарубежных исследо-

Рожков Вячеслав Николаевич — кандидат технических наук, профессор Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет). E-mail: mati-rv@mail.ru.

Rozkov Vyacheslav N. — candidate of technical sciences, professor at the Moscow Aviation Institute (National Research University). E-mail: mati-rv@mail.ru.

вателей (историков, лингвистов, этнографов, географов и др.). В значительной степени он обусловлен особым культурно-историческим значением объектов, которые ассоциировались с Москвой на протяжении многих столетий. Несомненно, главными из них, являются река Москва и одноименный город, основанный на ее берегу Ростово-Суздальским князем Юрием Долгоруким. Впервые в летописных источниках их названия упоминаются соответственно под 1175 и 1147 гг. в формах «на Моськви» и «в Московь»¹. В XIV—XVI вв. производное название носило великое княжество Московское, в котором зародилась великорусская народность, началось формирование централизованного русского государства. В настоящее время названия Москва носят административно-территориальные образования, сельские и городские поселения не только в нашей стране, но также в Украине, Польше, США и других странах. Поэтому этимологизация названия Москва выходит за рамки сугубо региональной проблемы, интересной лишь узкому кругу специалистов, жителям Москвы и Подмосковья, но продолжает оставаться актуальной для современной исторической науки. Ее решение позволит расширить представление о ранних этапах истории нашей страны в рамках развития европейской средневековой цивилизации, пополнить знания об этнической картине Северо-Восточной Европы конца I — начала II тыс. н.э.

Обычно исследователи топонима Москва склонялись к тому, что близкое название было заимствовано славянами, обосновавшимися на рубеже X—XI вв. вблизи Москвы-реки, у местного населения. В начале II тыс. адаптированное на древнерусский язык название реки перенесли на город, расположившийся «на устье Неглинной выше Яузы»². Аналогичное мнение высказывали зарубежные историки и путешественники³. Однако ни в летописях, ни в других сохранившихся исторических документах не было приведено каких-либо фактических сведений, объясняющих значение исходного гидронима и его принадлежность к языку конкретного этноса⁴.

Помимо источниковедческих причин значительные трудности с объяснением названия Москва были связаны с методологией проведения этимологических исследований. Обычно поиск основы гидронима производился по его внешнему сходству со словами из современных, главным образом, восточноевропейских языков. Однако в процессе исторического развития многие древние названия могли до неузнаваемости изменить свой первоначальный фонетический облик, либо войти в употребление уже после появления названия Москва.

К другому системному методологическому просчету следует отнести попытки обоснования происхождения названия Москва без привлечения массового топонимического материала для проведения полноценного сопоставительного анализа гидронимии Волго-Окского междуречья и мест обитания населения, из языков которых, как предполагалось, могло произойти такое название⁵. Недостаточное внимание к методологическим аспектам являлось причиной исторических (в том числе хронологических), этнолингвистических и других несоответствий, которые не позволяли признать предложенные гипотезы вполне убедительными.

Как правило исследователи пытались установить связь гидронима с присущими Москве-реке в прошлом физическими, географическими, биологическими, этническими и другими отличительными особенностями. С целью сужения области поиска попробуем произвести

стратификацию известных гипотез происхождения гидронима Москва, после чего дать общую оценку исторической правдоподобности всей совокупности гипотез, входящих в каждую из выделенных групп ⁶.

К первой группе отнесем гипотезы, согласно которым в названии реки были отражены отличительные особенности, которые, по мнению авторов, были для нее характерны, однако вряд ли на самом деле могли являться таковыми: черная или мутная (от финск. *musta* — черный); сильная (из иранской языковой группы *ama* — сильный) и др. Согласно одной из подобных гипотез, гидроним Москва произошел от форм *mazg-* (*mask-*), *моск-* (мозг-, мож-), *мош-* (мост-) восточно-балтийских и древнерусских языков, означавших «топкая», «болотистая», «слякотная» и т.п. ⁷. Однако оппонентами так называемой «балто-славянской» гипотезы были приведены исторические, лингвистические и др. аргументы, которые ставили под сомнение наличие у Москвы-реки в прошлом такого рода особенностей и их языковую связь с названием Москва ⁸.

Неточности, допущенные при выборе отличительной особенности реки, привели к ошибочной интерпретации сформированной доказательной базы гипотезы. Автором были приведены 178 из 400 гидронимов Московской, Калужской, Смоленской и Тверской областей, которые, по его мнению, происходят из языков восточно-балтийской группы (литовского, латышского и древнепрussкого). Большое число заявленных названий позволило прийти к выводу, что в основе гидронима Москва лежат языки восточно-балтийской группы и что в ареале балтийской гидронимии Подмосковья топонимы финно-угорского происхождения могут рассматриваться лишь в качестве «финноязычных вкраплений». Однако статистический анализ выборки гидронимов центральных областей, проведенный с использованием взятого автором за основу каталога ⁹, а также Государственного водного реестра ¹⁰, приводит к иному выводу. Он показывает, что более 50% наименований расположенных в Подмосковье рек и речек, которые автор отнес к гидронимии балтийского типа, имеют явные параллели в местах традиционного обитания финно-угорских народов (европейский Север, Приуралье, Верхнее и Среднее Поволжье) ¹¹.

Ко второй группе отнесем гипотезы, согласно которым в названии Москва нашли отражение особенности, приобретенные рекой или ее окрестностями в результате хозяйственной деятельности местного населения: мостковая (от славянск. мостки); укрывающая (в расположенной на берегу каменной крепости) (от древнерусск. *моск* — кремень и русско-украинск. *ховать* — прятать, укрывать) ¹². Согласно входящей во вторую группу так называемой «балтийской гипотезе», название Москва произошло от литовского слова *mazgas* — узел и латышского слова *vanduõ* — вода и означает узловая (или связующая) вода ¹³. Автор гипотезы полагал, что в середине I тыс. в поречье Москвы-реки проникли восточно-балтийские племена, известные в летописи под названием голядь, вытеснив обитавшее в ее окрестностях финно-угорское население. Затем они якобы стали использовать реку в качестве узловой и связующей дорожной артерии. Следуя логика автора, гидроним Москва возник после появления вблизи реки восточно-балтийских племен. Однако топонимическая система Подмосковья содержит сотни субстратных названий, появившихся в более ранний период истории Подмосковья. Известно, что эту территорию финно-угорские племена населяли еще в III—II тыс. до н.э. ¹⁴. Дья-

ковская культура, принадлежность которой к финно-угорским племенам не вызывает сомнений, прослеживается с VI в. до н.э. по V в. н.э. Вряд ли название самой крупной водной артерии Волго-Окского междуречья в этом смысле могло быть исключением. Как и в случае с балто-славянской гипотезой, неточности с определением отличительной особенности Москвы-реки явились причиной исторических¹⁵ и лингвистических¹⁶ несоответствий, которые не позволяют признать балтийскую гипотезу убедительной. Проведенный анализ приводит также к выводу о недостаточной правдоподобности других включенных в первую и вторую группы гипотез, основанных на ошибочном выборе отличительных особенностей Москвы-реки.

К третьей группе отнесем гипотезы, согласно которым в названии Москвы-реки нашли отражение природные особенности, которые в прошлом являлись для нее характерными и могли быть значимы для людей. Среди них: кормилица (от коми *моск*, *моска* — телка, корова и *ва* — вода), приточная (от пермск. *моск* — ключ, источник) и др. На одну из такого рода особенностей реки — ее большую искривленность — обратил внимание известный историк В.Н. Татищев (1686—1750 гг.). Он полагал, что гидроним Москва произошел из сарматского языка (восточно-иранская языковая группа) от слова *моск*, которое, по его утверждению, означало крутиться или искривляться: «имя Москва... значит крутящаяся или искривленная, от того течение весьма излучины делает, да и внутрь Москвы их нескучно»¹⁷. Гипотеза Татищева могла бы быть признана весьма правдоподобной, однако хорошо известно, что задолго до появления на берегах реки первых славян сарматы были разгромлены гуннами (IV в.). Ни археологические, ни письменные данные не дают оснований полагать, что кочевые племена сарматов, населявшие степные просторы Южного Приуралья, Волго-Донского междуречья и предгорий Кавказа, когда-либо обитали в непроходимых лесах Подмосковья, мало приспособленных к их традиционному образу жизни.

Проведенный анализ показывает, что гипотезы о происхождении названия Москва могут считаться исторически правдоподобными, во-первых, если в названии реки были отражены ее характерные особенности, и, во-вторых, если такое название можно вывести из языка народа, обитание которого вблизи реки было установлено или, по крайней мере, является весьма вероятным. Очевидно, чем более значимой для прежних жителей являлась такая особенность, тем с большей вероятностью она могла быть запечатлена в названии Москва, тем более правдоподобной и обоснованной может считаться соответствующая гипотеза. Данный вывод позволяет определиться с критериями этимологизации названия Москва и сформировать методологию обоснования его происхождения, которая обеспечивает правдоподобность полученных результатов. В укрупненном виде предлагаемая методология включает выполнение следующих этапов:

- выявление наиболее существенной для местных жителей отличительной особенности Москвы-реки, имевшей место во время появления гидронима (условно до XII в.);
- определение этнической принадлежности народов, обитавших вблизи реки во время предполагаемого появления гидронима;
- формулирование гипотезы о происхождении названия, отражавшего отличительную особенность Москвы-реки на языке обитавшего вблизи нее этноса;

— поиск основы гидронима и обоснование его происхождения из языка установленного этноса;

— оценка правдоподобности гипотезы (априори будем считать маловероятным возможность случайной корреляции названия реки со словами, использованными для описания на языке селившегося поблизости этноса ее отличительной особенности).

Изменчивость направления течения в той или иной степени свойственна всем рекам Волго-Окского междуречья, однако, лишь немногие из них могут сравниться с Москвой-рекой по числу крутых поворотов и изгибов ее русла. На данную особенность обращали внимание наши соотечественники, а также посещавшие Московское государство западноевропейские путешественники и посланники¹⁸. Только в черте столицы русло Москвы-реки образует одиннадцать больших излучин, шесть из которых изменяют направление ее течения фактически на 180° (расположены вблизи Серебряного Бора и Нижних Мневников, Новоарбатского моста, Воробьевых гор, Южного речного вокзала и Нагатинской поймы).

Почти от самого истока Москвы-реки (ныне от границы Смоленской области) и до устья ее правого притока Истры течение реки имеет преимущественно восточное направление. Ниже по течению река делает большую петлю, отклоняясь сначала на северо-восток, затем в районе подмосковного города Красногорска резко меняет общее направление течения на преимущественно юго-восточное. Наличие у Москвы-реки двух главных направлений течения позволяло ее использовать в качестве удобной дорожной магистрали, которая на протяжении веков связывала западные и восточные княжества. По застывшей Москве-реке на запад в Великое Литовское княжество направлялись члены княжеских семей¹⁹, церковные иерархи и царские посланники²⁰, на юго-восток в Коломну уезжали великие князья и их дружины. По тому же речному пути от Коломны к Москве подходили ордынцы²¹, а затем после ее разорения направлялись на запад к Можайску²².

Многочисленные изгибы и повороты русла Москвы-реки явились главной причиной, побудившей славян проложить через еще нетронутые человеком подмосковные леса менее протяженные (по сравнению с речным путем) торные дороги. Один из участков древней дороги, ведущей из Смоленска в восточные княжества, начинался перед крутым изгибом реки ниже устья Истры. От небольшой речки Самынки (правого притока Москвы-реки) торная дорога отклонялась от реки на восток и через лес вела к верховьям речки Сетуни, а далее — к ее устью. Протяженность пути вдоль извилистой и изгибающейся Москвы-реки составляла бы не менее 50 км, тогда как прямая торная дорога вдоль Сетуни была почти вдвое короче.

О ведущей от Самынки к Сетуни во второй половине XVII в. старой большой Можайской дороге свидетельствуют располагавшиеся поблизости древние славянские поселения²³, а также сохранившиеся до настоящего времени археологические памятники: Барвихинское городище и самый крупный в Подмосковье вятичский курганный комплекс, насчитывающий около 250 курганов XI—XIII веков²⁴. В трех километрах от курганного комплекса, на правом берегу Москвы-реки расположено относящееся к той же территориальной общине Жуковское селище, возникшее, по мнению исследователей, еще в IX в. на месте поселения раннего железного века²⁵. Найденные на его месте

фрагменты лепной керамики дьяковской культуры и обломки гончарных древнерусских сосудов свидетельствуют о возникновении первых поселений славян у Москвы-реки на уже обжитых местах и, следовательно, о возможности их контактов с местным населением.

Наличие крутых поворотов и изгибов русла Москвы-реки доставляло местным жителям дополнительные бытовые трудности и неудобства, а впоследствии оказало влияние на развитие речного судоходства, дорожной и поселенческой инфраструктур Подмосковья. В XIX—XX вв. с целью улучшения условий судоходства был проведен комплекс трудоемких гидротехнических работ по местному выпрямлению русла реки (вблизи сел Ильинское, Марчуги и др.). В тот же период времени были проложены многокилометровые каналы, вошедшие в Москворецкую шлюзовую систему. Результатом работ явилось сокращение протяженности русла реки в пределах города почти на двадцать километров ²⁶. Очевидно, столь существенная для людей и явно выраженная особенность Москвы-реки не могла остаться незамеченной, не отложиться в сознании местного населения, чтобы запечатлеться в ее названии.

При обосновании названия Москва исследователи обычно исходили из того, что задолго до проникновения славян в поречье Москвы-реки всю окрестную территорию населяли племена финно-угорского происхождения. Лишь за несколько веков до начала славянской колонизации западной части Волго-Окского междуречья на данную территорию стало проникать селившееся на реке Протве племя голядь предположительно восточно-балтийского происхождения.

Редкие упоминания в русских летописях о голяди свидетельствуют о ее меньшей (по сравнению с финно-угорскими племенами) численности и небольшой социальной и военно-политической значимости для Руси ²⁷. Исследователи полагают, что процесс вытеснения и ассимиляции голяди начался во второй половине I тыс., однако представители данного племени «продолжали жить среди славян в последующие столетия». Принято считать, что к началу II тыс. голядь была полностью ассимилирована славянами и составляла с ними единый народ ²⁸. Однако нам ничего не известно о языке этого племени, а уподоблять его современным языкам восточно-балтийских народов нет достаточных оснований. Поэтому попытки обоснования происхождения названия Москва из языков восточно-балтийской группы вряд ли можно признать исторически обоснованными, а полученные при этом результаты — в полной мере убедительными.

В отличие от голяди финно-угорские племена оставили многочисленные следы своего пребывания (памятники дьяковской культуры) по всему бассейну Москвы-реки, намного раньше и чаще упоминались в письменных источниках. В начальной летописи названы ведущие оседлый образ жизни «языцы», которые платили дань Руси и которых Олег взял в свою дружину ²⁹. Десять из них имели финно-угорское происхождение (чудь, весь, меря, мурома, черемись и др.), и лишь четыре могут иметь отношение к восточным балтам, причем голядь среди них не упоминается (литва, зимегола, корсь, нерома).

Приведенные факты свидетельствуют о наличии весомых исторических, археологических, лингвистических и других предпосылок происхождения названия Москва из языков финно-угорской семьи, которые в I тыс. по количеству носителей доминировали на территории Северо-Восточной Европы. Одним из них мог являться несох-

ранившийся до настоящего времени язык летописного племени меря, которое в IX в. населяло окрестности озер Ростовское (Неро) и Клешино (Плещеево), а впоследствии расселилось на территории современных центральных областей (Ярославской, Владимирской, Костромской, Тверской и Московской)³⁰. Об ареале мерян на территории Древней Руси свидетельствуют сохранившиеся этнотопонимы³¹, а также многочисленные памятники дьяковской культуры, которые, по утверждению Е.И. Горюновой, «ближе всего могут быть приписаны мере»³². Однако нельзя исключать возможность происхождения названия Москва и из других, родственных языков финно-угорской семьи, носители которых во второй половине I тыс. также могли обитать вблизи Москвы-реки, однако по тем или иным причинам не попали на страницы начальной летописи. Тем не менее, даже несмотря на наличие в Подмосковье «древнейших названий финно-угорского гидронимического пласта», многие исследователи склоняются в пользу происхождения названия Москва из языков восточно-балтийского типа.

Как правило, свою позицию они аргументируют тем, что основа «моск» названия Москва не может быть убедительно выведена «на почве финно-угорских языков»³³. Однако на территории Северо-Восточной Европы, где на протяжении многих веков обитали финно-угорские племена, гидронимы на Мос-, Мас- и им подобные, не являются большой редкостью. Известны реки Мосница, Мося, Мостья, Масельга, Маселяй-йоки, Мозега, озеро Мосы (Мосьлинское) и др. Вряд ли трудности, возникающие при этимологизации названия Москва и других подобных гидронимов, могут рассматриваться в качестве аргумента в пользу их происхождения из восточно-балтийских языков.

Другим аргументом исследователей является отсутствие гидронимов на -ва на протяжении многих сотен километров к северо-востоку от Москвы-реки, где в Свердловской области и Пермском крае известны примеры гидронимов подобного типа (Кушва, Лысьва, Сосьва и др.). Однако хорошо известно, что традиционные места обитания финно-угорских народов располагались также к юго-востоку, востоку, северу и северо-западу от Москвы-реки. Как уже отмечалось, финно-угорские племена (в частности, меряне) селились на территории современной Москвы и Московской области, где известно не менее восьми гидронимов, оканчивающихся на -ва: Москва, Протва, Большая и Малая Смедва, Ликова, Аргузова, Селева, Халява (правый приток Москвы-реки, в источниках XVI в. — Холева). Названия на -ва известны также в соседних и не столь удаленных от Москвы-реки областях: Варнава, Кова, Кухва, Лизова, Молва, Мырева, Пава, Подшева, Пожва, Това, Яндобова и др.

С негативным отношением к финно-угорской гипотезе трудно согласиться также по другой весьма существенной причине. Дело в том, что, к сожалению, не все языки финно-угорской семьи и соответственно произошедшие из этих языков гидронимы попали в поле зрения исследователей. Одним из таких незаслуженно «забытых» языков является сохранившийся до настоящего времени саамский (лопарский) язык. По принятой классификации он относится к уральской семье финно-угорских языков и имеет ряд местных диалектов. Его носители ныне живут на Кольском полуострове и относятся к малочисленным народностям Крайнего Севера³⁴. Видимо, исследователи полагали, что выводить название Москва из саамского языка столь же безосновательно, как из других древних языков, носители

которых обитали на значительном удалении от Москвы-реки. Однако в контексте долгой истории саамов, этнических и миграционных процессов, происходивших в I — начале II тыс. на территории Северо-Восточной Европы, с таким мнением вряд ли можно согласиться.

Для историков и лингвистов саамский язык примечателен по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от большинства древних языков (например, мерянского или языка племени голядь) саамский язык сохранился до настоящего времени. Он является едва ли не древнейшим финно-угорским языком, на основе и под влиянием которого образовались многочисленные субстратные топонимы нашей страны, а также Финляндии и северных скандинавских стран. Факты истории, памятники материальной культуры говорят о том, что саамский язык в прежние времена доминировал на территории, которая была намного больше той, на которой саамы живут в настоящее время. Как полагают исследователи, территориальный максимум предков саамов (протосаамов) приходился на начало эпохи железа (середина I тыс. до н.э.), когда их ареал простирался от Уральского хребта до восточного берега Балтийского моря ³⁵.

Во-вторых, полукочевой обособленный образ жизни позволял саамам на протяжении длительного времени сохранять свою самобытную культуру и, главное, родной язык, который испытывал меньшее давление внешней языковой среды и в своей основе сохранил многие фонетические и грамматические признаки. В настоящее время в России, а также в Финляндии, Норвегии и Швеции живут носители саамского языка, издаются словари, учебная и художественная литература.

В-третьих, как будет показано ниже, во времена появления славянского населения на территории Волго-Окского междуречья носители саамского языка могли селиться значительно ближе к Москве-реке, чем большинство ведущих оседлый образ жизни финно-угорских народов, из языков которых предпринимались безуспешные попытки вывести название Москва ³⁶. Следовательно, при должном обосновании гипотеза о происхождении названия реки из саамского языка могла бы оказаться достаточно убедительной.

Наиболее ранние сведения о саамах, обитавших значительно южнее мест их нынешнего расселения, содержатся у Тацита (начало I тыс.) ³⁷. Исследователи полагают, что населявшие восточное побережье Балтийского (Свебского) моря племена, названные Тацитом «феннами», имеют прямое отношение к саамам. В отличие от прибалтийских финнов, которые к тому времени перешли на оседлый образ жизни, занимались земледелием и скотоводством, фенны, как и саамы, вели жизнь свободных охотников и рыбаков, пользовались плодами, которые давала им природа ³⁸. Как полагают исследователи, из всех финно-угорских народов саамы раньше всех проникли на территорию Карелии, Финляндии и Кольского полуострова из «какой-то более южной территории» ³⁹. О поселениях и жизни северных саамов, обитавших в конце I — начале II тыс. на Кольском полуострове, свидетельствовали норвежец Отер (IX в.) и датский путешественник Саксон Грамматик (XII в.). В трудах датчанина упоминается область Лаппия, получившая свое название по обитавшим на севере Европы саамам (лопарям) ⁴⁰.

В русских летописях наиболее ранние упоминания о поселениях саамов с привязкой к конкретному географическому месту содер-

жаты в Новгородской первой летописи ⁴¹. В вошедшем в нее «Уставе князя Ярослава о мостех» говорится, что вблизи Великого Новгорода располагалась местность под названием «Лопская ста» (сотня, община) ⁴². Таким образом, согласно историческому источнику, в достоверности которого не приходится сомневаться, в середине XIII в. расстояние от мест расселения саамов до Москвы-реки не превышало 400 км (расстояние между широтами Великого Новгорода и Москвы составляет всего около 340 км).

Об обитании саамов на южном побережье Ладожского озера вплоть до конца XIV в. говорят исторические документы и топонимика Ладожской земли ⁴³. В XV в. так называемая Лопская волость входила в состав Вотской пятины, которая располагалась к югу и западу от Ладожского озера ⁴⁴. На территории волости находились саамские погосты Лопец и Егорьевский-Лопский, одна из сторон города Орешек в устье Невы (ныне Петрокрепость) также называлась Лопской ⁴⁵.

Вероятно, первые контакты славянского населения с саамами стали происходить значительно раньше времени (XII—XIII вв.), которое обычно указывается в справочных и энциклопедических изданиях ⁴⁶. Дело в том, что с появлением на занимаемой территории нового незнакомого этноса саамы рано или поздно покидали места своего прежнего обитания и в дальнейшем туда уже не возвращались. Поэтому существование саамских погостов в Великом Новгороде и Приладожье косвенно говорит о возможности появления первых славянских поселений в среде местного прибалтийско-финского, а также саамского населения. Вероятно, быстрый рост Ладоги в IX—X вв. во многом объясняется ее значением как центра торговли славян с местным населением ⁴⁷. Результаты археологических исследований Земляного города Старой Ладоги указывают на то, что славянские поселения на этом месте были организованы уже в середине VIII века. Однако появление первых славян к востоку от Балтийского моря относится к еще более раннему периоду времени (V—VI вв.) ⁴⁸.

Письменные источники XIV—XIX вв. свидетельствуют о постепенном уменьшении территории расселения саамов, смещении ее южной границы на север, в направлении Кольского полуострова. О поселениях саамов в Карелии к северу от Ладожского озера упоминается в завещании Лазаря Муромского — основателя Муромского монастыря ⁴⁹ (располагался между Онежским и Муромским озерами). Согласно новгородским берестяным грамотам ⁵⁰, на рубеже XIV—XV вв. саамы обитали вблизи озера Оривеси, входящего в систему Сайменских озер (ныне расположены на территории Финляндии).

О саамах, селившихся в Карелии в XVI в., говорится в духовном завещании царя Иоанна IV Васильевича ⁵¹. Согласно Книге Большому чертежу, саамские поселения (погосты) в то время располагались на западном побережье Белого моря — от устья Ковды на севере до устья Неменги (юг Онежской губы) ⁵². Кроме письменных и археологических источников о длительном пребывании саамов в Карелии свидетельствуют культовые памятники (сейды) ⁵³. Согласно Дозорной книге Лопских погостов, в конце XVI в. самым южным местом обитания саамского населения в Карелии являлся Никольский Линдозерский погост. В крупном по тем временам поселении насчитывалось 77 дворов, а в них 126 душ крестьян (без учета женского населения), среди которых назван всего «один лопин». Севернее располагались Спасский Ругозерский и Ильинский Панозерский погосты (соответ-

ственно 44 двора, 70 душ крестьян и «два лопина»; 78 дворов, 137 душ крестьян и «пять лопинов») ⁵⁴.

Непрекращавшиеся в XVII в. опустошительные набеги шведов, непосильное бремя налогов, ассимиляция саамского населения привели к тому, что в XVII—XIX вв. южная граница ареала саамов смещалась в северном направлении. В результате к концу XIX в. саамы оставили пределы Карелии ⁵⁵. Их ареал, прежде включавший обширные территории Северо-Восточной Европы, сжался (в пределах нашей страны) до размеров Кольского полуострова. Аналогичные по своим последствиям миграционные и этнические процессы происходили в соседних странах — Финляндии, Норвегии и Швеции. Как и в России, они также привели к значительному уменьшению территории расселения саамов, обосновавшихся на севере названных стран ⁵⁶.

Предпримем попытку ориентировочно определить среднюю скорость смещения южной границы ареала саамов для территории Карелии, где после присоединения в 1478 г. Великого Новгорода и его северных территорий к Москве стала проводиться перепись тяглого населения, и в писцовых книгах появились сведения о местах расположения и количестве жителей саамских погостов. В качестве исходных данных примем географические широты тех мест, для которых известно время, когда в ходе миграции на север их покинуло обитавшее там прежде саамское население: широту расположения Линдозера (ок. 62,5° с.ш.), вблизи которого в Никольском Линдозерском погосте к концу XVI в. селилась лишь одна саамская семья; широту Полярного круга — северной границы Карелии (ок. 66,5° с.ш.), пределы которой саамы покинули в конце XIX века.

Расстояние между указанными широтами составляет примерно 450 км ⁵⁷. Если согласиться с тем, что на данное расстояние за три века (с конца XVI по конец XIX) сместилась южная граница ареала саамов, то средняя скорость такого смещения составляла бы около 150 км за сто лет. Близкие значения средней скорости могут быть получены для участков от широты Старой Ладogi (ок. 60° с.ш.), где саамы селились вплоть до конца XIV в., до широт Линдозера и северной границы Карелии (лежат в интервале 140—150 км за сто лет). Если перенести полученные значения скоростей на участок от Великого Новгорода (ок. 58,5° с.ш.) до Старой Ладogi, то, как показывают расчеты, к середине XIII в. саамы уже покинули пределы Великого Новгорода, а сохранившаяся в городе местность под названием «Лопская ста» лишь напоминала о месте их недавнего обитания.

Мы не располагаем какими-либо сведениями, которые позволили бы утверждать, что свою миграцию на север саамы начали с широты Великого Новгорода, что именно его окрестности являлись самым южным местом, где прежде селилось саамское население. Более того, данные истории, археологии и топонимики говорят о том, что в более ранние времена южная граница расселения саамов располагалась значительно южнее Великого Новгорода и к востоку от него могла достигать Среднего Поволжья. Известный исследователь истории саамов И.С. Манюхин отмечал, что «контактная зона в Верхнем и Среднем Поволжье могла соответствовать... периоду, когда предки поволжских, прибалтийско-финских народов и части саамов находились в территориальной близости, о чем свидетельствует прямое родство их языков» ⁵⁸. Аналогичной точки зрения придерживался выдающийся лингвист А.К. Матвеев, который полагал, что именно на территории

Среднего Поволжья была выявлена топонимика на родственных саамскому финно-угорских языках (прежде всего, марийском и мордовском)⁵⁹. Тем не менее, отсутствие письменных сведений о местах обитания саамов к югу от широты Великого Новгорода и времени, когда их покинуло саамское население, не позволяет даже приблизительно определить среднюю скорость смещения южной границы расселения саамов, которая имела место ранее XIII—XIV веков. Но если предположить, что для западной части Волго-Окского междуречья на протяжении X—XIII вв. средняя скорость была близка к полученным выше значениям, то, как показывают расчеты, в X в. ареал саамов мог бы включать течение Москвы-реки и достигать Оки⁶⁰.

О происходивших вблизи Москвы-реки во второй половине I тыс. миграционных процессах свидетельствуют данные археологических исследований. Они говорят о том, что в так называемые «темные века» (VII—IX) по невыясненным до настоящего времени причинам на территории современного Подмосковья происходило заметное сокращение численности коренного населения. Длившаяся около трех веков хронологическая лакуна могла быть связана с миграцией в северном направлении селившегося вблизи Москвы-реки местного финно-угорского, в том числе, саамского населения. Вероятно, какая-то его часть продолжала оставаться на территории современного Подмосковья и совершать сезонные перемещения вплоть до появления в X в. или раньше первых славян, которым передала существовавшую номенклатуру речных названий. В противном случае вряд ли можно объяснить сохранение на указанной территории, в том числе вблизи Москвы-реки, древнейших названий финно-угорского происхождения⁶¹.

Помимо исторических и географических оснований на возможность обитания саамов вблизи Москвы-реки указывают примеры субстратных гидронимов Подмосковья. Обращает на себя внимание необычное для русской топонимики название уже упоминавшейся речки Самынки⁶². Некоторые исследователи полагают, что гидроним произошел из языков восточно-балтийской группы⁶³. Свой вывод они обосновывают наличием в современном литовском языке слов *samanos* — мох и *samanūpe* — моховое болото⁶⁴. Тем не менее, известно, что моховые болота тяготеют к водоразделам рек, а вблизи речки Самынки, длина которой составляет всего около 10 км, такие болота вряд ли когда-либо могли располагаться⁶⁵.

Более убедительным является предположение о происхождении названия Самынка по самоназваниям саамов, обитавших в прошлом вблизи этой речки⁶⁶. Весьма примечательно, что в Вологодской области (Вытегорский район) вблизи ее границы с Карелией, где на протяжении многих веков селились саамы, известен похожий этнотопоним — Самина. Река берет начало в озере Саминском, рядом с которым располагается поселение под названием Саминский погост. Саамское происхождение гидронима подтверждается названием одного из притоков вологодской Самины — речки Челма, название которой происходит от саамского слова *чуэлльм*, что в переводе означает пролив⁶⁷.

Похожие названия имеют реки, речки и озера Ленинградской, Тверской, Новгородской, а также Псковской областей: Соминка (3), Сомина (1), Сомынка (1), озера Сомино (4) и Соминское (1). Известно также около 20 населенных пунктов, которые имеют названия с основой на Сам-: Самылиха, Самылково, Самылово, Самышка и др. Ныне они расположены в Вологодской (5), Костромской (5), Ар-

хангельской (2) и других областях, на территории которых в прежние времена обитали саамы⁶⁸. В Московской области до настоящего времени сохранилась деревня Самылово (Можайский район, верховье Москвы-реки), еще одна деревня с названием Самынка до начала XX в. располагалась на берегу Москвы-реки вблизи устья одноименной речки⁶⁹. Представляется совершенно невероятным, чтобы названия водных объектов и поселений, расположенных в местах, где длительное время обитали саамы, а восточные балты никогда не селились, происходили из языков восточно-балтийской группы.

Название расположенной по соседству с Самынкой речки Чаченки (Чачинки) — небольшого правого притока Москвы-реки — до настоящего времени не имело убедительной этимологии. Однако в саамском языке известно слово чадзь (чазь), которое означает вода⁷⁰. Судя по характерным фонетическим признакам и примерам похожих гидронимов северо-запада и севера страны, название Чаченки также имеет выраженное саамское происхождение. В местах, где ранее селились саамы, известны реки Большая Чача и ее приток — Малая Чача (Холмогорский район Архангельской области), озера Чачино (Верхневолжский бассейновый округ), Чач-озеро (Балтийский бассейновый округ) и др.

Убедительной этимологии не имело также название небольшой (всего ок. 7 км) подмосковной речки Польшги — правого притока Нары, берущего начало близ деревни Ляхово Одинцовского района⁷¹. Некоторые исследователи полагали, что гидроним произошел из языков восточно-балтийской группы и может быть переведен как болото⁷². Однако в литовском и латышском языках слово болото в фонетическом отношении заметно отличалось от гидронима Польшга⁷³, и для мест обитания восточных балтов такого рода гидронимы не характерны. В то же время в саамском языке известно близкое по звучанию слово поаллкас (поалкас), что означает тропа⁷⁴. Если принять во внимание, что в прошлом реки и речки в зимнее время использовались как дороги, то происхождение гидронима Польшга из саамского языка представляется более правдоподобным.

Отметим, что на востоке Московской области в Шатурском районе, где восточно-балтийские народы в прошлом никогда не селились, протекает речка с похожим названием Полиха — приток речки Поли. В каталоге рек и озер Московской губернии И.А. Здановского, а также на гидрографической карте съемки того же автора эта речка названа Полгама⁷⁵. В обоснование саамского происхождения гидронима Польшга отметим, что на Кольском полуострове, где до настоящего времени живут саамы, известна гора Палгасвуйчорр — Гора Охотничьей Тропы, а в Сегежском районе Карелии на берегу Выгозера расположено селение Полга. Примечательно, что на расстоянии около 1250 км к востоку от подмосковной речки Польшги и примерно на той же широте вблизи границы Свердловской области с Пермским краем протекает река с названием Польшкас. Вряд ли в данном случае имеет место случайное совпадение названия реки с саамским словом поалкас. Принимая во внимание близость саамского и пермских языков (относятся к уральской семье финно-угорских языков), можно предположить, что в прежние времена окрестности уральской реки также населяли саамы.

Кроме названных гидронимов саамское происхождение могут иметь также названия следующих рек и речек Москвы и Московской

области: Важаночка (в каталоге И.А. Здановского — приток Рузы), Коломенка (она же Копань), Коломенка (подмосковная, прежнее название Коломна), Лобь, Ока (от саамс. ёгк — река), Подон (от саамс. поадан — водопад) ⁷⁶, Поля, Понора, Сара, Сетунь, Халява, Чечера и другие. Приведенные названия составляют лишь небольшую часть гидронимов саамского происхождения Москвы и Московской области. Составление полного каталога таких названий может стать предметом специальных этимологических исследований.

Следует иметь в виду, что при адаптации к древнерусскому, а затем и к русскому языкам многие субстратные гидронимы саамского происхождения могли до неузнаваемости изменить свой фонетический облик, что налагает дополнительные трудности на поиск их первоосновы. Однако даже приведенные в исследовании гидронимы говорят о явном присутствии в гидронимии Москвы и Подмосковья саамского компонента. Вероятно, еще задолго до появления славян в Волго-Окском междуречье на его территории сформировалась основанная на саамском и родственных ему финно-угорских языках гидронимическая система, являвшаяся составной частью топонимики Северо-Восточной Европы.

Приведенные в работе названия показывают, что незнакомые с местными языками и их диалектами первые славянские колонисты нередко ошибочно принимали произнесенные слова за гидронимы саамского происхождения. Затем они адаптировали их к древнерусскому языку и включали в свою лексику в качестве названий, например, Подон, Польша, Чача. Вероятно, значительная часть подобного рода названий может быть отнесена к гидронимическому пласту, соответствующему началу освоения Подмосковья славянами и временам их первых контактов с саамским населением.

Возможность нахождения саамов вблизи Москвы-реки во времена проникновения на данную территорию славянского населения позволяет сформулировать рабочую гипотезу о происхождении названия Москва. Имеются основания полагать, что оно было заимствовано поселившимися вблизи реки славянами из саамского или родственного ему финно-угорского языка, и что дославянское название отражало имевшуюся у реки явно выраженную отличительную особенность (наличие большого числа крутых поворотов и изгибов русла) ⁷⁷.

Перед тем, как приступить к поиску основы названия Москва отметим, что сложные гидронимы саамского происхождения обычно состоят из двух взаимосвязанных компонентов. В начале гидронима размещается компонент, который содержит отличительную особенность (или особенности) объекта. В конце гидронима располагается детерминант — определитель вида объекта (озеро, река, речка, ручей и др.) ⁷⁸. Как правило, отличительным признаком речных названий саамского происхождения является использование в качестве детерминанта слова ёгк — река ⁷⁹.

Чтобы выразить отличительную особенность Москвы-реки на саамском языке, могут быть использованы следующие слова и выражения ⁸⁰:

- моадз (моаз) — линия изгиба, изгиб, поворот (реки, дороги);
- ёгк (ёг);
- вāрр (вāр) — путь, дорога;
- ёгк вāрр — речной путь, переносное значение — «направление речного пути (дороги).

По аналогии с другими сохранившимися на севере страны гидронимами саамского происхождения, содержащими в качестве детерминанта слово ёгк, названием Москвы-реки (в современной орфографии) могло являться Моадзёгк. В переводе на русский язык оно означает «Река Изгибающаяся». Аналогично в соответствии с саамской топонимической традицией от гидронима Моадзёгк и слава «вврр» мог быть образован сложный топоним Моадзёгквӕрр, который в переводе означает Путь Реки Изгибающейся⁸¹. Регулярное использование реки местными жителями в качестве дорожной артерии позволило подметить ее главную особенность и запечатлеть в названиях Моадзёгк и Моадзёгквӕрр. Судя по всему, эти названия не были заимствованы саамами у других, обитавших вблизи Москвы-реки племен, и могут быть отнесены к древнейшему гидронимическому пласту Волго-Окского междуречья.

Поселившиеся вблизи Москвы-реки славяне могли неоднократно слышать от местных жителей название Моадзёгквӕрр, которое они перевели на древнерусский, а затем на русский языки. Преобразование саамского названия речного пути в гидроним Москва могло происходить по схеме: Моадзёгквӕрр — Моазйок'ва — Мозьоква — Моськва — Москва⁸². В процессе адаптации к древнерусскому языку слово вӕрр трансформировалось в формант -ва. Для русской языковой практики помимо фонетических оснований такое преобразование могло быть продиктовано обычным употреблением женского рода для речных названий⁸³.

Во всех своих формах (начальной, промежуточных и конечной) название Москва отличалось от саамского названия, вводилось в обращение и адаптировалось славянским населением. Поэтому появление и вхождение в оборот названия Москва следует рассматривать в контексте древнерусской истории, событий и фактов начального периода освоения славянами Волго-Окского междуречья. Аналогичным образом в лексике древнерусского языка появлялись сотни адаптированных названий северо-востока европейской России, в том числе, гидронимы с основой моадз и формантом -ва⁸⁴. Схематично хронологию появления названий, произошедших от слова моадз на саамском, древнерусском и русском языках можно представить в следующем виде: гидроним Моадзёгк — топоним Моадзёгквӕрр — гидроним Моськва — ойконим Московь — ойконим Москва — гидроним Москва — гидроним Москва-река. Любопытно, что окончательная форма гидронима Москва-река по аналогии с саамскими названиями также состоит из двух компонентов. Как бы в память о своем происхождении от саамского Моадзёгк, последним компонентом в русском названии также является детерминант река.

Идентичность результатов этимологизации названия Москва сформулированной в данной работе гипотезе служит дополнительным подтверждением высказанных предположений о возможности обитания в прошлом саамов и родственных им финно-угорских племен вблизи Москвы-реки, об обширном ареале саамского этноса, южная граница которого в конце I тыс. могла достигать Оки. Нашло также подтверждение предположение о Москве-реке как древнейшем пути сообщения, которым пользовались задолго до появления славянских колонистов на территории Волго-Окского междуречья.

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. М. 1998, с. 339, 596.
2. ЗАБЕЛИН И.Е. История города Москвы. М. 1995, с. 22—42.
3. ИОВИЙ НОВОКОМСКИЙ П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского к Папе Клименту VII-му. Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. 1. СПб. 1836, с. 22, 32—33.
4. Книга Большому Чертежу. М.-Л. 1950, с. 55—56.
5. АФАНАСЬЕВ А.П. Финно-угорская гипотеза топонима Москва. — Вопросы географии. 1985, вып. 126, с. 91.
6. С анализом гипотез и оценкой их правдоподобности можно ознакомиться по источникам: ЗАБЕЛИН И.Е. Ук. соч., с. 22—59; ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М. 1986, с. 660—661; ПОСПЕЛОВ Е.М. Географические названия Московской области. М. 2008, с. 369—371; СМОЛИЦКАЯ Г.П., ГОРБАНЕВСКИЙ М.В. Топонимия Москвы. М. 1982, с. 81—89; История Москвы. Т. I. М. 1997, с. 29—38, НИКОНОВ В.А. Краткий топонимический словарь. М. 1966, с. 275—276; АГЕЕВ Р.А. Гидронимия Москвы. — Вопросы географии. 1985, вып. 126, с. 65—68.
7. См.: ТОПОРОВ В.Н. Древняя Москва в балтийской перспективе. Балто-славянские исследования 1981 г. М. 1982, с. 6—7; СЕДОВ В.В. Балтийская гидронимика Волго-Окского междуречья. Древнее поселение в Подмосковье. М. 1971, с. 102—108.
8. В конце I тыс. река вытекала из одного из озер ледникового происхождения, которые на Смоленско-Московской возвышенности прекратили существование около тысячи лет назад. См.: СМЕРНОВА Е.Д. Реки и озера Московской области. М. 1958, с. 76; АФАНАСЬЕВ А.П. Ук. соч., с. 95.
9. ЗДАНОВСКИЙ И.А. Каталог рек и озер Московской губернии. М. 1926, с. 25—78.
10. Государственный водный реестр: <http://textual.ru>.
11. Анализ показывает, что в выборке 30 названий рек, речек и ручьев центральных областей РФ (из почти 180 заявленных В.Н. Топоровым гидронимов, якобы имеющих балтийское происхождение), 14 относятся к гидронимам Московской области, из них 8 могут иметь финно-угорское происхождение. Аналогично из 42 гидронимов Московской области такое происхождение имеют 23 гидронима (Алтынист, Алчанка, Боринка, Бутынка, Важаночка, Веля, Вилейка, Волшня, Ворванка, Восьма, Гряда, Дерельня, Дрезна и др.). О близости топонимических систем и языковой общности жителей Волго-Окского междуречья и Северо-Восточной Европы см. также: СЕРЕБРЕННИКОВ В.А. Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР. — Вопросы языкознания. 1955, № 6, с. 19—34.
12. По одной из народных славянских этимологий название реки произошло по якобы располагавшейся на ее берегу каменной крепости. Однако первую каменную крепостную стену на берегу реки на территории Кремля построили лишь в 1367—1368 гг. во времена великого княжения Дмитрия Донского.
13. ТЮЛЬПАКОВ Б.М. Топоним «Москва» в свете этнических процессов в западном Волго-Окском междуречье. — История СССР. 1991, № 5, с. 52.
14. Археология. М. 2006, с. 364—367.
15. Населенная вятичами территория Подмосковья была небезопасна даже для княжеских дружин, а предпринятые Владимиром Мономахом походы на вятичей расценивались не иначе, как геройский поступок. Поэтому торговцы и посланники предпочитали пользоваться маршрутом через Верхнюю Волгу. См.: ПСРЛ. Т. I. СПб. 1846, с. 103; АРЦИХОВСКИЙ А.В. Курганы Вятичей. М. 1930, с. 119, 154—155.
16. Балтийская гипотеза основана на предположении о происхождении названия из двух (?) языков (литовс. и латышс.), а также на спорной интерпретации слова узел. Традиционно до XIX в. это слово обозначало завязку на конкретных предметах (пояс, бечева, канат и др.). Лишь с XIX—XX вв. оно стало использоваться в качестве абстрактного понятия для обозначения мест схождения или пересечения водных и железнодорожных магистралей (речной узел, транспортный узел и др.), после чего данная трактовка стала восприниматься как языковая норма. См.: ДАЛЬ В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М. 1955, с. 479; Толковый словарь русского языка. Т. IV. М. 2000, с. 907; Словарь русского языка. Т. IV. М. 1981, с. 475.
17. ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская. Т. 2. М.-Л. 1963, с. 270—271.
18. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о московских делах. СПб. 1908, с. 248.

19. См.: ПСРЛ. Т. XXV. М. 2004, с. 245—246; Русское историческое общество. Сборник. Т. 35. Памятники дипломатических отношений Московского государства. СПб. 1892, с. 163.
20. ПСРЛ, т. XXV, с. 245—246.
21. Там же. Т. X. М. 2000, с. 106.
22. Там же, т. XXV, с. 157.
23. Согласно Списку с межевой книги (1673 г.) по участку старой Можайской дороги, ведущей от «села Рождественного Подушкино тож на речке на Самынке» к Москве, проходила межа, разделявшая земли А.С. Матвеева и стольника М.Б. Милославского. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1209, оп. 1, № 687, л. 260—264.
24. См.: Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М. 1994, с. 133; ЕВТЮХОВА Л.А. Барвихинское городище. — Советская археология. 1937, № 3, с. 113—125; ВЕКСЛЕР А.Г. Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой. Древние славяне и их соседи. М. 1970, с. 122—125.
25. См.: ВЕКСЛЕР А.Г. Отчет об археологических раскопках Жуковского селища в Одинцовском р-не МО в 1965 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3088а, 1965, л. 1—36; ЕГО ЖЕ. Жуковское селище под Москвой. Археологические открытия в 1967 г. М. 1968, с. 49—50; ЮШКО А.А. Московская земля IX—XIV веков. М. 1991, с. 16—23.
26. В подготовленном в 1737 г. Фёдором Ежевским и Феклистом Воробьёвым «Плане Москвы-реки от Москвы от Земляного города до устья ея» предлагалось строительство спрямляющего русла Москвы-реки канала длиной более 13 км, однако из-за большой стоимости работ проект не был претворен в жизнь. См.: НЕСТЕРУК Ф.Я. Водное строительство Москвы. М. 1950, с. 138—140; КАРГАПОЛОВА И.Н. Документальная история русел российских рек (на примере реки Москвы). Эрозия почв и русловые процессы. Вып. 15. М. 2005, с. 6.
27. О племени голяди, селившемся по соседству с кривичами на притоке Москвы-реке речке Протве, в начальной летописи упоминается всего два раза (под 1058 и 1146 гг.), причем ни в первом, ни во втором случаях об этнической принадлежности этого племени в тексте летописи не сообщается. Отнесение его к прибалтийским племенам основывается, главным образом, на сходстве приведенного в летописи названия с галиндами, обитавшими в Юго-Восточной Пруссии (исчезло в начале II тыс.). См.: ПСРЛ, т. II, с. 151, 339.
28. ТРЕТЬЯКОВ П.Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тыс. н.э. — Советская археология. М. 1957, с. 65.
29. ПСРЛ, т. II, с. 8, 16.
30. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1950, с. 106; ТКАЧЕНКО О.Б. Мерянский язык. Киев. 1985, с. 2, 53, 79, 182.
31. О поселениях мери на территории Подмосковья и соседних областей говорят названия притока Москвы-реки речки Нерской (прежнее название — Мерьская), а также озера Нерского (верхняя Волга). Деревни с названием Меря поныне располагаются в Истринском и Клинском районах Московской области. В XVI в. в Звенигородском уезде в Тростенском стане располагалось монастырское сельцо Меря. См.: НИСТРЕМ К. Ук. соч., с. 438—439, 776; Материалы для истории Звенигородского края. М. 1992, с. 102.
32. ГОРЮНОВА Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М. 1961, с. 54, 245.
33. СМОЛИЦКАЯ Г.П., ГОРБАНЕВСКИЙ М.В. Ук. соч., с. 81—89.
34. В русских летописях саамов называли лопью, лопинами, лопарями. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории РФ проживал 1771 саам — большинство на территории Кольского полуострова. Центром культурной жизни саамов являлось село Ловозеро (расстояние от Ловозера до Москвы составляет около 1370 км). См.: Народы России. Энциклопедия. М. 1994, с. 310—312.
35. См.: ХАРУЗИН Н.Н. Русские лопари. М. 1890, с. 17—19; МАНЮХИН И.С. Происхождение саамов. Петрозаводск. 2002, с. 223; МАТВЕЕВ А.К. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины. К истории малых народностей европейского севера. Петрозаводск. 1979, с. 10—12.
36. Расстояния по прямой от Москвы-реки до основных центров расселения финно-угорских народов гг. Саранска, Йошкар-Олы, Ижевска, Сыктывкара и Перми составляют соответственно около 400, 600, 950, 1000, 1100 км. См.: Атлас СССР. М. 1985, с. 24—25, 32—33.
37. ТАЦИТ К. Сочинения. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Л. 1969, с. 373.
38. Известно, что в отличие от саамов, у которых господствовал промысловый уклад жизни, прибалтийские финны в начале I тыс. жили уже оседло, занимаясь земледелием и скотоводством. ТАЦИТ К. Ук. соч., с. 439.

39. СЕРЕБРЕННИКОВ Б.А., ЕРМУШКИН Г.И., МАЙТИНСКАЯ К.Е. Финно-волжская языковая общность. М. 1989, с. 9.
40. ХАРУЗИН Н.Н. Ук. соч., с. 17—19.
41. ПСРЛ. Т. III. М. 2000, с. 507.
42. Вероятно, «Устав Ярослава и мостех» был написан во время великого княжения брата Александра Невского Ярослава Ярославича (1265—1270 гг.). См. ЯНИН В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М. 1977, с. 115—116.
43. В XIV в. на южном побережье Ладожского озера еще селились саамы, «возможно последние в этих местах». Однако в XVI в. они там уже не жили, а упоминавшиеся в документах названия Егорьевско-Лопский погост, волость Лопца и Лопская сторона и др. лишь указывают на места их прежнего обитания. См.: Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов 1587 г. История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск-Йоенсуу. 1987, с. 169; БОЛЬШАКОВА Н.П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск. 2005, с. 20.
44. См.: НАСОНОВ А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М. 1951, с. 120—126; КИРПИЧНИКОВ А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. Историко-археологическое изучение Древней Руси. Вып. I. Л. 1988, с. 68.
45. Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. II. СПб. 1851, с. 111—115.
46. Народы России, с. 310.
47. КИРПИЧНИКОВ А.Н. Раннесредневековая Ладога. Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985, с. 19—22.
48. ЯНИН В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М. 2013, с. 15.
49. АМВРОСИЙ. Завещание Лазаря. История Российской иерархии. Т. 5. СПб. 1813, с. 114—119.
50. АРЦИХОВСКИЙ А.В., БОРКОВСКИЙ В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М. 1963, с. 73—76.
51. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб. 1846, с. 384.
52. Книга Большому Чертежу, с. 183.
53. МЕЛЬНИКОВ И.В. Святилища Древней Карелии. Петрозаводск. 1998, с. 61—76.
54. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск-Йоенсуу. 1987, с. 228—232; ЛУКЬЯНЧЕНКО Т.В. Расселение кольских саамов в XVI—XVII вв. К истории малых народностей европейского севера. Петрозаводск. 1979, с. 16—20;
55. МЕЛЬНИКОВ И.В. Ук. соч., с. 76.
56. На территории Финляндии выявлено более 500 топонимов, содержащих слово «lapp» (основа названия Lappi — «Лапландия»), которые свидетельствуют о том, что саамы являются автохтонным населением этой страны. См.: ITKONEN T.I. Suomen Lappalaiset. Porvoo-Helsinki. 1948, s. 102—104.
57. Атлас СССР, с. 24—25, 32—33.
58. МАНЮХИН И.С. Ук. соч., с. 38—40.
59. МАТВЕЕВ А.К. Ук. соч., с. 10—12.
60. Возможность первоначального расселения финно-угорских народов (саамского, марийского, мордовского) на территории среднего течения Оки и восточной части Волго-Окского междуречья уже подтверждали исследователи. См., например: КАЗАНЦЕВ Д.Е. Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола. 1979, с. 99.
61. КРЕНКЕ Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М. 2011, с. 228.
62. В источниках начала XVII в. встречается название Самына, в более поздних — Самина, Саминка и др. См.: ХОЛМОГОРОВЫ В. и Г. Исторические материалы. Вып. 3. Загородская десятина (Московского уезда). М. 1886, с. 5—6; ПОСПЕЛОВ Е.М. Ук. соч., с. 469.
63. ПОСПЕЛОВ Е.М. Ук. соч., с. 469.
64. ЛИБЕРИС А. Литовско-русский словарь. Вильнюс. 1962, с. 549.
65. В Списке с писцовой книги Сетунского стана за 1627 г. говорится, что от истока Самынки (вблизи сельца Яскина на пруде) до ее устья располагались пустоши Елизарово, Онтипино, Микино Панинское тож, Онтово, Лихачево Вешняково тож, Ильино Чиркино тож, Лазорево Поновка тож. Для прежде располагавшихся на местах пустошей деревень славяне выбирали сухие возвышенные участки, вдали от болот. См.: РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 9807, л. 824—826об.

66. АФАНАСЬЕВА Н.Е., КУРУЧ Р.Д., МЕЧКИНА Е.И. и др. Саамско-русский словарь. М. 1985, с. 314.
67. В местах прежнего обитания саамов известны Челмозеро, Челозеро, пос. Челмужи и др. См.: Саамско-русский словарь, с. 406; МАНЮХИН И.С. Ук. соч., с. 98—99.
68. По мнению А.К. Матвеева, «саамский компонент в топонимии господствует и намного обильнее прибалтийско-финского» внутри треугольника с вершинами в устье Онеги, верховье Пинеги и Белом озере, что приблизительно соответствует территории современной Вологодской области, где наряду с соседней Костромской областью было выявлено максимальное число названий саамского происхождения. См.: МАТВЕЕВ А.К. Ук. соч., с. 5—14.
69. Центральный государственный архив (ЦГА), ф. 203, оп. 780, № 3822, с. 2—9; № 2354, с. 163—168.
70. Саамско-русский словарь, с. 385.
71. В дневнике иностранных послов, посещавших Москву в XVI в., упоминается стан Польга, располагавшийся на речке с тем же названием. См.: Иностранцы о древней Москве (Москва XV—XVII вв.). М. 1991, с. 48.
72. ПОСПЕЛОВ Е.М. Ук. соч., с. 430.
73. В латышском языке слово болото — purvs, в литовском — bala. См.: ЛИБЕРИС А. Ук. соч., с. 406, 485; СЕРЕЙСКИЙ Б. Ук. соч., с. 610, 717; Латышско-русский словарь, с. 135, 156; DRAWNEEKS J. Latvju-krievu vārdnīca. Riga. 1923, l. 203, 228.
74. Саамско-русский словарь, с. 260.
75. См.: ЗДАНОВСКИЙ И.А. Ук. соч., с. 76; Гидрографическая карта Московской губернии. М. 1995, л. 1.
76. Название речки Подон отражает отличительную особенность возвышенной местности на левом берегу Москвы-реки, которая именовалась Крутицы. В прежние времена на этой речке вполне мог располагаться водопад. См.: Саамско-русский словарь, с. 258.
77. Исследователями ранее предлагались гипотезы о происхождении названия Москва от слова с основой моск- из финно-угорских языков пермской подгруппы (коми, удмурдского) и мерянского языка, однако саамский язык в качестве такового не рассматривался. См.: СМОЛИЦКАЯ Г.П., ГОРБАНЕВСКИЙ М.В. Ук. соч., с. 81—89.
78. КЕРТ Г.М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск. 2009, с. 42—43, 56—57.
79. На Кольском полуострове, в Карелии и Ленинградской области известны многие десятки гидронимов саамского происхождения с детерминантом йок. Вот лишь некоторые названия (начинающиеся на букву А): Адийок, Айкуайвенчйок, Аккийок, Айро-йоки, Айттойоки, Аноксен-йоки, Анто-йоки, Асилан-йоки, Асума-йоки, Аура-йоки. См.: Географический словарь Кольского полуострова. Т. 1. Л. 1939, с. 14—115; Каталог озер и рек Карелии. Петрозаводск. 2001, с. 266—282.
80. Саамско-русский словарь, с. 38, 86, 192.
81. В древности водные объекты обычно получали состоящие из нескольких слов описательные названия, поэтому во времена контактов славян с местным саамским населением названиями реки и водного пути могли являться фразы Моадз ёгк и Моадз ёгк вāрр, которые, пройдя преобразования, стали одним словом. См.: СУПЕРАНСКАЯ А.В. Что такое топонимика? М. 1985, с. 39—40.
82. Судя по всему, окончательная форма названия Москва появилась в ходе развития древнерусского языка как результат конвергенции славянского и произошедших из саамского языка финно-угорских названий (прежде всего, мерянского названия). Существование в начале II тыс. у Москвы-реки нескольких названий согласуется с приводимыми в летописях вариантами «на Моськви», «на Мосце» и др. См.: ПСРЛ, т. 2, с. 596, 726.
83. ТКАЧЕНКО О.Б. Ук. соч., с. 56.
84. Вероятно, одним из такого рода гидронимов на -ва могло являться название реки Кухва, относящейся к Балтийскому бассейновому округу. Название возможно произошло от саамских слов кукесь (кукесь) (длинный, долгий) и вāрр (в таком случае название Кухва могло означать длинный путь. Вероятно, в основе названия реки Мостья (Окский бассейновый округ) также могло лежать саамское слово моадз, поскольку река несколько раз меняет общее направление своего течения с преимущественно северного на западное. См.: Саамско-русский словарь, с. 128, 192.

У истоков прусского милитаризма

М.П. Беляев

Аннотация. Работа посвящена созданию постоянной армии курфюрстом Бранденбурга Фридрихом Вильгельмом. Это событие тесно связано с борьбой за юлих-клевское наследство. Создаваемая армия должна была оказать давление на соперника курфюрста — пфальцграфа Нейбурга. Фридрих Вильгельм пытался решить спорные вопросы путем переговоров. Однако пфальцграф отказался от пересмотра соглашений 1629—1630 годов. Тогда курфюрст принял решение применить военную силу.

Ключевые слова: Бранденбург, курфюрст, армия, пфальцграф, Нейбург, Юлих, Клеве.

Abstract. The work is devoted to the creation of a standing army the Elector of Brandenburg Frederick William. These development is closely linked to the struggle for the Jülich-Cleves inheritance. The created army was to put pressure on the opponent Elector — Palatine Neuburg. Frederick William tried to solve disputes through negotiations. However, Palatine refused to revise agreements 1629—1630 years. Then, the Elector decided to use military force.

Key words: Brandenburg, Elector, army, Palatine, Neuburg, Jülich, Kleve.

Во время Тридцатилетней войны значительная часть владений дома Гогенцоллернов оказалась захвачена иностранными войсками. Советник и бывший воспитатель молодого курфюрста Фридриха Вильгельма, Иоганн Фридрих Лейхтмар, констатировал, что Бранденбург стоял «на краю пропасти». Неспособность обеспечить эффективную защиту своих земель подрывала власть курфюрста, поскольку обеспечение безопасности страны являлось одной из главных задач правителя. Фридрих Вильгельм столкнулся с ситуацией, когда дипломатических средств защиты своей территории было явно недостаточно. Чтобы восстановить свой суверенитет и проводить активную внешнюю политику, молодому курфюрсту была нужна сильная дисциплинированная армия ¹.

Беляев Михаил Петрович — кандидат исторических наук, доцент Российского университета кооперации. E-mail: babek-han@mail.ru.

Beljaev Mikhail P. — candidate of historical sciences, associate professor of the Russian University of Cooperation. E-mail: babek-han@mail.ru.

Начало создания постоянной армии в 1644 г. стало ключевым моментом для будущего развития бранденбургско-прусской государственности. В период правления отца Фридриха Вильгельма, курфюрста Георга Вильгельма (1620—1640), по существу, не удалось создать собственные вооруженные силы. В соответствии с законом от 1 мая 1620 г., каждое сословие на период войны должно было выделить не менее 3 тыс. солдат. Однако это требование не было выполнено. Министром Георга Вильгельма, графом Шварценбергом, была создана наемная армия. Но она являлась бранденбургской лишь по названию, поскольку содержалась на деньги императора, которому и приносила присягу. Вдобавок, это войско находилось в состоянии полного развала из-за нехватки средств на его содержание ².

Создание бранденбургской армии было тесно связано с укреплением позиций курфюрста в его западных владениях на Рейне. Ближайший сподвижник Фридриха Вильгельма в первые годы его правления, обер-камергер Конрад фон Бургдорф, говорил: «Суверенная власть здесь [в западных владениях] значительно ослаблена и нуждается в восстановлении мечом» ³. Сильное влияние на стиль военной политики Бранденбурга в начале правления Фридриха Вильгельма оказало территориальное соперничество в этом регионе с Пфальц-Нейбургом за пересмотр результатов Дюссельдорфского временного соглашения 1629 г. по юлих-клевскому наследству. В соответствии с этим соглашением, в дополнение к условиям Ксантенского договора 1614 г. к Пфальц-Нейбургу помимо Юлиха и Берга перешли половина графств Равенштейн и Равенсберг, а также половина владений Брескес и Винненталь ⁴. За Бранденбургом оставались только Клеве и графство Марка.

На состоявшемся 25 июня 1644 г. заседании тайного совета в Берлине рассматривались вопросы военного строительства. Члены совета высказали свое мнение о перспективах становления собственных вооруженных сил. Обер-камергер Бургдорф считал, что уважение и авторитет можно завоевать только шпагой. Он приветствовал как хорошее начало формирование нескольких рот в Клеве. Появление первых подразделений бранденбургской армии в герцогстве Клеве и графстве Марка было связано с благоприятной ситуацией. Вербовка солдат здесь шла лучше, чем в Бранденбургской марке (Курмарке), где обстановка осложнялась из-за действий имперских и шведских войск. Швеция и католики были настроены против усиления Бранденбурга. Спорные с пфальцграфом Нейбурга вопросы герцогства Юлих-Клеве они хотели перенести на Вестфальский конгресс. В Пруссии, сообщил Бургдорф, пытались набрать 4—5 тыс. чел., которых уже через 3 месяца собирались использовать в Померании и на Рейне ⁵.

По мнению канцлера Гётца, все зло шло от того, что у шведов была хорошо обученная армия, а курфюрст, напротив, ее не имел. Поэтому, продолжал мысль советник Штрипе, Швеция была против создания бранденбургской армии. Выбор курфюрстом какой-либо одной стороны конфликта означал бы войну с другой ⁶.

Советник Лейхтмар приводил примеры вооруженных сил других немецких князей и шведского короля-полководца Густава Адольфа, который пользовался непререкаемым авторитетом. Чтобы курфюрста уважали, считал советник, нужна сильная армия. Для решения ней-

бургского вопроса необходимо вначале заручиться поддержкой принца Оранского, затем, выдвинуть пфальцграфу конкретные требования и, если это не подействует, выступить с угрозой применения военной силы ⁷.

Советник Лёбен считал, что если бы у курфюрста была хотя бы тысяча солдат, дела шли бы по-другому. Император не станет считать вербовку бранденбургских войск нарушением имперских законов, поскольку шведы занимали Померанию и значительную часть Курмарки. Существовали определенные трения и с Польшей. Лёбен, Гётц и Бургдорф ссылались на недостаток и даже отсутствие средств на военные нужды, ведь общая сумма долга курфюрста уже составила 4 миллиона. Советник Штрипе полагал, что сословия денег не дадут. В частности, оппозиционно настроенное бранденбургское дворянство не желало уплачивать ежегодные взносы на содержание постоянной армии ⁸.

Командующим войсками в Клеве был назначен Иоганн фон Норпрат, оставивший незадолго до этого пфальц-нейбургскую службу. Его девизом были слова: «Князь без солдат — это не князь». Генерал Норпрат получил также гражданскую власть, став наместником в Клеве. Перед ним была поставлена задача противостоять незаконным притязаниям герцога Нейбурга пфальцграфа Вольфганга Вильгельма. В инструкции Норпрату от декабря 1643 г., основанной на его предложениях, курфюрст отметил, что считает правомочным в случае необходимости применить военную силу против пфальцграфа ⁹.

Наместник столкнулся с серьезными трудностями. Из-за позиции местных сословий стало невозможно проводить вербовку солдат. В результате было решено осуществлять найм войск в Пруссии, хотя это было и затруднительно, поскольку она находилась в вассальной зависимости от Польши. Завербованные там солдаты частично были переброшены в Клеве. В феврале 1645 г. из Пруссии прибыли 5 рот во главе с братом обер-камергера Бургдорфа, Георгом Эрентрайхом. Бургдорф предупреждал своего брата, что Норпрат нетерпелив и только и мечтает, чтобы начать войну против Пфальц-Нейбурга. Между двумя бранденбургскими военачальниками сложились неприязненные отношения. Г.Э. Бургдорф считал несправедливым передачу командования Норпрату, который проводил все время в переговорах, не заботился о войсках и хвалился, что может привести на Рейн 20 тыс. солдат пехоты ¹⁰.

При создании армии Фридрих Вильгельм столкнулся с кадровой проблемой. Относительно легко можно было на вербовать солдат, но опытных командиров, сражавшихся в престижных армиях — шведской, голландской или имперской — было сложно привлечь на службу к неплатежеспособному курфюрсту. Это означало неудачную карьеру и финансовое неблагополучие. Советник курфюрста Курт Бертрам фон Пфуель в своем меморандуме советовал брать офицеров из бранденбургского дворянства. Он предлагал иметь армию в составе пехоты (9 тыс. чел.) и кавалерии (2 тыс. чел.). Доходов от государственных земель, сословных лицензий, в особенности, городских налогов и ленных сборов, считал Пфуель, будет достаточно для содержания войск. Эти идеи были нацелены далеко в будущее ¹¹.

Часть территории Юлих-Клеве, принадлежавшая курфюрсту, была оккупирована имперскими, голландскими и гессенскими войсками.

Ландграфиня Гессенская Амалия, мать и опекунша Вильгельма VI, предложила Фридриху Вильгельму еще в 1642 г. через посредничество графа Иоганна Сайн-Витгенштейна начать переговоры о восстановлении дружбы и последующем выводе гессенских войск из Клеве. Между этими двумя немецкими княжествами в данном регионе постоянно возникали конфликты. Гессенцы не могли спокойно смотреть на усиление бранденбургской военной мощи. Когда Норпрат разместил маленький гарнизон в Ксантене, гессенский полковник Равенхаупт прогнал его. В октябре 1644 г. он писал Норпрату, что настаивает на выводе бранденбургских войск из Клеве, иначе Гессен применит силу. При французском посредничестве 19 октября 1644 г. Фридрих Вильгельм заключил договор с ландграфиней Амалией о выводе гессенских гарнизонов из Клеве, в частности, из крепости Калькар в течение следующего, 1645 года. Курфюрст должен был возместить издержки в размере 60 тыс. талеров за укрепления Калькара, а также обязывался обеспечить одновременное освобождение Хамма от имперских войск в течении 6 месяцев. Бранденбургская сторона позволяла Гессену вывезти из оставляемых городов свою артиллерию, боеприпасы и продовольствие, за исключением городского и курфюршеского имущества. Установление более тесных отношений с Гессеном было ознаменовано помолвкой младшей сестры Фридриха Вильгельма, Хедвиги Софии, с молодым ландграфом Вильгельмом VI ¹².

Начался процесс вывода иностранных войск из Юлих-Клеве. Однако оставление Липпштадта гессенской армией затянулось. После долгих колебаний было освобождено графство Марка. Норпрат договаривался с представителями гессенских войск, находившихся в Юлих-Клеве, о передислокации их в Берг. Другой бранденбургский представитель, Клейст, вел переговоры с ландграфиней, имперскими генералами и курфюрстом Кёльна об уступке города Хамма ¹³. Интерес к этому городу проявлял и пфальцграф, считая его своим владением. Он высказывал претензии по поводу поборов с крестьян, конфискаций у них лошадей и крупного рогатого скота, выступал против необоснованных контрибуций, приводя в пример соседнее графство Фелен ¹⁴.

Посланник курфюрста в Гааге Винанд Родт обсуждал с принцем Оранским вывод голландского гарнизона из города Дуйсбурга. В результате голландцы, находившиеся в Клеве для обеспечения долга Хёфизера ¹⁵, оставили Дуйсбург и Динслакен. Принц Оранский Фридрих Генрих дал понять, что оставшиеся голландские войска в составе 9 пехотных и 2 конных рот находятся в Клеве, в том числе и для защиты интересов курфюрста. Настоящей причиной вывода гессенских войск и части нидерландских гарнизонов были планы перенесения военных операций к нижней Шельде, чтобы связать здесь имперские и испанские войска, хотя сам принц Оранский опасался вмешательства в конфликт императора ¹⁶.

Замена гарнизонов на бранденбургские стала непосредственным аргументом для курфюрста создать новые подразделения из бывших солдат и офицеров голландских и гессенских войск в составе трех полков, которые располагались в крупных городах. Во время Тридцатилетней войны и долгое время после нее гарнизоны представляли

собой главную силу тогдашних вооруженных сил. Военные действия велись в основном путем оккупации территории и осад крепостей, а не прямого конфликта больших армий и крупных сражений. Преимуществом этой стратегии была, по крайней мере, перспектива меньших потерь. Опорные пункты, особенно в приграничных районах, в глазах Фридриха Вильгельма были первым шагом к обеспечению безопасности. Поэтому он придавал большое значение занятию стратегического плацдарма в своих рейнских владениях, в которых до сих пор находились иностранные гарнизоны. Город Хамм в Марке удерживали имперские войска. Были серьезные основания полагать, что он привлечет внимание шведской армии, и Марка станет ареной непосредственных военных действий. Курфюрст вел переговоры о выводе имперских войск с Отто Кристофом фон Шпарром, ставшим позднее главнокомандующим бранденбургской армией, который в тот момент состоял на службе императора. За несколько месяцев до заключения Вестфальского мира имперский гарнизон покинул Хамм. Это произошло также из-за ухудшения ситуации на чешском театре военных действий, где шведы осаждали Прагу. Курфюрст придавал большое значение этому событию. Часть военных во главе со Шпарром перешла к нему на службу ¹⁷.

Но главной проблемой для западных владений курфюрста была неурегулированность отношений с Нейбургом. Еще в 1641 г. пфальцграф предложил Фридриху Вильгельму подтвердить временное соглашение 1629 года. Курфюрст поручил своим клевающим советникам проверить законность этого договора. Они пришли к выводу, что соглашение было навязано Бранденбургу в связи с неблагоприятной ситуацией и продажностью его представителя Шварценберга. Доходы пфальцграфа составили почти $\frac{2}{3}$ вместо половины, оговоренной в соглашении 1614 года. Клевские советники предлагали курфюрсту для переговоров воспользоваться поддержкой Нидерландов, Франции и Англии. Фридрих Вильгельм согласился с их позицией ¹⁸. С отдельным мнением выступил Иоганн фон Дист, находившийся в Гааге. Оно во многом совпадало с позицией других советников. Дист соглашался, что договор 1629 г. был «целенаправленным обманом» и состоялся из-за злого умысла графа Шварценберга. Поэтому на повестке дня предстоящих переговоров должен был стоять равенсбергский вопрос. Также необходимо было решить проблему голландского долга, возложив уплату 176 тыс. рейхсталеров на пфальцграфа. Дист предлагал прекратить репрессии в религиозной сфере, проводимые пфальцграфом на своей территории, находившейся под духовной юрисдикцией курфюрста Кёльнского. По мнению клевающего советника, переговоры должны вестись не в Клеве или Дюссельдорфе, а в Дуйсбурге для лучшего обеспечения работы бранденбургской делегации. С таким поручением вполне мог справиться Норпрат как уполномоченный курфюрста ¹⁹.

К борьбе с Нейбургом Фридрих Вильгельм стремился привлечь Францию. В ноябре 1644 г. посланец курфюрста В. Родт предлагал ее представителям в Мюнстере союз: в то время как император поддерживал пфальцграфа, Фридрих Вильгельм хотел бы перейти на сторону Франции и бороться против Австрии. Бранденбургский дипломат говорил, что его государь внутренне готов к войне с Нейбургом.

Вольфганг Вильгельм узнал об этих переговорах и просил своего родственника, польского короля Владислава IV, о помощи. Сестра Владислава IV была замужем за сыном пфальцграфа, наследным принцем Филиппом Вильгельмом²⁰. Настроенный пропольски принц предлагал своим друзьям поступать на службу не к королю Дании, который в это время вел войну со Швецией, а к королю Польши²¹.

Еще в мае 1644 г. Владислав IV через бранденбургского посла в Варшаве Ховербека и в присутствии нейбургского вице-канцлера предложил посредничество между курфюрстом и пфальцграфом. Предложение было передано в устной форме, чтобы избежать какого-либо протеста со стороны Бранденбурга. Великий канцлер Польши считал необходимым проведение конференции для безотлагательного разрешения разногласий между Фридрихом Вильгельмом и пфальцграфом, которые все более нарастали. Шли преследования священнослужителей, поскольку религиозные вопросы не были урегулированы временным соглашением 1629 года. В то же время ничего конкретного не предлагалось, не было даже определено время и место переговоров. Советники Фридриха Вильгельма подготовили два достаточно двусмысленных ответа польским и нейбургским посланникам за подписью канцлера Гётца. По сути, курфюрст уклонился от польского посредничества. В ответы была включена язвительная фраза из письма посланника Нейбурга, копию которого удалось добыть, о том, что наследный принц Филипп Вильгельм — порядочный господин и мог бы быть, пожалуй, королем Польши после смерти Владислава IV, но королем очень слабым²².

Пфальцграф, однако, был опытным и ловким политиком и искусным мастером политических интриг. Вначале он ждал, что курфюрст сам инициирует мирные переговоры. Вольфганг Вильгельм отверг предложение о посредничестве Баварии, так как последняя входила в коллегия курфюрстов, членами которой были Саксония, имеющая свой интерес в юлих-клевском вопросе, и Бранденбург. Пфальцграф опасался солидарности курфюрстов. Он объявлял о своей готовности к уступкам в равенсбергском вопросе, где чувствовал себя виноватым. Но, Фридрих Вильгельм не довольствовался этим и заявлял о незаконности всего временного договора. Пфальцграф разгадал бранденбургские планы и предложил в ноябре 1644 г. провести переговоры об урегулировании разногласий. Конференция, проходившая в Дуйсбурге, началась только 25 августа 1645 года. От нейбургской стороны на переговоры были делегированы юлихский маршал барон фон Шпиринг, бергский маршал Вешпфенинг и вице-канцлер доктор Альтенхофен. В качестве представителей Бранденбурга выступали Норпрат и несколько советников из Клеве. 21 сентября 1645 г. Норпрату была выдана инструкция. Он должен был добиваться от Нейбурга сатисфакции по договору 1629 г. в размере 100 тыс. рейхсталеров из Юлиха и Берга и 20 тыс. — из Равенсберга и Равенштейна. Необходимо было не допустить пфальцграфа к руководству вестфальским имперским округом. Бранденбург должен был добиваться веротерпимости в отношении протестантов во владениях Нейбурга в Юлихе и Берге и противодействовать установлению духовной юрисдикции архиепископа Кёльнского над этими территориями²³.

Вольфганг Вильгельм преследовал протестантских священнослужителей, создавая преимущество для католических. В декабре 1645 г. проповедник и президент генерального синода Вильгельм Хюльзиус из Везеля прибыл в Кенигсберг, временную резиденцию Фридриха Вильгельма, и рассказал о тяжелых гонениях со стороны властей Нейбурга на реформатских проповедников и общины в княжествах Юлих и Берг. Пфальцграф ограничивал их в свободе вероисповедания²⁴. Он проявлял недовольство, что его подданные в Мюльхайме отрицают католические обряды и по-другому молятся²⁵. Курфюрст же не преследовал католиков в своих владениях, хотя и покровительствовал реформатам, давая им больше привилегий. Бранденбургская сторона желала, чтобы Генеральные штаты Нидерландов поддержали своих единоверцев. Развернулась напряженная переписка между пфальцграфом и клеветским правительством по поводу притеснений реформатов в Юлихе и Берге²⁶.

В свою очередь, Вольфганг Вильгельм жаловался курфюрсту на действия Генеральных штатов. Католические священники из Юлих-Берга были похищены голландскими солдатами из собственных домов, церквей и даже от алтаря, доставлены в гарнизоны Рейнбек и Орсау и заключены под стражу. Пфальцграф указывал на нарушение их прав, ссылаясь на Ксантенское соглашение по юлих-клеветскому наследству в части свободы отправления религиозных культов, и просил курфюрста добиваться у Генеральных штатов освобождения заключенных. Члены бранденбургского тайного совета считали такое применение физической силы недопустимым, хотя канцлер Гётц и подозревал, что это сделано для того, чтобы рассорить Бранденбург с Голландией. Лейхтмар предлагал проявить сочувствие пфальцграфу в связи с нарушением голландцами религиозного мира. Фридрих Вильгельм, несмотря на то, что тоже являлся кальвинистом, никогда не поступил бы так с католиками²⁷.

Спустя более двух лет, в 1646 г., вопрос об освобождении находившихся под стражей «лиц, духовного звания и священников» из Юлиха и Берга был вновь поднят Вольфгангом Вильгельмом. Он просил курфюрста направить в Гаагу соответствующий протест. Фридрих Вильгельм выступил против содержания в плену католических священнослужителей и требовал их освобождения²⁸.

Пфальцграф, однако, раздражал курфюрста своей нетерпимостью по отношению к протестантам и отказом выполнять условия, согласованные двумя сторонами. Неторопливый ход переговоров вполне устраивал Вольфганга Вильгельма и выводил из себя Норпрата и Фридриха Вильгельма. Курфюрст должен был сдерживать свой темперамент, чтобы правильно оценивать ситуацию²⁹.

На переговорах выявились острые разногласия и по другим вопросам. Бранденбургский представитель требовал передачи половины княжества Берг, графства Равенсберг и сеньории Равенштейн. Нейбургская сторона отвергала эти претензии. Угрозы решить вопрос военным путем результата не дали, да и сил было недостаточно. Что делать дальше, инструкция Норпрата не говорила. Однако планы нападения на нейбургские владения имелись³⁰.

Курфюрст был настроен воинственно. Тем не менее, он затребовал мнение своего тайного совета в Берлине о том, целесообразно ли

оказать военное давление на Нейбург. 7 октября 1645 г. советники дали свое заключение. Они выдвинули ряд серьезных аргументов против военного решения вопроса. Мероприятия по оснащению армии вооружением были еще недостаточны — прежде всего, не хватало артиллерии. Натянутые отношения с клеветскими сословиями грозили внутренними проблемами. Кроме того, к таким действиям недостаточно были подготовлены друзья — Нидерланды, Швеция и Франция. Война не нашла бы понимания с их стороны. Могли пострадать отношения с этими странами. Для них Вольфганг Вильгельм — «старый, трудолюбивый, опытный господин». Кроме того, советники отмечали, что пфальцграф отнюдь не одинок и располагает нужными связями. На помощь ему могут прийти Испания, император, Польша и другие союзники. В свое время отец Фридриха Вильгельма, Георг Вильгельм, попытался выбить нейбургские войска из крепости Юлих. Испанцы помогли Нейбургу отразить нападение. Поэтому бранденбургский тайный совет считал, что пока от вооруженной борьбы с пфальцграфом можно ожидать только беды. «Мы не можем советовать применять физическую силу, поскольку существует риск потери репутации курфюрста и страны в целом», — заключал канцлер Гётц. Сомнения советников основывались на абсолютно верных фактических данных. Они считали, что спор необходимо решать дипломатическим путем ³¹.

Чуть позже 5 членов тайного совета — Гётц, Путлиц Риббек, Шверин и Штрипе — выступили с решительным заявлением, в котором проводился анализ прошлой политики Бранденбурга в отношении юлих-клеветского наследства. По мнению советников, курфюрст Георг Вильгельм был вынужден заключить с пфальцграфом неравноправный и вредный договор, который таил в себе большие проблемы. Условия этого соглашения оказались невыполнимыми благодаря Шварценбергу, пользовавшемуся авторитетом у Георга Вильгельма. В результате владения Гогенцоллернов сократились. Фридрих Вильгельм, имея обоснованные сомнения в правильности этого соглашения, понял все его отрицательные последствия и предпринял шаги по его изменению. По мнению советников, это можно было сделать с помощью военной силы, хотя многие были против. У Георга Вильгельма это не получилось по причине отсутствия под рукой хотя бы двух или трех рот ³².

По условиям соглашения 1629 г., пфальцграф должен был уступить часть графства Равенсберг курфюрсту, но не сделал этого и не уплатил обещанные суммы. Такой раздел графства был неблагоприятен для Бранденбурга. Уважительной причины для неуплаты средств не было. Шварценбергу дали слово, но не выполнили его. Сословия также не желали ничего платить. Генеральные штаты, являвшиеся получателем долга, не озаботились этим вопросом. В результате, пфальцграф умело ушел от ответственности. Позднее, уже в декабре 1645 г., советники пришли к выводу, что договор 1629 г. можно оставить в силе, поправив его некоторые положения ³³.

Фридрих Вильгельм требовал от Норпрата усилить нажим на пфальцграфа, чтобы последний согласился на бранденбургские условия. Они состояли в передаче курфюрсту полкняжества Берг и верхней его части в виде сеньорий Мизелов, Порц, Люльсдорф, Лойен-

берг, Лейенберг, Виндек и Штейнбах наряду с Равенсбергом и Равенштейном. Затем требования могли быть смягчены, но Норпрат ни в коем случае не должен был уступать Равенсбергу, Равенштейну и сеньорию Бланкенберг. Клевский советник, доктор Пайль, разработал проект соглашения между Нейбургом и Бранденбургом о юлих-клевском наследстве ³⁴.

Между тем, пфальцграф активно интриговал против Фридриха Вильгельма. Он пытался заручиться поддержкой Франции и направил своего вице-канцлера в Мюнстер, а затем в Париж. Его советнику Вешпфеннигу удалось убедить принца Оранского высказаться в ноябре 1645 г. против применения военной силы курфюрстом. И это несмотря на то, что Норпрат еще с 1643 г. пытался влиять на статхаудера в бранденбургских интересах. Фридрих Генрих в ноябре 1645 г. предлагал Норпрату посредничество в переговорах с пфальцграфом. В марте 1646 г. курфюрст послал в Гаагу Эвальда фон Клейста, чтобы нейтрализовать деятельность посланцев Вольфганга Вильгельма. В свою очередь, Генеральные штаты не хотели вмешиваться в этот конфликт, даже если Нейбург обратится за помощью к Испании. Они опасались участия Парижа в этом споре. Надежды Бранденбурга на союз с Францией в борьбе с Нейбургом также не оправдались. Курфюрст в своей политике и брачных планах не считался с желаниями французской стороны, а Париж не был готов укреплять кальвинистский элемент на Нижнем Рейне ³⁵.

Пфальцграф неоднократно жаловался императору на курфюрста. Вольфганг Вильгельм утверждал, что Фридрих Вильгельм побудил шведскую армию приблизиться к Юлиху и занять позиции у Дюссельдорфа, что было абсолютно необоснованно. Курфюрст не предпринимал ничего враждебного против пфальцграфа и при том сдерживал клеветское правительство. В своем ответе императору бранденбургский правитель жаловался на интриги пфальцграфа, в особенности в Польше и Брюсселе ³⁶.

Вольфганг Вильгельм также встречался с представителями Кельна и гессенским комиссаром в рейнских княжествах. На встрече с гессенским комиссаром обсуждались, в частности, вопросы контрибуции, взимаемой на содержание войск. Клевский советник Борх предлагал привлечь гессенского генерал-комиссара Отто Мальсбурга к работе Дуйсбургской конференции, поскольку переговоры между представителями курфюрста и пфальцграфа зашли в тупик в связи с отсутствием взаимопонимания. В этом предложении была скрытая критика Норпрата. Борх выступал против применения силы в разрешении спора и хотел, чтобы переговоры были поручены только клеветским советникам. Последние считали необходимым непосредственное участие курфюрста в конференции. С ними соглашался и Г.Е. Бургдорф. Отношения Бранденбурга с Гессеном оставляли желать лучшего. Полковник фон Равенхаупт, старый противник курфюрста, враждебно относился к вступлению его войск в Юлих-Берг. Ландграфиня Гессенская официально поддержала своего подчиненного. Надеяться на ее нейтралитет в пфальц-нейбургском вопросе было нельзя. В октябре 1645 г. наместник в Клеве просил курфюрста двинуть бранденбургские войска в Юлих, а также в графство Берг, чтобы «разобраться» с гессенцами, но получил отказ ³⁷.

Еще с лета Норпрат сетовал на бесполезность нахождения армии в рейнских княжествах. Содержание войск ежемесячно обходилось в 12 тыс. рейхсталеров. Таких средств у Бранденбурга не было. Клевские сословия на ландтаге в Эммерихе согласились собрать только 20 тыс. рейхсталеров, что было явно недостаточно. Сословия и города графства Марка в октябре 1645 г. выступили против расквартирования бранденбургских войск и заявили о своем нейтральном статусе. Их поддержали и клеvские сословия. Несмотря на то, что братья Бургдорфы не доверяли Норпрату, они соглашались с ним в том, что надо начать военные действия против Пфальц-Нейбурга, хотя бы и небольшими силами ³⁸.

В ноябре 1645 г. Норпрат вел переговоры с пфальц-нейбургским тайным советником фон Шэссбергом о переуступке половины Берга и Равенштейна, а также о компенсации в размере 168 тыс. рейхсталеров. Казалось, что в переговорах наметился некоторый прогресс. Норпрат добивался от Шэссберга конкретного ответа на требования курфюрста. Пфальцграф придумывал всякие отговорки, лишь бы не отдавать Равенсберг и Равенштейн. Он ссылался на то, что Равенштейн принадлежит его супруге, а полграфства Равенсберга — супруге его сына. Вольфганг Вильгельм надеялся на вмешательство императора и лотарингского герцога в юлих-клеvский спор, а также на поддержку клеvе-маркских сословий. Посланники пфальцграфа стремились заручиться поддержкой Гааги ³⁹.

В декабре 1645 г. Норпрат вновь настаивал на участии войск в разрешении спора. Возможность военного давления на пфальцграфа оговаривалась в инструкции от 19 ноября для Дуйсбургской конференции. Согласно этому документу, на смену условий временного соглашения 1629 г. должен был прийти принцип равномерного распределения доходов. Также представители курфюрста обязаны были стремиться к приобретению всего Равенсберга, Равенштейна и даже нескольких бергских земель на 25 лет. У таких далеко идущих требований была только одна цель — запугать пфальцграфа потерей всей своей страны. Переговоры в Оснабрюке, в ходе которых представители Бранденбурга заявляли о необходимости компенсации, вполне допускали такую возможность. Для этого можно было захватить ключевые районы Юлиха и Берга ⁴⁰.

С самого начала курфюрст понимал бесплодность переговоров в Дуйсбурге. Он больше не хотел выносить постоянные трения, которые возникали из совместного владения Равенсбергом, и напал на соглашение 1629 г. как коррупционную сделку графа Шварценберга. Фридрих Вильгельм был «против приезда высоких влиятельных лиц, пользующихся влиянием, для консультаций». Вольфганг Вильгельм соглашался, что Бранденбург по соглашению 1629 г. нес убытки. Тем не менее, пфальцграф и его советники не желали пересмотра существующего положения, мотивируя это тем, что договор был одобрен Георгом Вильгельмом, да и сам Фридрих Вильгельм соблюдал его уже 4 года. Поэтому курфюрст 28 декабря 1645 г. опубликовал переписку отца по этому вопросу. Из нее следовало, «что отец пошел на договор 1629/1630 г. не по собственной воле, а подстрекаемый графом Шварценбергом». Такого рода уступки «служат... разделению страны на части и ущемлению курфюршеских поме-

нов». Все эти препирательства между князьями вели к военному конфликту ⁴¹.

Курфюрст искал поддержки у Франции, принца Оранского, Генеральных штатов и ландграфини Гессена. Для этого советник фон Дона отправился в Париж, а фон Клейст вместе с Дистом — в Гаагу. Стремясь привлечь Францию на свою сторону, Дона ссылался на возобновление пфальцграфом своего союза с Испанией. В ходе переговоров в Гааге обсуждались отношения с герцогом Нейбурга, в частности, вопрос несправедливого распределения юлих-клевского наследства. Неприятными для курфюрста стали жалобы клеветских сословий Генеральным штатам на действия Норпрата. Наместник перевел войска в Клеве на самообеспечение, то есть их содержание осуществлялось за счет местного населения. Принятие решения о выделении денежных средств без согласия сословий нарушало их права и привилегии. Несмотря на это, Фридрих Вильгельм считал необходимым сохранять войска в Клеве ⁴².

Была предпринята попытка договориться с сословиями Юлиха и Берга, у которых также были сложные отношения со своим сувереном. Переговоры представителей клевет-маркских и юлих-бергских сословий могли бы содействовать разрешению спора с Нейбургом. Курфюрст был недоволен действиями клеветского правительства, которое через юлих-бергские сословия пыталось наладить контакты с пфальцграфом. 1 мая 1646 г. курфюрст выступил с обращением к сословиям Юлиха и Берга. В нем он еще раз подчеркнул несостоятельность соглашения 1629 года. Фридрих Вильгельм указал, что ему удалось достичь взаимопонимания с пфальцграфом Нейбурга о необходимости раздела владений в Юлих-Клеве на условиях Ксантенского договора. Курфюрст выражал доверие сословиям, обещал соблюдать их привилегии и свободу вероисповедания. Однако надежды на союз с ними оказались необоснованными. В конце сентября 1646 г. сословия Юлиха и Берга дали ответ курфюрсту, извинившись за задержку из-за постоянной опасности войны и длительной невозможности встретиться коллегиально. Они не собирались вмешиваться в бранденбургско-нейбургский спор и считали, что соглашение 1629 г. не должно меняться ⁴³.

В начале 1646 г. между сторонами спора развернулась интенсивная переписка. Вольфганг Вильгельм подтверждал готовность к новым переговорам, но на основе соглашения 1629 года. Он считал предложения Бранденбурга несерьезными. Предлагая оставить совместное управление графством Равенсберг, пфальцграф обещал представлять отчет об используемых доходах с выплатой подходящей компенсации курфюрсту. В ответном письме Норпрат обосновывал позицию курфюрста не обращать внимание на соглашение 1629 г., а «...размышлять глубже...» Вольфганг Вильгельм лавировал, давая понять Норпрату, что готов к выплате 176 тыс. рейхсталеров, а с учетом прошлой задолженности — 600 тысяч. Однако, как справедливо отмечал бранденбургский представитель, сословия не были в состоянии это сделать. По мнению пфальцграфа, деятельность Норпрата тормозила заключение соглашения из-за его враждебности к Нейбургу. Вольфганг Вильгельм писал, что готов вести переговоры непосредственно с Фридрихом Вильгельмом. Пфальцграф предлагал курфюрсту встре-

таться со своим тайным советником Вешпфеннингом, который направлялся на свадебное торжество в Польшу по случаю бракосочетания Филиппа Вильгельма с польской принцессой ⁴⁴. В июле 1646 г. нейбургский посланник действительно встретился с Фридрихом Вильгельмом в Берлине ⁴⁵. Но, ни к каким серьезным сдвигам эта встреча не привела.

Дискуссия с Вольфгангом Вильгельмом вскоре превратилась в «войну перьев». Обеими сторонами печатались пропагандистские листовки. Советники курфюрста в Берлине разработали свои критические замечания по предложениям пфальцграфа, на основе которых были подготовлены брошюра и листовка. В середине февраля 1646 г. напечатанные в Кенигсберге экземпляры отправились в Клеве, Оснабрюк, Мюнстер и т.д. Был напечатан также голландский перевод брошюры ⁴⁶.

В начале мая 1646 г. Фридрих Вильгельм решил еще раз попробовать договориться с пфальцграфом о пересмотре соглашения 1629 года. По его мнению, эти переговоры не должны были носить общеимперского характера. Курфюрст принимал посредничество Генеральных штатов. Другие же посредники не должны были допускаться, как, например, Саксония, которая в свое время претендовала на юлих-клевское наследство. Графство Равенсберг, владение Равенштейн наряду с Клеве и Маркой, а также лены в Брабанте и Фландрии должны были перейти Бранденбургу согласно ст. 7 Ксантенского соглашения 1614 года. Религиозное положение должно было быть зафиксировано по ситуации на 1609 г., когда умер герцог Юлих-Клеве ⁴⁷.

Фридрих Вильгельм предоставил полномочия клевающим советникам на ведение переговоров, пообещав лично прибыть в Клеве. Вольфгангу Вильгельму было предложено прислать своего комиссара на конференцию в Дуйсбург к 6 июня. Но лишь в июле 1646 г. пфальцграф назначил Вешпфеннинга своим представителем на переговорах. Нейбургский посланник должен был настаивать на сохранении временного соглашения, в частности, совместном управлении графством Равенсберг и сеньорией Равенштейн и на отсрочке выплаты возмещения на неопределенное время. В сентябре 1646 г. Вольфганг Вильгельм просил клевающее правительство отложить заключение нового договора, так как его советники были заняты переговорами о пфальцском вопросе на Вестфальском мирном конгрессе ⁴⁸.

Фридрих Вильгельм серьезно рассчитывал на союз с Генеральными штатами. На заседании тайного совета Конрад Бургдорф вызвался ехать посланником в Гаагу для его заключения. Только один Гётц говорил об осторожности. На этом заседании курфюрст официально сообщил о своем намерении сочетаться браком с дочерью принца Оранского Луизой Генриеттой ⁴⁹.

В начале ноября 1646 г. Фридрих Вильгельм перебрался в Клеве, чтобы поддерживать надежную связь со своими посланниками в Оснабрюке и Мюнстере. Кроме того, он хотел лично разобраться с местными сословиями по вопросу содержания бранденбургских войск и с бесконечно тянущейся Дуйсбургской конференцией. Прибыв в Дуйсбург, 12 ноября курфюрст направил Вольфгангу Вильгельму в Дюссельдорф послание, в котором упрекал его за тактику проволочек и требовал ясного ответа на требования Бранденбурга. В противном

случае, писал Фридрих Вильгельм, дело дойдет до неприятных последствий, намекая на силовое разрешение конфликта. Это было нечто вроде ультиматума. В ответном обращении от 15 ноября пфальцграф настаивал на сохранении соглашения 1629 г., подтверждавшего юридическую силу Ксантенского договора. В то же время он не отказывался от переговоров ⁵⁰.

Тогда курфюрст напечатал в качестве манифеста письмо от 8 декабря 1645 г., в котором доказывал свои права на спорные территории и жаловался на увертки противника. Это было почти объявлением войны. Норпрат советовал Фридриху Вильгельму сразу ее начать, чтобы занять, по крайней мере, нейбургские амтства ⁵¹ графства Равенсберг и поднять там налоги в пользу курфюршеской казны. То есть это мероприятие рекомендовалось также и из финансовых соображений, так как средства на содержание войск закончились. Напрасно Вольфганг Вильгельм через своего советника Вешпфенненга выдвигал новые предложения в виде передачи Равенсбергского амтства и денежной компенсации. Фридрих Вильгельм не довольствовался этим и требовал полного пересмотра соглашения 1629 года. Стало ясно, что переговоры в Дуйсбурге потерпели провал ⁵².

Курфюрст сначала провел дипломатическую подготовку своей военной операции. Связанный родственными узами со статхаудером Фридрих Вильгельм надеялся на помощь Нидерландов. Он находился в Гааге, когда отдал приказ армии о выступлении. 15 ноября бранденбургские войска под командованием полковника Г.Э. Бургдорфа численностью всего 1800 чел. вступили в герцогство Берг для оказания силового давления на Нейбург. Фридрих Вильгельм обещал не причинять местным жителям неприятности и, по возможности, избегать военных столкновений. 17 ноября 1646 г. Вольфганг Вильгельм выразил протест по поводу вступления бранденбургских войск. В своем ответе курфюрст 18 ноября рекомендовал искать причины произошедшего в своих ранних письмах ⁵³.

Итоги этой операции не были, однако, столь многообещающими. По мнению историка Петерсдорфа, этот поход был обречен на неудачу. Ожидаемая от Нидерландов помощь не поступила. Бургдорф в середине декабря 1646 г. дал команду отходить. Конец этой акции, предпринятой под влиянием «безрассудно смелого» Конрада Бургдорфа, был ознаменован новым временным соглашением с пфальцграфом, которое было заключено 8 апреля 1647 г. снова в Дюссельдорфе. Фридрих Вильгельм получал в полное владение графство Равенсберг и согласие на более справедливое обращение с протестантами в Юлих-Берге. Тем не менее, дурное впечатление в международных кругах от агрессивных действий курфюрста перевешивало эти маленькие дипломатические успехи. Новое соглашение не привело и к разрешению всех имевшихся противоречий ⁵⁴.

Примечания

1. KOZMANOVÁ I. Kurfiřt Fridrich Vilém Braniborský a klevsko-marské stavy v letech 1640—1654. Stavy jako aktéři mezinárodní politiky a panovnický «minimální program» po třicetileté válce. Diplomová práce (Ph.Dr). Praha. 2007, s. 41; CLARK C. Preussen:

- Aufstieg und Niedergang 1600—1947. München. 2007, S. 66; OPGENOORTH E. Friedrich Wilhelm, der Grosse Kurfürst von Brandenburg. Bd. 1. Göttingen. 1971, S. 138.
2. ПРОКОПЬЕВ В.П. Армия и государство в истории Германии X—XX вв.: историко-правовой очерк. Л. 1982, с. 56; Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618—1648) в событиях и коллективной памяти Европы. М. 2015, с. 129; CLARK С. Op. cit., S. 66.
 3. KOZMANOVÁ I. Op. cit., s. 41, 46—47; HAHN P.-M. Dynastische Selbstdarstellung und Militärmacht. Kriegerische Symbolik als höfische Zeichensprache in Brandenburg-Preussen im 17. Jahrhundert. In: Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die Aussereuropäische Welt. München. 2001, S. 117.
 4. Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Bd. 4. Berlin. 1867, S. 167.
 5. KOSER R. Geschichte der brandenburgisch-preussischen politik. Bd. 1. Stuttgart-Berlin. 1913, S. 495; Protokolle und Relationen des brandenburgischen geheimen Rates aus der Zeit des Kurfürsten Friedrich Wilhelm. Bd. 2. Leipzig. 1893, S. 500—501; KOZMANOVÁ I. Op. cit., s. 48.
 6. KOSER R. Op. cit., S. 496; Protokolle und Relationen..., Bd. 2, S. 502—503.
 7. Ibid., S. 501.
 8. Ibid., S. 500, 502; БЕСПАЛОВ А.В., ИВОНИНА Л.И., ИВОНИН Ю.Е. Армии и сражения войны за испанское наследство (1701—1714). М. 2014, с. 161—162.
 9. KOSER R. Op. cit., S. 495—496; HINTZE O. Die Hohenzollern und ihr Werk. 500 Jahre vaterlandischer Geschichte. Berlin. 1915, S. 183; OPGENOORTH E. Op. cit., S. 140.
 10. Protokolle und Relationen..., Bd. 2, S. 503; OPGENOORTH E. Op. cit., S. 140; Urkunden und Aktenstücke..., S. 171—172.
 11. KOZMANOVÁ I. Op. cit., s. 44; HINTZE O. Op. cit., S. 183.
 12. WADDINGTON A. Le grand électeur Frédéric Guillaume de Brandebourg. Sa politique extérieure. 1640—1688. T. 1. Paris. 1905, p. 120, 152; OPGENOORTH E. Op. cit., S. 138—139; SCHAUMBURG E. Die Begründung der Brandenburg-Preussischen Herrschaft am Niederrhein und in Westfalen oder der Jülich-Clevische Erbfolgestreit. Wesel. 1859, S. 215; MOERNER T. Kurbrandenburgs Staatsverträge von 1601 bis 1700. Berlin. 1867, S. 135.
 13. WADDINGTON A. Op. cit., p. 152; Urkunden und Aktenstücke..., S. 190; Protokolle und Relationen des brandenburgischen geheimen Rates aus der Zeit des Kurfürsten Friedrich Wilhelm. Bd. 3. Leipzig. 1893, S. 160.
 14. Письмо Вольфганга Вильгельма графу Геннину. 4 марта 1644 года. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 971, авт. 9/2, № 51, л. 101.
 15. Долг Хёфизера (голландский долг) образовался при курфюрсте Георге Вильгельме, который взял кредит на крайне невыгодных условиях у П. Хёфизера. В результате бранденбургская часть герцогства Юлих-Клеве была заложена голландцам. Молодой курфюрст Фридрих Вильгельм отказался признавать этот долг.
 16. Protokolle und Relationen..., Bd. 2, S. 434; SCHAUMBURG E. Op. cit., S. 215; KOZMANOVÁ I. Op. cit., s. 48.
 17. SCHAUMBURG E. Op. cit., S. 215; KOZMANOVÁ I. Op. cit., s. 47—48.
 18. OPGENOORTH E. Op. cit., S. 140.
 19. Urkunden und Aktenstücke..., S. 167—171.
 20. PHILIPPSON M. Der Grosse Kurfürst Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Bd. 1. Berlin. 1897, S. 77; Protokolle und Relationen..., Bd. 2, S. 434.
 21. Письмо Филиппа Вильгельма. 12 февраля 1644 года. ОР РНБ, ф. 971, авт. 9/2, № 51, л. 104.
 22. Protokolle und Relationen..., Bd. 2, S. 446; Protokolle und Relationen... Bd. 3, S. 513, 515.
 23. OPGENOORTH E. Op. cit., S. 141; Protokolle und Relationen..., Bd. 2, S. 446; PHILIPPSON M. Op. cit., S. 77; Urkunden und Aktenstücke..., S. 177—179; WADDINGTON A. Op. cit., p. 152.
 24. Protokolle und Relationen..., Bd. 3, S. 286, 336.
 25. Письмо Вольфганга Вильгельма графу Геннину. 12 апреля 1644 г. — ОР РНБ, ф. 971, авт. 9/2, № 52, л. 107.
 26. Protokolle und Relationen..., Bd. 3, S. 286; Urkunden und Aktenstücke..., S. 174.
 27. Protokolle und Relationen..., Bd. 2, S. 479—480.

28. Urkunden und Aktenstücke..., S. 218.
29. WADDINGTON A. Op. cit., p. 152; OPGENOORTH E. Op. cit., S. 141.
30. Urkunden und Aktenstücke..., S. 180—181.
31. OPGENOORTH E. Op. cit., S. 140—141; Urkunden und Aktenstücke..., S. 182—187; PHILIPPSON M. Op. cit., S. 78.
32. Protokolle und Relationen..., Bd. 3, S. 280—283.
33. Ibid., S. 284—285, 348.
34. Urkunden und Aktenstücke..., S. 188—189, 191.
35. Ibid., S. 192—193, 202; OPGENOORTH E. Op. cit., S. 141; PHILIPPSON M. Op. cit., S. 77—78.
36. Protokolle und Relationen..., Bd. 3, S. 154, 485.
37. Urkunden und Aktenstücke..., S. 172, 192, 194—196, 201; PHILIPPSON M. Op. cit., S. 78; OPGENOORTH E. Op. cit., S. 141—142.
38. Urkunden und Aktenstücke..., S. 172—173, 175, 187—188, 200—201.
39. Ibid., S. 198—200, 203—204.
40. Ibid., S. 203; OPGENOORTH E. Op. cit., S. 161.
41. Urkunden und Aktenstücke..., S. 179; SCHAUMBURG E. Op. cit., S. 216; Protokolle und Relationen..., Bd. 3, S. 345.
42. Urkunden und Aktenstücke..., S. 206; Protokolle und Relationen..., Bd. 3, S. 160; AITZEMA L. Saken van Staet en Oorlogh in ende omtrent de vereenigde Nederlanden. Graven-Haghe. 1669, p. 106.
43. OPGENOORTH E. Op. cit., S. 142; Urkunden und Aktenstücke..., S. 190—191, 206, 214—215, 219.
44. Ibid., S. 207—210, 212—213.
45. OPGENOORTH E. Op. cit., S. 160.
46. Ibid., S. 142; Urkunden und Aktenstücke..., S. 207—208.
47. Ibid., S. 212, 215—216; Protokolle und Relationen..., Bd. 3, S. 513. В 1609 г. умер Иоганн Вильгельм, последний герцог Юлих-Клеве. В 1613 г. оба наследника перешли в новую веру: Вольфганг Вильгельм — в католицизм, а курфюрст Бранденбурга Иоганн Сигизмунд — в кальвинизм.
48. Urkunden und Aktenstücke..., S. 217—218.
49. SPANNAGEL K. Konrad von Burgsdorff. Berlin. 1903, S. 272—273.
50. OPGENOORTH E. Op. cit., S. 160; Urkunden und Aktenstücke..., S. 219—221; WADDINGTON A. Op. cit., p. 152.
51. Амство — административно-территориальная единица в Германии.
52. PHILIPPSON M. Op. cit., S. 77, 79; WADDINGTON A. Op. cit., p. 152.
53. SPANNAGEL K. Op. cit., S. 274; PHILIPPSON M. Op. cit., S. 79—80; Urkunden und Aktenstücke..., S. 221—222.
54. PETERSDORF H. Der Grosse Kurfürst. Leipzig. 1939, S. 22—23.

Еще раз о пределах Азербайджана в IX—X вв.

Н.М. Велиханлы

Аннотация. В работе на основе средневековых арабских и других источников исследуются проблемы определения исторических границ Азербайджана, ставших вновь предметом обсуждения в научной литературе. Автор показывает несостоятельность точки зрения некоторых исследователей о том, что арабские авторы использовали административно-политический термин «Азербайджан» применительно лишь к Южному (Иранскому) Азербайджану. В исследовании также подтверждается факт принадлежности земель севернее Аракса (современной Азербайджанской Республики) не «Персармении, Пайтакарану, Васпуракану» с якобы автохтонным армянским населением, а Аррану, называемому в источниках также Азербайджаном Верхним (Северным) или просто Азербайджаном.

Ключевые слова: Арабский вилайет, Азербайджан, Арминийа, Арабская провинция (кура) Арран, Арабская провинция (кура) Армения — ал-Арман.

Abstract. This article is based on the analysis of medieval Arabic sources, attracting other sources of the same chronological time frame examining issues on definition historical boundaries of Azerbaijan which was again subject of a thorough debate in the academic literature. The author demonstrates in a very convincing way the lack of any scientific basis for claims of some researchers, who considered that, firstly, administrative and political term of “Azerbaijan” allegedly applied only to the South Azerbaijan (on the region of Iran) by Arabic authors and secondly, confirms the fact that territory located to the north of river Araxes (the territory of present-day Republic of Azerbaijan) does not belong to Persarmenia, Paytakaran and Vaspurakan with allegedly autochthonous armenian residents, but belongs to Arran province, which is also named in the sources as the Upper Azerbaijan (Northern) or just Azerbaijan.

Key words: Arabic wilayat Azerbaijan, Arabic wilayat Arminiyya, Arabic province (Kura) Arran, Arabic province (Kura) al-Arman (Armenia).

Начиная с IX в., с ослаблением политической власти Арабского Халифата на местах, начали происходить серьезные изменения и в административно-управленческой системе подвластных центру южнокавказских владений: сошло на нет общее административно-территори-

Велиханлы Наиля Мамедали гызы — академик Национальной академии наук Азербайджана, директор Национального музея истории Азербайджана. E-mail: aztarmuzey@azhistorymuseum.az.

Velikhanly Nailia M. — academician at the Azerbaijan National Academy of Sciences, director of the National Museum of the Azerbaijan History. E-mail: aztarmuzey@azhistorymuseum.az.

альное название «Арминийа», данное оккупационными властями этим странам ¹. Военные действия, начатые арабами с укрепившей в это время свои позиции Византией, также намного ослабили власть Халифата на данных территориях, делая ее почти номинальной. Даже образование единой кавказской провинции, в составе которой были объединены северные халифатские области, не смогло изменить сложившуюся в то время управленческую систему в регионе. Местные землевладельцы, хотя внешне подчинялись центральным властям и в первое время даже платили им определенную дань, внутри своих владений все еще сохраняли власть и привилегии. Видимо, именно поэтому арабские авторы, посетившие регион в X в., старались более или менее определенно говорить о пределах каждой из северных провинций Халифата в отдельности, добавляя к своим сообщениям сведения об их городах и других населенных пунктах.

Создание уже во второй половине IX в. (начиная с 860-х гг.) коренными или укоренившимися за долгое время проживания в регионе и смешения с местным населением пришлыми владельцами новых государственных образований привело к появлению в этих странах административно-управленческой системы, соответствовавшей их политической власти.

Однако следует заметить, что, несмотря на фактическое упразднение в это время искусственно образованного после оккупации арабского административного названия «Арминийа», в некоторых источниках того периода, авторами которых являлись Ибн Хордадбех, ал-Балазури, Ибн ал-Факих и другие, реальная историческая география региона оставалась вне зоны их личного внимания. Этому способствовала и получаемая учеными полная противоположных версий информация, бывшая по ряду объективных (иной раз и субъективных) причин неоднозначной.

Исследования показывают, что в зависимости от происходивших политических преобразований, в изучаемое время часто менялась и административная система стран региона. Тем не менее, вышеуказанные арабские авторы IX в., в основном ссылавшиеся на устные свидетельства местных жителей или книжный материал, в большинстве своем не сумели передать реальную административно-управленческую обстановку региона того времени и оставили записи, иной раз сильно страдающие анахронизмом. Так, арабский вилайет Арминийа, в состав которого, начиная с VIII в., кроме собственно Армении (ал-Арман) входили и другие южнокавказские страны, включая Албанию — Арран, якобы, продолжал свое существование (правда, лишь на бумаге). А ведь именно в это время на политической карте Южного Кавказа уже имелись новообразованное государство Ширваншахов, а также Дербентский эмират, территории которых охватывали всю левобережную часть арабской провинции Арран.

Скорее политический в своем значении термин «Закавказье», официально сложившийся в первой половине XIX в. после завоевания Россией Кавказа и применяемый также к территориям бывших азербайджанских северных ханств, в постсоветский период был заменен географическим термином «Южный Кавказ», в пределах которого были расположены независимые государства Азербайджан, Грузия и Армения. Следует заметить, что в изучаемый раннесредневековый

период, когда все эти страны оказались во власти арабов, в административном отношении они были включены в состав северных провинций Арабского Халифата под названием «вилайет Азербайджан» и «вилайет Арминийа». Последний охватывал все земли, завоеванные арабами на территории Кавказа, а именно: территории так называемой Персидской или Восточной Армении, Аррана —Албании, Джурзана — Восточной Грузии, а также часть земель, населенных дагестанскими народами.

Отметим, что доктор исторических наук А.К. Шагинян в своих исследованиях, посвященных раннесредневековой географии региона ², пишет, что в географические, а также политические пределы Закавказья —Южного Кавказа была включена территория северо-восточных окраин так называемого Армянского нагорья (этот термин появился позже, чем термин «Закавказье», его в 1843 г. впервые использовал немецкий геолог русского происхождения Г. Абих). Согласно его представлению, Армянское нагорье, продвинувшись вглубь Южного Кавказа, включало в себя не только нынешнюю Армянскую Республику, но и территории всего Нахчывана и Карабаха. Наряду с этим, выдвигается мнение, согласно которому, в пределах этого нагорья находились исторические области формирования армянского народа. Видимо, именно поэтому азербайджанские Нахчыван и Карабах, до того территориально относимые к Южному Кавказу (или русскому Закавказью), причисляются к Армянскому Нагорью (раньше Восточный, Армянский Тавр или Армянское Нагорье), бывшему продолжением Таврских (Торос) южных прибрежных гор в современной Турецкой Республике.

Начиная с X в., арабские авторы, посещавшие регион в различные годы этого столетия и бравшие за основу, в большинстве своем, лично увиденное, а в некоторых случаях также и услышанное «от человека», как выразился ал-Йакуби, «которому он доверял» ³, стремились изобразить более-менее реальную картину административно-территориального устройства южнокавказских областей Халифата, в том числе и исторического Азербайджана. Написанное, иной раз, дополнялось и картами, как это было сделано ал-Истахри и Ибн Хаукалом ⁴. Именно эти авторы при сообщении об Азербайджане, Армении и Арране уже объединяли их в «едином климате» (в значении страна, область), называя «владением, находящимся в подчинении одного человека» ⁵. Другой известный арабский автор ал-Мукаддаси, побывавший в регионе через несколько лет после них, назвал этот «единый климат» ар-Рихабом (по-арабски «просторная местность») «со многими фруктами и виноградом», «обилием разных благ», «дешевыми ценами» и «красивой природой» ⁶.

В этих, а также других арабских источниках конца IX—X в. имеются, как мы отметили выше, и сведения о пределах упомянутых областей в отдельности. Так, ал-Йакуби, писавший в конце IX в. и, по его же словам, проживший некоторое время в Арминийи (конкретное место не указывается), где в последний год правления халифа ал-Мансура (775 г.) наместничал его прадед Вадих ⁷, упоминая о дороге, ведущей в Азербайджан, сообщал, что выехавший из Занджана мог по дороге Ардабил — Барзанд — Бейлаган доехать до Барды — главного «города Верхнего Азербайджана (Азербайджан ал-уля)» ⁸.

В этом сообщении привлекает внимание не только путь, по которому должны были следовать желавшие попасть в страну, но и географический термин «Верхний Азербайджан», который ал-Йакуби, как человек, хорошо знавший эти места, использовал для обозначения арабской провинции Арран с городом Барда. То же самое мы встречаем и у писавшего примерно в конце 20-х гг. X в. другого арабского автора — Кудамы ибн Джафара, который также включал Барду в пределы провинции Азербайджан⁹. Интересно, что уже спустя два столетия известный географ-путешественник, энциклопедист Йакут в своей статье, посвященной этому городу, в котором, судя по его сообщениям, он не бывал, и поэтому ссылается на знаменитого историка Хилала ас-Саби (ум. 1056 г.), упоминает о Барде как основном городе (касаба) Азербайджана. Он же приводит и другое сообщение о том, что «Барда — основной город Аррана, конечный предел Азербайджана»¹⁰.

И на самом деле, писавший в начале X в. Ибн ал-Факих, пользовавшийся, в основном, компилятивным, а иной раз еще и анахроническим материалом, сообщал о пределах провинции Азербайджан, которая тянулась от Занджана на юге до Барды на севере; но, наряду с этим, он также считал город Варсан, расположенный на правом берегу Аракса, намного юго-восточнее Барды, конечным пределом Азербайджана¹¹. По словам ал-Истахри, его последователя, границы Азербайджана тянутся до «гор за Тармом и до пределов Занджана», оттуда граница переходит «за Динавар, затем, окружая Хулван, достигает Шахразур, дальше тянется до реки Диджла (Тигр) и наконец достигает пределов Армении»¹².

Сравнение сведений вышеназванных арабских авторов с реалиями аналогичного времени показывает, что объединение Азербайджана, Аррана и Армении под единым географическим названием как у ал-Мукаддаси, или же просто в одном административно-политическом объединении как у ал-Истахри и Ибн Хаукала было связано с образованием азербайджанского Саджидского, а затем и Саларидского государств, первое из которых именно в конце IX в. смогло воссоединить земли исторического Азербайджана в пределах единого государства.

Следует отметить, что еще в первой половине VIII в., когда арабская администрация объединяла Армению и Арран — Албанию вместе с остальными южнокавказскими территориями в одном едином наместничестве с названием Арминия, известные арабские историки ат-Табари и ал-Куфи часто называли территорию арабской провинции Арран также Азербайджаном. Именно так — Азербайджан — Адурбадаган — называлась доарабская сасанидская территория всего Северного «куста» (наместничества) вместе с Албанией и Атропатеной¹³. Этот факт подтверждается и сообщением о Восточном Кавказе, приводимым из персидской переработки труда ат-Табари и принадлежащим Балами: «Все города, расположенные внутри этой области, называются Азербайджаном, а все дороги (проходы-рах) абвабами. В конце (то есть на границе. — *примечание автора перевода проф. А. Шихсаидова*) Азербайджана имеются дороги, ведущие оттуда в сторону хазар... через дорогу, которую называют Дербентом. Имеется [еще] другой проход (рах) и большой город, который называется Хазар (то есть Кабала — *Н.В.*)...»¹⁴ Эта же ситуация отмечается и на известной карте Ибн Хаукала¹⁵, изображающей Хазарское (Каспийское) море, на ко-

торой вся прибрежная территория от Гилана (Джилана) на юге до Дербента (Баб ал-Абваба) на севере включительно называется Азербайджан.

Таким образом, очевидна неоднозначность ряда сведений арабских авторов X в., которые, по всей вероятности, из-за имевшихся у них различных версий, нередко предлагали читателю абсолютно противоположные. Любопытен в этом отношении тезис А.К. Шагиняна¹⁶, согласно которому, в условиях арабской власти и «в последующие столетия» Арран (Албания), входивший в состав вилайета Арминийа, «ничего общего в административном отношении с Азербайджаном не имел». Этот вывод он считал «еще одним установленным фактом в научной историографии». Любопытно, что этот «установленный», по мнению Шагиняна, «факт» противоречит его же высказыванию об одновременно управлявших «и Арминией (то есть и Арраном. — *Н.В.*), и Азербайджаном, и ал-Джазирой» арабских наместниках при Омеййадах. Ибо, по его же словам, «... наместничество Севера (в составе которого были и Азербайджан, и Арран, и Армения. — *Н.В.*) при Умаййадах представляло собой административно-политическую единицу с определенными границами и устойчивым составом»¹⁷. Исходя из всего этого, очевидно, что административный раздел исторических земель Азербайджана после арабского завоевания на две провинции — Арран в составе Арминийи и Азербайджан — привел к их отдельному описанию арабскими авторами. Именно поэтому ал-Йакуби, называвший Арран Верхним Азербайджаном, говорил о линии раздела этих провинций, проходящей по Араксу. В этом отношении интересны и слова ал-Масуди, согласно которым «река Аррас течет между владением Бабека в Азербайджане ал-Баззайном и горами Абу Муса (Карабахские горы. — *Н.В.*), принадлежащими Аррану»¹⁸. По ал-Мукаддаси¹⁹, река ар-Рас течет вдоль пределов Аррана. По Йакуту²⁰, «реку, протекающую между [провинциями] Азербайджан и Арран, называют ар-Рас. Места, окружающие ее со стороны магриб (запад) и север, принадлежат Аррану, а те, которые со стороны машрик (восток) — Азербайджану» и т.п.

Стоит отметить, что профессор Шагинян, написавший специальную статью о северных районах и границах раннесредневекового Азербайджана по армянским и арабским источникам²¹, почему-то пренебрегает сведениями тех арабских авторов, которые объединяли северные и южные земли страны под общим названием Азербайджан. Полагая под арабским Азербайджаном только территорию южнее Аракса, он считает, что к северу от него и в период арабского господства находились «великоармянские» области Персармения, Пайтакаран и три восточных гавара Васпуракана²², расположенные к югу от среднего Аракса²³. Интересно, что в своих сведениях о населении Албании того периода он опять не берет в расчет сообщения хорошо ему известных арабских авторов, считая, что на левобережье в основном жили восточнокавказские племена, а на правобережье — индоевропейские армяне. Выходит, что почти вся территория севернее реки Аракс, то есть куро-араксинское междуречье, в изучаемый период было заселено армянами²⁴. Для подтверждения этой мысли Шагинян приводит ряд неудачных, по нашему мнению, цитат из арабских источников. По его словам²⁵, сведение ал-Куфи о

завоевании Марваном ибн Мухаммадом земель Азербайджана «проливает свет на этническую картину этих районов»; при этом он приводит цитату, вырванную из контекста сообщения этого арабского автора, читая которую можно и на самом деле согласиться с его мнением («... завоевал весь Азербайджан, земли, на которых жили армяне...») ²⁶. А в тексте так: «После этого он отправился дальше и вскоре достиг Барды. Он завоевал весь Азербайджан, земли, на которых жили армяне, и еще многие другие земли».

Сравнительный анализ сведений арабских авторов, основанных на политико-административном положении в отдельные периоды, показывает чуть ли не полное соответствие границ арабской провинции Арран, охватывающих территории от Иберии и Дербенда на севере до реки Аракс на юге, с границами доарабской Албании.

Это подтверждается и сообщением Моисея Каланкатуйского о подчинении страны ишханом (ичханом) Варазом Тиридатом, пришедшим к власти в конце VII в. после смерти князя Джаваншира, в прежних ее границах, то есть, «в пределах границ» Албании, начиная от границ Иберии до Гуннских ворот (в Дербенте) и реки Аракс ²⁷.

Согласно другому сообщению Моисея Каланкатуйского, выражаясь словами «в пределах границ», он имел в виду Албанскую страну, охватывавшую территорию от реки Аракс до крепости Хунан, которую, по его словам, предки оставили в наследство Арану ²⁸. Арабские авторы добавляли к этой территории только Тифлис с его окрестностями, находившийся под мусульманским управлением в 644—1122 годах. Отметим, что авторами X в. именно Тифлис считался одним из трех основных городов арабской провинции Арран наряду с Бардой и Баб ал-Абвабом — Дербентом.

Исследования показывают, что происходившие в регионе в этот сложный период политические преобразования приводили к появлению в некоторых источниках противоречащих ошибочных сведений, которые опровергались не только самими же авторами и их последователями, но и реалиями тех времен. В этом отношении привлекают внимание сообщения двух известных авторов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукала, которые, упоминая о пределах провинций Арран и Арминийа (в данном случае Армения — ал-Арман), противоречат каждый в отдельности даже себе самому. Так, согласно первому сведению ал-Истахри о пределах Аррана, на севере они тянутся от Баб ал-Абваба — Дербента к Тифлису и оттуда до местности Нахчыван, около реки Аракс на юге ²⁹. А, согласно второму, противоречащему его первому сообщению, данному в известиях о пределах Армении, на востоке они доходили до Барды, а на западе — до ал-Джазиры и Азербайджана [южного] ³⁰. Он же, упоминая о Барда-Дабилском тракте, вокруг которого в те времена, безусловно, еще проживало и христианское албанское население, пишет о принадлежности этой дороги и охватываемой ее территории владениям Багратида Сумбата ибн Ашота ³¹.

Последователь ал-Истахри, его преемник Ибн Хаукал, откорректировавший, по просьбе первого, некоторые его сведения, к этому сообщению добавляет и свои слова о том, что все эти места были несправедливым образом захвачены азербайджанским Саджидским правителем Йусуфом, который «против воли Аллаха и его пророка» не только обложил владетелей этих мест подушной податью, но и от-

странил их от занимаемой должности ³². Здесь же стоит напомнить и соответствующую карту Ибн Хаукала, на которой он показывает, по его же словам, «картину Армении, Азербайджана и Аррана». Интересно, что если в тексте он и соглашается с сообщением ал-Истахри по данному вопросу, то своей картой опровергает и его, и свою версию о принадлежности земель вдоль Барда-Дабилского тракта Сумбату ³³. На этой карте автор старается пределы всех трех провинций изобразить в отдельности; четко указаны пределы Аррана: вдоль левого берега Аракса до его впадения в Каспий написано «Арран», а Армения помещена ниже Аракса, между ним и озером Хилат (Ван); то есть на Южном Кавказе Армения (Армения) не изображается.

Известно, что еще до описанных этими арабскими авторами событий, в 821 г., в Арсахе был убит последний представитель албанской царской династии Михранидов, государство которых прекратило свое существование еще в начале VIII века ³⁴. По Моисею Каланкатуйскому, уже через несколько лет потомок албанского царского рода Зармихр, владетель Шаки Сахл ибн Сумбат, подчинил весь Арран своей власти. Именно к этому времени относятся и сведения ал-Масуди о проживании на горах Абу Мусы (Карабахских горах) арранских племен ³⁵. У армянского историка Вардана ³⁶ имеются сведения, касающиеся пленения албанских князей Ктиша, Байлакана, Сюника, Хачына в начале 50-х гг. IX в. и их высылки вместе с армянскими князьями в Багдад ³⁷. Этот факт подтверждается и аналогичными сведениями Моисея Каланкатуйского ³⁸ и ал-Балазури ³⁹.

Однако, несмотря на все усилия, Халифат не смог сохранить свою полную власть в регионе, так же как и во многих других подвластных ему территориях. Известно, что в период его ослабления, в 861 г., правитель Ширвана Хайсам ибн Халид из арабской династии Мазиадидов-Шайбанидов, воспользовавшись после убийства халифа ал-Мутаваккала началом беспорядков в центре, провозгласил независимость Ширвана, приняв старый местный титул ширваншах. Одновременно его брат Йазид ибн Халид, овладев областью Лайзан, объявил себя лайзаншахом. В 917 г. его сын Абу Тахир, «воспользовавшись неурядицами в Ширване, напал на него, ... захватил Ширван и объявил себя ширваншахом» ⁴⁰. Эта династия продолжала владеть Ширваном вплоть до XVI века.

В 869 г. власть в Баб ал-Аббабе — Дербенте захватил представитель другой арабской династии Суламинов Хашим, предки которого с первой половины VIII в. играли важную роль в политической жизни Дербента, также объявив себя независимым. Таким образом, вся прикаспийская территория от Дербента до Куры, входившая в пределы арабской провинции Арран, была объединена в составе области Ширван; с конца XI в. она уже управлялась ширваншахами.

Ослабление арабской власти в регионе способствовало появлению на политической сцене в 886 (887) г. «благочестивого», по словам Моисея Каланкатуйского, местного албанского князя Григора Хамама, который «возобновил упраздненное царство Албанское, как Ашот Багратуни — армянское. Это совершилось одновременно» ⁴¹. По сообщению Асогика, это событие произошло «во дни греческого (византийского. — *Н.В.*) царя Василия и по его соизволению в 336 году армянского летоисчисления» ⁴². Из этого очевидно, что в прихо-

де к власти и Ашота Багратуни, и Григора Хамама византийский император Василий сыграл немаловажную роль.

Однако скорые успехи Саджидов на Южном Кавказе, в том числе Арране — Албании, не могли не затронуть положения Хамама, сумевшего распространить свою власть в основном, видимо, только на области Шаки ⁴³. «Скупые», по выражению академика З. Бунятова ⁴⁴, данные источников об этом албанском царе, сумевшем возродить утраченную в самом начале VIII в. албанскую государственность, являются помехой для уточнения времени его правления. Бунятов, не отрицающий причастность Хамама к местному албанскому роду Араншахи, не соглашается с предположением А. Крымского о том, что он был внуком Сахла ибн Сумбата ⁴⁵. В одном из источников ⁴⁶ Хамам называется «Великим князем Востока», в другом — албанским (ахванским) царем ⁴⁷.

Однако источники не сообщают, как долго царствовал Хамам. Но есть сведения об освобождении путем выкупа в 893 г. армянского католика Георга, посаженного в тюрьму наместником Азербайджана Мухаммедом Афшином ибн Абу-с-Саджем ⁴⁸. Следует отметить, что этот факт говорит не только о религиозных чувствах албанского правителя, которого Асогик представляет еще как известного теолога и лингвиста, подтверждается его авторитетность и наличие союзнических отношений с армянским царем. Источники называют также имена правивших после смерти Хамама его сыновей — правителя Шекинского меликства Атрнерсеха, именуемого ал-Масуди Адарнарсе бен Хамамом ⁴⁹, Сахака, называемого Савадой, затем его внука Ишханика с мусульманским именем Абу Абдалмалик и, наконец, сына последнего Сенекерима с христианским именем Иоханн, который назывался новым восстановителем албанского трона примерно в 60-е гг. X века ⁵⁰. Следует отметить, что Ибн Хаукал называет среди данников Саджидов, а затем Саларидов имена албанских князей — правителя Шаки Ишханика, правителя Барды Санхароба, известного под именем Ибн Савад, правителя Хачына Санхароба, правителя ас-Сисаджана (Сюника) Абу-л-Гасима ал-Вайзури ⁵¹.

Сопоставление материалов из местных и арабских источников дает нам возможность говорить о неподчинении «земель западнее Барды» армянским Багратидам, тем более в период правления Саджидов и Саларидов. Следует вспомнить слова того же Ибн Хаукала, который считал Арран, Азербайджан и Армению единой страной, поскольку ею владел один и тот же правитель. В числе этих правителей он называет всех представителей династий Саджидов и Саларидов ⁵². Очевидно, что часть населения этих земель, подвластная вышеназванным местным албанским правителям, которые, как известно, в то время являлись данниками азербайджанских правителей и исповедовали, так же как и армяне, христианство, в первое время находилась в сфере влияния Византии.

Профессор А.Н. Тер-Гевондян некоторые события, происходившие в этот период, оценивает немного иначе: по его словам, после расформирования арабской провинции Арминия на этой территории образовались две группы государств с мусульманским и христианским населением. Армения, Картли, Кахетия и Арран, согласно его словам, входили в сферу влияния Багратидского царства ⁵³, тогда

как, исходя из сведений источников, на самом деле армянские цари сами находились в сфере влияния Византии и заполучили власть, если верить Асогику, также при их благосклонности. Исходя из этого очевидно, что и в конце IX в. никто иной, как Византия и Халифат, являлись той влиятельной силой, от которой во многом зависели судьбы народов региона, в том числе албан и армян.

Еще в начале XX в. Н.А. Караулов, переведивший сведения по Кавказу из арабских географических источников IX—X вв. на русский язык, в своих примечаниях к тексту Ибн ал-Факиха объяснял именованное арабским автором всех кавказцев, в том числе албан, арманами (армянами) тем, что арабы, не обращая внимание на национальную принадлежность населения, проживавшего на периферии, знали их по названию территории, на которой они жили⁵⁴.

То, что албанские земли западнее Барды в этот период, как и раньше, принадлежали провинции Арран — Албании подтверждается сведениями, собранными ал-Мукаддаси, посетившего этот край и написавшего свой труд в 80-е гг. X века. Согласно ему, «Арран (ар-Ран), занимающий примерно одну треть климата (то есть ар-Рихаба. — *Н.В.*), как остров между озером ал-Хазар (Каспийским морем. — *Н.В.*) и рекой ар-Рас (Аракс. — *Н.В.*). Река ал-Малик (Кура. — *Н.В.*) разделяет его в длину. Столица — Барда»⁵⁵.

Ал-Балазури⁵⁶ и ал-Йакуби⁵⁷ в числе территорий, завоеванных и подчиненных арабами, называют древнеалбанскую область Шакашену, получившую свое название от древних саков⁵⁸ (у Йакута Шака — область в Арминии у берегов Куры, недалеко от Тифлиса). Эти же авторы в числе завоеванных арабскими войсками албанских-арранских областей называют ал-Мискуан (Мецкиенк, Мец Когманс), ал-Масиран (Мецаранс, Мецаранк), а также Уд (Утик), Хачын, ал-Хархилиан (Харджиланк), Камбиран (Камбисена) и другие, расположенные на большой территории, начиная от Хунана на левом берегу Куры, до реки Аракс включительно.

Таким образом, весь представленный выше материал, взятый из арабских источников, сравнение имеющихся в них сведений с аналогичными данными местных источников, доказывает несостоятельность выводов некоторых ученых о том, что, во-первых, административно-политический термин «Азербайджан» арабскими авторами относился только к Азербайджану, а во-вторых, подтверждает факт принадлежности земель севернее Аракса (современной Азербайджанской Республики) не «Персармении», с якобы «автохтонным армянским населением», а Аррану, называемому в источниках также Азербайджаном Верхним (то есть Северным) или просто Азербайджаном.

Примечания

1. Не следует путать название наместничества Арминия с топонимом Армения в собственном его значении.
2. ШАГИНЯН А. Раннесредневековая география Армении и Южного Кавказа. СПб. 2014, с. 5—9.
3. АЛ-ЙАКУБИ. Кутаб ал-булдан. ВГА. Лейден. 1897, т. 7, с. 232.
4. ИБН ХАУКАЛ. Китаб сурат ал-Ард. Там же, т. 2, с. 334.
5. Там же, с. 331; АЛ-ИСТАХРИ. Китаб масахик ал-мамалик. Там же, 1870, т. 1, с. 180.
6. АЛ-МУКАДДАСИ. Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим. Там же, 1876, т. 3.

7. ИБН АЛ-ФАКИХ. Мухтасар Китаб. Там же, 1880, т. 5, с. 290.
8. АЛ-ЙАКУБИ. Ук. соч., с. 271.
9. КУДАМА ИБН ДЖАФАР. Китаб ал-харадж ва санат ал-китаба. Там же, 1869, т. 6, с. 244.
10. ЙАКУТ АЛ-ХАМВИ. Муджан ал-булдан. Т. 1. Бейрут. 1977, с. 379.
11. ИБН АЛ-ФАКИХ. Ук. соч., с. 285.
12. АЛ-ИСТАХРИ. Ук. соч., с. 190.
13. Историческая география Азербайджана. Баку. 1987, с. 52—53.
14. ШИХСАИДОВ А.Р. Очерки истории, источниковедения, археологии средневекового Дагестана. Махачкала. 2008, с. 51.
15. ИБН ХАУКАЛ. Ук. соч., с. 75.
16. ШАГИНЯН А. Ук. соч., с. 199.
17. Там же, с. 192.
18. MASOUDI. Les Prairies d'or. Т. II. Paris. 1861—1877, p. 75.
19. АЛ-МУКАДДАСИ Ук. соч., с. 379.
20. ЙАКУТ. Муджам ал-булдан. Т. 1. Бейрут. 1915, с. 183.
21. ШАГИНЯН А.К. Северные границы раннесредневекового Азербайджана по армянским и арабо-мусульманским источникам. — Восток. 2013, № 3, с. 94—102.
22. Арабы, завоевавшие армянский Васпуракан, добавили к нему территории не только собственно армянские, но и соседних народов, и создали новую искусственно образованную единицу — арабский ал-Бусфурруджан с центром в Нашаве (Нахчыване).
23. ШАГИНЯН А.К. Северные границы раннесредневекового Азербайджана..., с. 101.
24. Там же.
25. Там же, с. 203.
26. Там же.
27. КАЛАКАНТУЙСКИЙ М. История Албании. Баку. 1993, с. 151.
28. Там же, с. 17.
29. АЛ-ИСТАРХИ. Ук. соч., с. 190.
30. Там же, с. 188.
31. Там же, с. 194.
32. АЛ-ХАУКАЛ. Ук. соч., с. 350.
33. Там же, с. 331—334.
34. ТЕР-ГЕВОНДЯН А.Н. Армения и Арабский Халифат. Ереван. 1974, с. 136, 195.
35. MASOUDI. Op. cit., t. II, p. 75.
36. ВАРДАН. Всеобщая история. М. 1861, с. 103.
37. БУНИЯТОВ З. Азербайджан в VII—IX вв. Т. 1 Баку. 1999, с. 213; АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 39.
38. КАЛАКАНТУЙСКИЙ М. Ук. соч., с. 198—199.
39. АЛ-БАЛАЗУРИ. Китаб футух ал-Булдан. Lugduni Batavorum. 1866, с. 212.
40. БУНИЯТОВ З. Ук. соч., с. 229 и др.
41. КАЛАКАНТУЙСКИЙ М. Ук. соч., с. 200.
42. Всеобщая история Степаноса Таронского Асокиха по прозвищу — писателя XI столетия. М. 1864, с. 106—107.
43. История Азербайджана. Т. 2. Баку. 1998, с. 325.
44. БУНИЯТОВ З. Ук. соч., с. 213—214.
45. КРЫМСКИЙ А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания). М.-Л. 1938, с. 374—375.
46. БУНИЯТОВ З. Ук. соч., с. 213.
47. Всеобщая история Степаноса Таронского Асох'ика по прозвищу — писателя XI столетия, с. 110.
48. Там же; КАЛАКАНТУЙСКИЙ М. Ук. соч., с. 200.
49. MASOUDI. Op. cit., t. II, p. 68.
50. История Азербайджана, т. 2, с. 322—329.
51. ИБН ХАУКАЛ. Ук. соч., с. 354—355.
52. Там же.
53. ТЕР-ГЕВОНДЯН А.Н. Ук. соч., с. 239.
54. КАРАУЛОВ Н.А. Сведения арабских географов IX—X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис. 1902, вып. 31, с. 55—56, прим. 57.
55. АЛ-МУККАДАСИ. Ук. соч., 374.
56. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 233.
57. АЛ-ЙАКУБИ. Тарих (История). Т. II. Лейден. 1883, с. 194.
58. ЙАКУТ. Ук. соч., т. III, с. 311.

Эфиопия: история сомали

Р.Н. Исмагилова

Аннотация. В работе анализируется сложная этнополитическая ситуация в штате Сомали в Эфиопии. Его история тесно связана с событиями на Африканском Роге. Введение системы этнического федерализма обострило отношения между многочисленными сомалийскими кланами. Один из них — огаден — много лет под руководством Национального фронта за освобождение Огадена вел борьбу за отделение от Эфиопии и создание вместе с соседними странами Великого Сомали.

Ключевые слова: Эфиопия, Африканский Рог, Огаден, национализм, самоопределение, этнический федерализм, сепаратизм, конфликты, кланы, сомали.

Abstract. The work analyses the extremely complicated ethno-political situation in Ethiopian Somali state. Its history is closely connected with the events in the Horn of Africa. The introduction of ethnic federalism in Ethiopia aggravated relations between numerous Somali clans. One of them — the Ogadeni — for a long time struggles under the leadership of the Ogaden National Liberation Front for the separation from Ethiopia and creation with its brothers from the Horn of Africa a Greater Somalia.

Key words: Ethiopia, The Horn of Africa, Ogaden, nationalism, self-determination, ethnic federalism, separatism, conflicts, clans, the Somali.

Конфликт на востоке Эфиопии — в Огадене, населенном народом сомали, продолжается более 50 лет. Эта территория была включена в состав Абиссинской империи в конце XIX в. в соответствии с колониальными договорами, подписанными Эфиопией, Италией и Великобританией. История Огадена включает имперский период, смягчившийся «социализмом» Хайле Менгисту Мариама, и современный этап, связанный с введением системы этнического федерализма.

Сомали и народы центрального Эфиопского нагорья (амхара, тиграй) — два совершенно разных мира по языку (кушиты и семиты), религии (мусульмане и христиане), экономике (скотоводы и земледельцы), политике (эгалитарные клановые сообщества и государство), менталитету, традициям, обычаям и нормам морали. Это всегда была периферия эфиопского (абиссинского) государства. По своим культурным традициям и всему комплексу, составляющему

Исмагилова Роза Нургуалиевна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: rozaismagilova@gmail.ru.

Ismagilova Roza N. — doctor of historical sciences, professor, chief researcher at the Institute for African Studies RAS. E-mail: rozaismagilova@gmail.ru.

понятие «идентичность», сомали скорее тяготеют к соседнему государству Сомали, чем к Эфиопии. Большое значение имеет и историческая память народа: сомали считают амхара завоевателями и колонизаторами. В 1993 г. был создан штат Сомали в составе прежней провинции Огаден, восточного Харарге и Бале. Он занимает огромную территорию 1,2 млн кв. км и является вторым по величине после Оромии.

В административном отношении штат разделен на 9 зон. Шинилле, Джиджиги, Либаан, Афдеер считаются стабильными; Вардеер (Вардхееп), Дегехабур, Коракхе (Каракхе), Года (Годей) и Фик являются ареной столкновений между Национальным фронтом освобождения Огадена (Ogaden National Liberation Front — ОНЛФ) и войсками федерального правительства ¹.

Общая численность населения штата Сомали составляет по переписи 2007 г. 4439 тыс. человек. Народ сомали насчитывают 4582 тыс. чел. (6,2% населения Эфиопии), из них в штате Сомали проживают 4315 тыс. чел. — 97,2% населения штата ². Всего же в штате насчитывается 85 этнических групп. Наиболее многочисленные из эфиопских народов — амхара — 29,5 тыс. (0,7%), оромо — 20,2 тыс. (0,5%), тиграй — 1,2 тыс. (0,03%).

Хотя сомали можно найти во всех штатах, но их число в них незначительно. Больше всего их в штате Оромия — 89,8 тыс., Харар — 7,1 тыс., Амхара — 5,7 тыс., Южном — 2,6 тыс. (данные переписи 2007 г.).

Сомали разделены государственными границами, и большинство их проживает за пределами Эфиопии в соседних странах Африканского Рога и в Кении.

На основании данных исторической лингвистики, ученые Г. Мердок, Дж. Гринберг, Х. Льюис и Х. Флеминг пришли к единому выводу, что родиной народов, говорящих на языках восточно-кушитской группы, являются южная Эфиопия и северная Кения ³.

Эфиопские народы сомали, оромо, афар, сахо и другие (всего 21) говорят на близких языках. Это дает основание Льюису прийти к следующему выводу: если признать, что все сомали и близкие к ним народы ведут свое происхождение из северного Сомали, то надо насчитать 21 миграцию. Если же признать, что их родиной был район, расположенный в южной Эфиопии — северной Кении, речь пойдет о миграции на северо-восток только трех народов: афар, сахо и сомали ⁴.

Первые письменные упоминания о сомали и галла (оромо) относятся к XIII в. и принадлежат арабскому географу Ибн Саиду. Он пишет, что г. Мерка около р. Шебели был столицей страны хавийя и состоял из 50 деревень (или дистриктов, или племен). Ныне здесь живет сомалийский клан хавийя. Другой арабский ученый, ал-Идриси, пишет, что Мерка был районом «хадийя» в XII веке. Скорее всего речь идет о хавийя ⁵.

Устная традиция сомали ничего не говорит о его этногенезе. Многие сомалийские семьи и кланы считают себя потомками пришлых арабских шейхов или святых, которые женились на сомалийских женщинах. Но в исторических преданиях подобных сведений нет ⁶.

Этнотерритории сомалийских семей кланов дир, исаак (ишак), хавийя, раханвейн невелики по размерам и сравнительно ограничены, что свидетельствует о том, что они живут здесь издавна. Что же касается дарод, то они широко расселились в результате недавних миграций.

У сомали существуют две ветви, различающиеся между собой по всем параметрам: собственно сомали (их предком был самали) и саб. Сомали — кочевники-скотоводы, живущие на большей части штата, саб — их потомки, некогда мигрировавшие на юго-запад, где в значительной степени благодаря смешанным бракам, они перемешались с банту и стали заниматься земледелием. У них другой язык, отличный от сомали, и другая социальная организация.

Сомали, сохранившие свой образ жизни и культуру, считают себя выше, и с презрением относятся к саб.

Сомали делятся на две больших группы: дарод и ирир. Каждая из них, в свою очередь, подразделяется на клановые семьи. Дарод превосходит ирир по численности. Они широко расселились по всему Африканскому Рогу и сильны политически.

В Эфиопии преобладают кланы семьи дарод. Наиболее многочисленным и влиятельным среди них является клан огаден. Представителей этого клана можно найти также в соседних странах — на юге Сомали и в северо-восточной провинции Кении. Клан огаден (со множеством субкланов) составляет почти половину населения штата. Из других кланов наиболее значительны исса, гарре, джидвак, ишак (исаак) и шейкхал.

Корни нынешнего конфликта кроются в экспансии Абиссинской (Эфиопской) империи во второй половине XIX века. Огаден традиционно рассматривался, как и другие периферийные районы, как буфер, отделяющий от европейского империализма и дающий возможности заниматься скотоводством. В XX в. к этому прибавился дополнительный интерес к его минеральным ресурсам и возможности создания крупных аграрных комплексов. Большинство хайлендеров — амхара, тиграй — считали народы периферии дикими, нецивилизованными, врагами своей культуры. Со временем эти этнические стереотипы закрепились и дают о себе знать по сей день.

В период колониального господства (Италия, Великобритания) клан оставался единственным представителем и защитником интересов своих членов. Он способствовал сохранению социальной организации, норм обычного права и культурных ценностей, а также чувства солидарности, несмотря на границы.

Укреплению этнической идентичности и единства содействовали и ритуальные церемонии. Они заключались в проведении один-два раза в год сийяро (siyaro), когда все члены клана собираются вместе. Обычно это случается в период засухи, голода, войны или других чрезвычайных ситуаций, но устраиваются они и в благоприятное время. Деньги на эту ритуальную церемонию вносят все без исключения⁷. Мужчины и женщины собираются отдельно: в соответствии с обычаями сомали, им не разрешается сидеть вместе и разговаривать.

Браки внутри клана запрещены. Они возможны между кланами и особенно — с соседями оромо, что способствует укреплению связей и мирному сосуществованию.

Так, мужчины гургура, как правило, женятся на девушках оромо. Поэтому гургура — это смешение двух этнических групп: сомали и оромо. Они говорят на двух языках⁸.

Клановая система управления помогла сомали выжить. Благодаря разветвленным родственным связям они легко переходили границы в районе Африканского Рога и южнее — в Кении, торговали, молились, женились, общались с членами своих кланов. И ныне именно клан является центральной опорой сомалийского общества. Сомали трудно интегрироваться в современные общественные отношения, а государству нелегко управлять ими.

Рассматриваемый регион — один из самых беспокойных. Его история тесно переплетена с событиями в других странах Африканского Рога. Сомали сначала вели борьбу против империи, затем против итальянской оккупации, снова против империи, затем против режима Дерга. В середине 1970-х гг. Фронт освобождения Западного Сомали (Western Somalia Liberation Front) начал против Дерга вооруженный мятеж, который перешел в войну 1977—1978 гг., закончившуюся победой Эфиопии. Фронт выступает за создание Великого Сомали.

В последующие годы основным действующим лицом стал Национальный фронт за освобождение Огадена, созданный в 1984 году. Его организаторами

выступили пять представителей интеллигенции, выходцы из Огадена, выпускники Сомалийского национального университета. Председателем созданного ими Высшего совета революции стал Абдирахман Махди, учитель по профессии. Однако, опасаясь действий против них Длада Барре, главы соседнего Сомали, официально они объявили о создании ОНЛФ лишь в марте 1986 г. в Кувейте ⁹.

Национально-освободительный фронт Огадена называет населяющий этот район народ сомали «угнетенной нацией, колонизованной Эфиопией». Он поставил своей целью создание независимого государства Огаденция, «полностью суверенного в соответствии с чаяниями народа». Старейшины огаденского клана были против того, чтобы организация действовала на их территории, и поэтому многие годы основная работа велась среди студентов-сомали на Ближнем Востоке.

Правление Дерга и война с Сомали оказали прямое воздействие на Огаден. Волнения и политическая нестабильность привели к тому, что многие районы обезлюдели, население бежало от насилия и спасалось в лагерях для беженцев в соседнем Сомали. Фермеры амхара и тиграй покинули своих земли. В районе было введено чрезвычайное положение. Господство военных продолжалось до 1991 года. В течение нескольких лет здесь располагались кубинские солдаты. С целью разгрома сепаратистов-сомали властями была развернута кампания по созданию военных лагерей, куда сгонялись жители. В результате бомбардировок были уничтожены целые деревни. Население подвергалось дискриминации. Были запрещены сезонные миграции скотоводов, пограничная торговля. Это привело к падежу скота и голоду. В 1980-е гг. Огаден превратился в обширную зону боевых действий. События в соседнем Сомали, связанные с коллапсом государства и голодом, привели к потоку беженцев. В середине 1992 г. их число оценивалось в 594 тыс. человек. Кроме того 117 тыс. сомали вернулись в родные места ¹⁰.

С приходом к власти в 1991 г. нового правительства ситуация не улучшилась. Создание штата Сомали в 1993 г., как это ни странно, привело к конфликтам как внутри кланов, так и между ними. Они были связаны с выбором названия, определением представительства кланов, расположением столицы штата, его политическим будущим.

В 1990-е гг. произошла трансформация ОНЛФ из политической организации в вооруженную сепаратистскую группировку. Это напрямую было связано с событиями в регионе.

Накануне Лондонской конференции в июле 1991 г. правящая партия Революционно-демократический фронт эфиопских народов долго выбирала, кого из организаций сомали можно было бы на нее пригласить. Выбор пал на руководство Фронта освобождения Западного Сомали, во главе которого стоял Абдинассир Шейх Аден, скрывавшийся в Могадишо. Лидер партии подписал Переходную Хартию, и партия получила два места на конференции. От нее потребовали изменения названия. Отныне она стала называться Демократическая партия Западного Сомали (Western Somali Democratic Party). Еще два места были предоставлены Освободительному движению исса и гургура.

Что же касается лидеров Национального фронта освобождения Огадена, то они обусловили подписание Хартии отказом правящей партии от управления Огаденом. В результате, их не пригласили на конференцию в Лондон.

Однако в феврале 1992 г. один из лидеров ОНЛФ — Абдалахи Мохамед Сади — все-таки согласился подписать Хартию, при этом не отказавшись от идеи отделения Огадена в будущем. В результате ОНЛФ получил одно место в Переходном правительстве. На состоявшемся в январе 1992 г. Конгрессе ОНЛФ в Гарбо был избран центральный комитет в составе 45 чел. во главе с председа-

телем Шейхом Ибрахимом, который в свое время получил образование в Университете Саудовской Аравии, где прожил много лет. Он был настроен против сближения с Эфиопией.

Приближавшиеся выборы в парламент в 1992 г. привели к расколу всех сомалийских партий и организаций по клановому признаку. Огаденский клан противопоставил себя всем остальным¹¹. Вскоре возникло не менее 13 политических организаций, каждая из которых представляла свой клан. Они планировали объединиться на выборах против огаденцев, но не смогли. Клан, традиционно являвшийся основой жизни общины, превратился в важный инструмент политической мобилизации.

Избирательная комиссия в 1992 г. зарегистрировала 13 партий. Среди них: Освободительный фронт исса и гургуга (Issa and Gurgura Liberation Front); Демократический фронт хорийял (Horyal Democratic Front); Демократическое движение эфиопских сомали (The Ethiopian Somali Democratic Movement), которое представляло клан ишак; Демократическая объединенная партия (The Democratic United Party) от хавийя южного Огадена; Лига демократических действий (The Democratic Action League); группа, представлявшая пер барре — земледельцев в Келафо, и еще одна, представлявшая клан шейкаш, Аль-Иттихад Аль-Ислами. Последняя — пан-сомалийская политическая организация, ставившая своей целью объединение всех сомали и создание Великого Сомали.

Глава государства Мелес Зенауи предупредил старейшин и политических деятелей сомали, что право на отделение может быть осуществлено «народом и нацией, а не политической партией или кланом»¹².

Основным противником ОНЛФ внутри клана огаден на выборах была Демократическая партия Западного Сомали во главе которой стоял опытный и влиятельный политик Абдинассир Шейх Аден.

Выборы в штате переносились трижды и, наконец, состоялись в январе 1993 года. Победу одержал ОНЛФ, получивший в Совете штата 79 мест из 111 (Демократическая партия Западного Сомали — всего 9). Регион Огаден был переименован в Региональный штат Сомали. В исполнительном совете (правительстве штата) из 19 членов огаденский клан был представлен 15 представителями, клан исса имел всего одного. Президентом штата (70% голосов) был избран Абдилахи Мохамед Сади, его заместителем — Сиад Бадри Мохаммед (ОНЛФ). Однако через семь месяцев он был смещен Фронтом освобождения тиграй.

Правительство штата, состоявшее из членов огаденского клана, столкнулось с огромными кадровыми трудностями. В результате многолетней деятельности военного режима гражданских служащих практически не было, а те немногие амхара и тиграй, которые работали при Дерге, уехали после смены режима. Все официальные документы были уничтожены. Новая администрация штата занялась поисками сомали на должности учителей, клерков, полицейских, врачей и др.

В первые годы после создания штата Сомали в администрации, ввиду острого недостатка кадров, работало много сомали из соседнего одноименного государства. Власти предпочитали их, либо противников прежнего режима Дерга. Однако вскоре правительство сочло, что причина политической нестабильности в регионе во многом связана с вредным влиянием выходцев из Сомали, пропагандировавших идею Великого Сомали¹³. Поэтому они были уволены из административных органов штата.

Помимо традиционных конфликтов, связанных с пастбищами и водными ресурсами, все чаще происходили конфликты, которые официальные власти называли «политическими». Речь идет о борьбе кланов за представительство в органах власти, начиная от кебеле и кончая законодательным советом штата.

Наиболее многочисленные кланы, имевшие большинство мест в администрациях кебеле и воред, считали их своей собственностью¹⁴.

В качестве примера можно привести интересный и мало известный в науке материал об отношениях с кланом шейкаш, полученный эфиопским исследователем Аснаке Кефале в результате полевых исследований. Напряженные отношения между этим кланом и некоторыми огаденскими субкланами привели к конфликту и к смерти сотен людей, а также к массовым переселениям. Причиной стала борьба за представительство в местных органах власти.

Члены клана шейкаш, по преданию, некогда переселились из Аравии с целью распространения ислама. Поскольку они занимались религиозной деятельностью, у них были добрые отношения с сомалийскими кланами. Этому способствовало и их активное участие в качестве посредников в урегулировании конфликтов по поводу пастбищ, водных ресурсов и др. Между шейкаш и сомалийскими кланами, особенно огаден, были распространены браки.

После создания штата эти отношения стали меняться. Причина заключалась в том, что каждый сомалийский клан претендовал на свою территорию, что давало право на представительство в региональном парламенте и, может быть, создание собственной вореда под своим руководством. У шейкаш не было собственной территории. Они широко расселились среди различных сомалийских кланов.

В 1992 г. они создали Демократическое движение народа шейкаш (The Sheikash People's Democratic Movement), которое было включено в состав Демократической лиги эфиопских сомали. Национальный фронт освобождения Огадена противился открытию офиса партии шейкаш в Огадене¹⁵.

Споры шейкаш и членов огаденских кланов по поводу структур местной власти и представительства в ней привели к конфликтам. Шейкаш были против сепаратистов ОНЛФ и аль-Иттихад. Конфликт продолжался в течение нескольких лет и в 1998 г. перед шейкаш встала проблема: а) продолжать бороться против господства огаденских субкланов за самоопределение внутри существующих вored; б) примириться с судьбой и жить под господством огаденских субкланов; в) покинуть Огаден и поселиться на новом месте и добиваться самоуправления. На многочисленном митинге в Марамейт в зоне Фик в июне 1998 г. было принято решение о переселении¹⁶. Тысячи людей мигрировали в отдаленную юго-восточную вореду Западный Ими в зоне Афдеер на границе со штатом Оромия. Они поселились в местечке Рассо, где уже жил их субклан.

Представители других кланов, недовольные господствующим положением, которое в администрации занимал огаденский клан, вынашивали планы изменения ситуации. Президент штата Абдилахи Мохамед Сади, который не знал амхарского языка, не поддерживал контактов с правящей партией и продолжал настаивать на идее самоопределения и возможности отделения. К этому добавились внутриклановые противоречия, что в конечном счете привело к его падению. Он был обвинен в коррупции, арестован и просидел в тюрьме до июня 1994 года.

В августе 1993 г. было избрано новое правительство штата во главе с Хассаном Джире Калинле (по клановой принадлежности аулихан-огаден). Кадров по-прежнему не было, финансовые субсидии, поступающие от федерального правительства, расхищались.

В 1994 г. началась разработка конституции штата. Разгорелись споры по вопросу о праве на отделение. В конце января 1994 г. ОНЛФ опубликовал Декларацию, в которой содержалось требование предоставления самоопределения для «Огадении». Однако через неделю десять сомалийских организаций выступили против этой декларации. Напряженность вокруг проблемы отделения переросла в кровавые столкновения. Несколько человек были убиты.

Внутри ОНЛФ разрыв между сторонниками отделения и приверженцами федерального правительства все более углублялся. Сепаратистская группировка, во главе которой стоял Ибрахим Абдаллах Мах, начала вооруженную борьбу¹⁷. Некоторые члены правительства штата выступали за референдум. Было направлено письмо в Аддис-Абебу. В результате президент штата Хассан Джире Калинле был смещен советом штата в апреле 1994 г. «за препятствия, чинимые им народу штата воспользоваться благами переходного периода» и заключен в тюрьму. Были посажены также его заместитель и восемь членов совета штата. Новым главой штата стал беспартийный Абдурахман Угас Мохамед Кани.

Неогаденские кланы настаивали на переносе столицы штата, находившейся на территории клана огаден, в Джиджигу. Этого требовала и администрация премьер-министра, грозя в противном случае разделить штат на два региона. В конце года многие члены правительства штата были уволены, как и его глава. Постоянные военные действия эфиопской армии против сомали привели к тому, что значительная часть огаденских кланов, вначале симпатизировавших федеральным властям, заняла противоположную позицию.

Действия эфиопской армии, многочисленные аресты¹⁸ приводили ко все большему отчуждению сомали. Несмотря на репрессии, население оказывало поддержку ОНЛФ. Фронт поддерживали все огаденские кланы, но в первую очередь субкланы мохаммед зубейр, бах герри, макахил и толомогге¹⁹. До сих пор не сняты с повестки дня и планы создания Великого Сомали на основе воссоединения всей этнической группы, населяющей страны Африканского Рога и северную часть Кении.

Идея создания Великого Сомали зародилась еще в 1940-е годы. Ее инициаторами стали члены Молодежного клуба сомали (Somali Youth Club), созданного в мае 1943 г. в Могадिशе. На первых порах это была городская организация взаимопомощи. Ее членами были сомали в возрасте от 18 до 32 лет из числа торговцев, государственных служащих, жандармерии²⁰. С середины 1940-х гг. деятельность клуба начала распространяться и на другие города бывшего Итальянского Сомали. Из организации взаимопомощи она все больше превращалась в националистическую, преследующую амбициозную цель объединить всех сомали. Клуб ставил своей задачей разрушить клановую систему, разъединяющую сомалийское общество, покончить с клановыми спорами и конфликтами. Существовала также программа расширения образования. При вступлении в клуб требовалось принести клятву — отказаться от клановой принадлежности и признать только свою этническую идентичность — сомали²¹.

В 1945 г. на мирной конференции Э. Бевин, тогдашний министр иностранных дел Великобритании (1945—1951), выдвинул идею создания Великого Сомали под властью одной администрации (предпочтительно британской), под эгидой ООН «как средство улучшения жизни нации бедных верблюдоводов». Это была попытка консолидации британских интересов в Восточной Африке²². Идея широко обсуждалась в кругах, связанных с имперской политикой Великобритании, и колониальных ведомствах, но была решительно отвергнута США, Советским Союзом и Францией²³. На уровне держав эта идея была похоронена.

Но британская администрация поощряла усилия Клуба молодых сомалийцев по претворению этой идеи в жизнь, советуя создать политическую организацию. Клуб был реорганизован, и с мая 1947 г. стал называться Лига молодых сомали. Деятельность ее распространялась, помимо Итальянского Сомали, на Огаден и часть Эфиопии под юрисдикцией Британской военной администрации. Лозунг — «Сомали просыпайтесь, беритесь за руки, всегда помогайте слабым» — привлек тысячи новых членов²⁴.

Руководство Лиги в Могадिशе было настроено решительно против Эфиопии, называя ее колонизатором. Среди членов Лиги численно преобладала се-

мья кланов дарод. Они выступали против британской администрации, опорой которой являлся клан ишак. Идее Великого Сомали, включавшего и Огаден под началом Великобритании, не дано было осуществиться.

Отношения ОНЛФ с правящей партией ухудшились в 1996 г., когда сомалийские парламентарии потребовали проведения референдума по вопросу о независимости штата. Естественно, это вызвало негативную реакцию. Власти усилили контроль и организовали коалицию неогаденских кланов. Это было сделать нетрудно: далеко не все сомалийские кланы хотели отделения и создания независимого государства или присоединения к соседнему Сомали.

Антиогаденские настроения все более усиливались. Дело в том, что победа ОНЛФ на выборах 1992 г. и господствующее положение в регионе огаденского клана (их представители возглавили администрацию в штате) встревожило другие кланы, которые почувствовали себя ущемленными. Они обратились за помощью к федеральному правительству из боязни провозглашенного ОНЛФ плана отделения. Вскоре лидеры ОНЛФ были арестованы или эмигрировали за границу, а оставшиеся члены организации начали вооруженную борьбу.

Столица штата была переведена из г. Годей, расположенного на территории огаденского клана, в г. Джиджига на севере. Из неогаденских кланов правящая партия решила создать проправительственную партию и противопоставить ее ОНЛФ. Для реализации этого плана был выбран Абдул Маджид Хуссейн из клана ишак, некогда бывший активистом студенческого движения, международным чиновником, позже — федеральным министром экономического развития и сотрудничества. С помощью правящей партии он превратился в ведущего сомалийского политика в Эфиопии.

В начале февраля 1994 г. в Хараре был созван митинг сомалийских политических деятелей и старейшин, на котором выступил тогдашний президент Мелес Зенауи. После митинга всех его участников перевезли на военную базу Хурсо, недалеко от г. Дире Дава, где проходил учредительный съезд Демократической лиги эфиопских сомали (The Ethiopian Somali Democratic League). О важности мероприятия свидетельствует присутствие на нем тогдашнего премьер-министра Тамрата Лайне. Председателем новой партии был избран Абдул Маджид. В партию вошли 14 клановых фракций. Все они были представлены в центральном комитете.

Лига стала правящей партией в штате и победила на выборах в 1995 г., что дало ей возможность занять руководящие должности на всех уровнях управления.

Старейшины огаденского клана, обеспокоенные нараставшими внутриклановыми противоречиями на политической основе, в январе 1994 г. в Кебридехаре созвали Конференцию мира и единства сомалийской нации. Они рассчитывали выработать общие политические установки перед предстоящими выборами в 1995 году. ОНЛФ было предложено разоружиться. В партии произошел раскол: часть ее членов — сторонники отделения, во главе которых стоял шейх Ибрагим Абдалла, — провозгласила возобновление вооруженной борьбы. Шейх Ибрагим вернулся в Саудовскую Аравию, другие лидеры также покинули страну. В следующем году ОНЛФ подписал соглашение с Фронтом освобождения оромо, Исламским фронтом за освобождение Оромии (Islamic Front for the Liberation of Oromia) и Аль-Итихад Аль Ислами (al Itihad al Islami) о совместной борьбе за свержение режима Аддис-Абебы. Тем самым все мосты, ведущие к мирным отношениям с федеральным правительством, были сожжены.

Так называемое «легальное крыло», которое считало возможным продолжение сотрудничества с властями, осталось в штате. В мае 1995 г. его члены создали свой центральный комитет из 47 членов. Председателем был избран Башир Абди Хассан. В 1996—1997 гг. борьба между различными сомалийскими политическими группировками и их лидерами, в том числе и в органах испол-

нительной власти штата, продолжилась. Конфронтация закончилась арестами и заключением в тюрьму ряда руководящих деятелей Демократической лиги эфиопских сомали по обвинению в «действиях против демократической системы». В 1998 г. «легальное крыло» ОНЛФ совместно с Демократической лигой эфиопских сомали создали Демократическую партию народов Сомали (Somali Peoples' Democratic Party). Ее председателем был избран Абдул Маджид Хуссейн, заместителем от ОНЛФ — Кадар Муалим. Последний возглавил правительство штата.

Экономическое и финансовое положение в штате было крайне тяжелым. Субсидии, поступающие из федерального бюджета, разворовывались. Причем это не считалось ни растратой, ни воровством. Дело в том, что, согласно традициям и обычному праву кочевников, собственность внутри клана считалась священной и строго охранялась, а вне его — ничейной. К этой категории относилось все, что было связано с государством. Согласно существующей этике, помощь должна была в равных долях распределяться между кланами. Чиновники испытывали нажим со стороны старейшин и глав кланов, требовавших от них выполнения закона предков.

Речь шла о «шехаде» — традиционной практике, существовавшей у сомали испокон веков, когда любой член клана может попросить деньги у того, кто их может дать. Это не попрошайничество, а взаимное обязательство. Согласно традиции, старейшины имели право просить деньги у чиновников, которым они помогли прийти к власти. Чиновник, который отказывался дать «шехад» члену своего клана, презрительно именовался «фаруд» («пустой карман»). Старейшины же в этом случае выносили вердикт: «этот человек отныне не принадлежит к нашему клану и должен быть заменен»²⁵. Это был очень серьезный приговор, потому что принадлежность к клану у сомали была превыше всего.

В конце 1999 г. был создан традиционный совет старейшин сомали — Гуурти (Guurti). Затем появились гуурти на всех уровнях. Их члены избирались самими старейшинами пропорционально численному составу кланов.

Огаден с самого начала включился в Эфиопскую империю (1897 г.), испытывая двойную идентичность — как периферия Эфиопии и как часть огромной этнотерритории сомали, включавшей Кению, Джибути, Сомали. Из-за десятилетиями длившихся конфликтов и недоступности этот регион Эфиопии был заброшенным как чиновниками правительств, так и исследователями. Поэтому имеющаяся информация крайне скудная: идет ли речь о народах, экономике или социальных проблемах.

Война в Огадене, конфронтация режима с огаденскими сомали касается не только территории, но связана также с экономикой: эфиопские власти заставляют кочевников платить налоги, а с недавних пор пытаются запретить процветающую приграничную контрабандную торговлю с соседними Сомали и Сомалилендом.

За прошедшие годы со времени введения этнического федерализма этот район по-прежнему самый отсталый в Эфиопии. В нем царствует голод, засуха, разруха, непрекращающиеся конфликты между правительственными войсками и мятежниками, между кланами и внутри кланов. Все это привело к катастрофической политической нестабильности, широко распространенной политической, организационной и финансовой дезорганизации внутри различных региональных правительственных структур²⁶.

Неудачи по вовлечению данного региона в русло федерализма нередко объясняют существующими традиционными структурами и институтами кочевых обществ, в том числе врожденным чувством эгалитаризма и независимости, духом мятежности, неприятием эфиопской культуры, включая христианство²⁷. Д. Маркакис видит во всем глубокое чувство приверженности сомали

своему клану («clannishness») ²⁸. Называют также чувство дезинтеграции и неумолимую борьбу за власть и влияние, присущие огаденским сомали ²⁹.

Ученые называют власть в штате неопатримониальной (неородовой). Она включает федеральных и региональных патронов, близких к правящей партии страны и к правящей партии штата — Демократической партии народа сомали. Эта группа сосуществует с политизированными патрилинейными клановыми структурами и законными местными властями ³⁰. И как результат всего этого — ротация, постоянные перестановки, увольнения чиновников на всех уровнях власти. Среди городской этнической элиты существует острая конкурентная борьба за «место под солнцем»: бюджетные ресурсы, административные посты. В борьбу включаются линиджи и вышестоящие иерархические структуры.

Как и в целом по стране, все решения в штате принимаются правящей партией страны. Все главные посты на региональном уровне принадлежат деятелям правящей партии. При этом соблюдается «клановый баланс» и большинство постов принадлежит членам наиболее многочисленных линиджей и кланов ³¹. Процветают протекционизм и коррупция.

Однако, по-видимому, наиболее справедливым при объяснении причин происходящего в штате Сомали является неспособность федеральных властей установить подлинную автономию, отсутствие кадров и полная некомпетентность органов управления.

Что же касается патрилинейной клановой системы, которая существует у сомали, то причина нестабильности не в ней, а в ее политизации, точнее, в политизации родства, его срастании с партийными и государственными структурами.

Трудность в управлении штатом заключается также в том, что до сих пор четко не определены границы административных единиц (это же относится и к другим штатам). Все больше и больше клановые элиты требуют создания новых вояжд, число которых возрастает.

Исследователи справедливо отмечают крайне слабое присутствие государства в регионе. По-существу, его роль сводится к поддержанию безопасности военными средствами, участию в урегулировании споров с помощью старейшин кланов, сбору налогов и распределению продовольственной помощи в сотрудничестве с западными донорами и неправительственными организациями. Более того, управление часто полностью парализовано по причине отсутствия чиновников высшего ранга, которых регулярно вызывают в Аддис-Абебу или столицу штата на политические или партийные заседания-тренинги ³². Контроль за положением в регионах осуществляет Министерство по делам федерации. В штате Сомали оно играет решающую роль в разрешении конфликтов, осуществляет политику в отношении скотоводов-кочевников и должно обеспечить безопасность. До этого в регионе, как и в других периферийных штатах, был штат «технических советников» (как правило, амхара и тиграй) от правящей партии — Революционно-демократического фронта эфиопских народов — которые сосредоточили в своих руках власть. Они были приставлены к президентам штатов и главам региональных правительств.

Министерство по делам федерации также имеет большое влияние особенно при выборе высших руководящих должностных лиц. При возникновении сложных проблем высшие официальные лица правительства и правящей партии штата вызываются в Аддис-Абебу для консультаций с представителями Министерства по делам федерации, другими министрами и руководящими деятелями партии. Так осуществляется руководящая и направляющая роль партии.

Существует тесная связь между назначением на посты в администрации разных уровней и клановой системой. Так, если чиновника смещают с какого-то поста, его место занимает человек из этого же клана.

Большое воздействие на политику и экономику в штате оказывают федеральная армия и силы безопасности, базирующиеся в различных военных лагерях. Во многих воеводах офицеры национальной армии назначают и оказывают покровительство малообразованным политическим лидерам — членам своих кланов или субкланов. Это дает возможность офицерам манипулировать должностными лицами и старейшинами, а также осуществлять негласный контроль за положением на местах ³³.

В беспокойных воеводах, населенных преимущественно сомали из огаденского клана, таких как Фик, Корaxe, Дегехабуp, представители федеральной армии осуществляют постоянный контроль и могут оказывать давление на чиновников. Они задействованы также в пограничной торговле, получая от этого неплохую выгоду.

Точное число жертв конфликта в Сомали неизвестно. Не исключено, что федеральные и региональные власти преувеличивают серьезность ситуации и насилия, с целью извлечения политической и материальной выгоды. Обвинение местных жителей, сотрудничающих с ОНЛФ и с аль-Иттихад, дает прекрасную возможность расправиться или избавиться от политических оппонентов или экономических конкурентов. Значительные суммы, выделяемые Аддис-Абебой региональным властям для обеспечения безопасности, попросту присваиваются. В некоторых случаях президенты штата под предлогом борьбы с мятежниками вооружают собственную клановую милицию. Это обеспечивает так нужную им поддержку старейшин клана ³⁴.

Преувеличение региональными властями серьезности конфликтной ситуации с целью обеспечить в бюджете специальную статью «решение конфликта» — еще одна тактика, приносящая неплохие дивиденды от «торговли серьезным положением». Эта бюджетная статья, введенная в 1995 г. после переноса столицы штата из Годей в Джиджигу, предназначена для урегулирования многочисленных межклановых конфликтов и не связана с финансированием региональной милиции и полиции. Деньги на разрешение того или иного конфликта выделяются немалые. За израсходованные денежные средства отчета не требуется. Эта статья бюджета получила в народе название «большой проект» ³⁵. Поэтому разжигание и создание новых межклановых конфликтов — дело весьма выгодное для политических деятелей.

Для расправы с конкурентами используется различная тактика: политическое обсуждение, псевдокриминальные обвинения. Они применяются в случае, когда надо узаконить отставку или арест того или иного должностного лица. К формальным правовым процессам, включая суд, прибегают весьма редко. Помимо общего обвинения: «препятствие развитию» или препятствие «народу региона пользоваться благами переходного периода», существуют два специфических типа расправы с политическими конкурентами: а) обвинения в коррупции и плохом управлении и б) поддержка ОНЛФ. Люди, поддерживающие фронт называются «нарушителями мира» («anti-peace elements»).

В партийной и государственной структурах существуют так называемые сессии гем гема (gem gema sessions) — коллективная оценка с помощью критики и самокритики. Это институализированный механизм, созданный с целью контроля за умонастроениями и ротации кадров на всех уровнях управления, начиная от кебеле и кончая правительством штата. В штате Сомали ежегодно проводятся гем гема, в которых участвуют представители местной администрации, партийные деятели, члены совета старейшин кланов. Цель этого — обеспечить согласие с политикой правительства. Таких заседаний боятся, так как это может быть значимым сигналом для отставки любого неугодного должностного лица, а в штате Сомали, где конкурентами за власть выступают кланы, гем гема — официальный инструмент, предоставляющий прекрасную возмож-

ность избавиться от политического соперника и поставить на его место человека из своего клана.

Учитывая существование такого социального института как клановая система, важное значение имеет вовлечение в процесс федерализации традиционной власти. Игнорирование в первые годы традиционных правителей сменилось пониманием необходимости их активного использования.

С целью усиления контроля федеральные власти назначили во всех административных единицах (штаты, зоны, вороды) оплачиваемых старейшин — латалие (lataliye) — «советников». Они действовали параллельно с официальными структурами. Их основная обязанность — доносить решения властей до населения, помогать местным властям в сохранении мира и порядка, мобилизовывать избирателей в период выборов. Путем инкорпорирования старейшин и глав общин (кланов, субкланов, линиджей, больших семей) в административную систему власти стремились установить и расширить свой контроль в сельских районах, населенных скотоводами-кочевниками. Эти люди, хорошо знающие обычаи и ситуацию, как нельзя лучше подходили для этих целей. Это было связующее звено между правительством и общинами.

Выборы старейшин производит Гуурти (Совет старейшин). Чтобы стать избранным, необходимо соответствовать следующим критериям: не входить в состав оппозиционных группировок; не быть приверженцем «кланнизма» и фаворитизма; иметь хорошую репутацию в общине; знать нормы традиционного права и ислама. Должности членов Гуурти оплачиваются.

Обязанность членов Совета старейшин заключается в помощи официальным государственным органами в урегулировании как межклановых конфликтов, используя обычное право и традиционные методы, так и конфликтов, возникающих между общиной и государством. Старейшины также играют значительную роль на выборах, мобилизуя население.

Старейшины кланов у сомали имеют разные титулы: султан, угас, гарад, дамин и малак. Существует их строгая иерархия. Клановая система также иерархична. Все это неизменно учитывается как при назначениях должностных лиц во властных структурах, так и при выборах советов старейшин всех уровней.

Центральное правительство умело использовало противоречия и соперничество между сомалийскими кланами и их подразделениями³⁶. Небольшие по численности неогаденские кланы охотно подчинились с целью достичь господствовавшего влияния в регионе. Им удалось не допустить восстановления прежней власти огаденского клана и ОНЛФ.

Неспособность сомалийских кланов к объединению, их соперничество и фракционность были на руку федеральному правительству. Это позволило продолжить прежнюю тактику «разделяй и властвуй», противопоставляя одни кланы другим, и контролировать обширный низменный регион, где присутствие центральной власти ограничено военными гарнизонами³⁷.

С критикой системы управления и патрон-клиентельных отношений все решительнее выступают молодые люди, известные в повседневной жизни как «интеллектуалы», или «турки». Это — выпускники Эфиопского колледжа по подготовке гражданских служащих — немногие сомали, которые имели возможность получить высшее образование. Они в основном живут в городах и занимают важные посты в региональной администрации, поддерживают, хотя и с оговорками, концепцию этнического федерализма и отвергают особую идентичность сомали в отрыве от Эфиопии. Но они испытывают давление со стороны старейшин своих кланов, требующих защиты интересов родственников, настаивающих на занятии ими важных должностей в правительстве или в других сферах, которые бы были прибыльны для клана. Противоречия и конфликты между юными интеллектуалами, которые считают, что им — образован-

ной элите — принадлежит будущее, и старшим поколением политических лидеров, выражающим интересы традиционного общества, основанного на родственных связях, все более усиливаются.

Интеграционным процессам способствуют и разветвленные родственные связи между Огаденем и Джибути (кланы исса и гадабурси) с Сомалилендом (гадабурси и ишак), центральным Сомали (хавийя, марехан, дигил, мирифле и другие) и с северной Кенией (семья кланов дарод)³⁸.

Небольшая часть населения штата относит себя к эфиопскому государству, националисты ОНЛФ, выступающие за создание Огадени, больше тяготеют к экономической интеграции с соседним Сомали³⁹.

Сомалийская диаспора отрицает такую идентичность, как «эфиопские сомали». Часть из них — сторонники пансомализма и считают штат Сомали неотъемлемой частью Великого Сомали и поэтому называют его Западный Сомали (Soomaali Galbeed).

У руководства ОНЛФ отсутствует единая точка зрения на решение проблемы: как отмечалось выше, одни выступают за урегулирование отношений с эфиопским правительством, другие — умеренные националисты — даже сотрудничают с ним, третьи — настаивают на отделении и создании независимого государства.

Положение в штате остается сложным. Напряженность и недоверие — основные черты политической жизни. Военные контролируют положение во многих районах штата. Ни о какой интеграции сомали в федеративную систему Эфиопии пока что говорить не приходится.

Примечания

1. Некоторые зоны переименованы: Шиниле (ныне Ситти), Джджигга (Фаарфан), Дегехабур (Джерер), Вардеер (Доло), Фик (Ногоб), Года (Шабелле)
2. Summary and Statistical Report of the 2007 Population and Housing Census. Addis Ababa. 2008, p. 94—96.
3. MURDOCK G.P. Africa. Its Peoples and their Culture History. N.Y.-Toronto-L. 1959, p. 319—320; 323—324; GREENBERG J.H. Studies in African Linguistic Classification. New Haven. 1955; LEWIS H.S. Historical Aspects of Genealogies in Northern Somali Social Structure. — Journal of African History. 1962, vol. 3, № 1, p. 35—48.
4. LEWIS H.S. The Origins of Galla and Somali. — Ibid. 1966, vol. 7, № 1, p. 40—41.
5. Ibid., p. 27.
6. Ibid., p. 36.
7. BAMBAKU TADESSE, YENECH TESFAYE, FEKADU BEYENE. Women in conflict and indigenous conflict resolution among the Issa and Gurgura clans of Somali in Eastern Ethiopia. — Journal of Conflict Resolution. 2010, vol. 10, № 1, p. 101.
8. Ibid., p. 96.
9. MARKAKIS J. Ethiopia: An Anatomy of a Traditional polity. N.Y. 1974, p. 215.
10. HAGMANN T., MOHAMUD H. KHALIT. State and Politics in Ethiopia's Somali Region since 1991. digitalcommons.makalester.edu/cgi/viewcontent.cgi?article, p. 29.
11. MARKAKIS J. The Somali in Ethiopia. — Review of African Political Economy. 1996, vol. 23, p. 567.
12. Ethiopian Herald, 11 February 1994. Цит. по: VAUGHAN S. Ethnicity and Power in Ethiopia. Edinburg. 2003, p. 210, note 215; ASNAKE KEFALE. Federalism and Ethnic Conflict in Ethiopia. A Comparative Study in the Somali and Benishangul-Gumuz Region. PhD Theses. Lerden. 2009, p. 134—135.
13. Ibid., p. 143.
14. Ibid., p. 144.
15. Ibid., p. 150.
16. Ibid., p. 151.

17. Ethiopia: Prospects for Peace in Ogaden. Crisis Group. 6 August, 2013.
18. Collective Punishment: War Crimes and Crimes against Humanity in the Ogaden Area of Ethiopia's Somali Regional State. Human Rights Watch, June 2008.
19. HAGMANN T. Beyond Clannishness and Colonialism: Understanding Political Disorder in Ethiopia's Somali Region, 1991—2004. — *Journal of Modern African Studies*. 2005, vol. 43, № 4, p. 533, note 41.
20. BARNES C. The Somali Youth League, Ethiopian Somalis and the Greater Somalia Idea, 1946—1948. — *Journal of Eastern African Studies*. 2007, vol. 1, № 2, p. 280.
21. *Ibid.*, p. 280.
22. *Ibid.*, p. 281.
23. KELLY S. Britain, the United States and the End of the Italian Empire. — *Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2000, vol. 28, № 3, p. 55—59. Цит. по: BARNES C. *Op. cit.*, p. 281.
24. *Ibidem*.
25. MARKAKIS J. Ethiopia..., p. 316.
26. Integrated Regional Information Network of the United Nations (IRIN). Ethiopia: Feature. — Somali Region Sets out its Programme. 2002, vol. 9, № 7.
27. FAISALI ROBLE. The Death of an Era and the Demise of the Community: EPRDF's Manipulation of Somali Clans — *Ethiopian Review*. 1996. April. <http://ethiopianreview.homestead.com/FeatureFaisalRobleApr96.html>.
28. MARKAKIS J. The Somali in Ethiopia, p. 570.
29. ESCHER R. Nationalism and Particularism of the Ogaden Somali in Ethiopia. In: *New Trends in Ethiopian Studies: Papers of the 12th International Conference of Ethiopian Studies*. Lawrenceville. N.Y. 1994, vol. 1, p. 656.
30. ERDMANN G., ENGEL U. Neopatrimonialism Reconsidered — Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. Paper presented at the 45th annual meeting of the African Studies Association. Washington D.C. December 4—8, 2002.
31. HAGMANN T., MOHAMUD H. KHALIF. *Op. cit.*, p. 33.
32. HAGMANN T. *Op. cit.*, p. 521.
33. *Ibid.*, p. 522.
34. *Ibid.*, p. 526.
35. *Ibid.*, p. 527.
36. HAGMANN T., MOHAMUD H. KHALIF. *Op. cit.*, p. 35.
37. *Ibidem*.
38. *Ibid.*, p. 41.
39. *Ibid.*, p. 39.

Заключение Туркманчайского мирного договора и политика Великобритании

Н.Р. Гезалова

Аннотация. Цель данной работы — критический анализ и комплексное изучение дипломатических отношений в ходе русско-иранской войны 1826—1828 гг. и роли Великобритании при заключении Тюркманчайского (1828) договора. Задачей британской дипломатии в каджарском Иране было удерживать всеми силами каджарский трон — шаткую преграду между Россией и Индией. На основе проработки значительного объема документов и исследований анализируется внешнеполитическая обусловленность политики Великобритании в данном регионе.

Ключевые слова: русско-иранские отношения, Каджары, Южный Кавказ, Туркманчай, Ост-Индская компания.

Abstract. The aim of the work in the critical analysis and comprehensive study of diplomatic relations during Russian-Iranian war of 1826—1828, and the role of Great Britain in the conclusion Turkmanchay peace treaty (1828). The paramount task of British diplomacy in Qajar Iran was to try their best and keep a fragile barrier, namely, Qajar throne, between Russia and India. The foreign policy conditionality of Great Britain in this region is analyzed on the basis of elaborating a considerable body of documents and investigations.

Key words: Russian–Iranian relations, Qajar dynasty, South Caucasus, Turkmenchay, East-Indian company.

Провал переговоров между каджарским Ираном и Россией о разграничении пограничной линии, а также начавшиеся военные действия между двумя государствами привели ко второй русско-иранской войне. Началом военных действий принято считать 16 июня 1826 г., когда Иреванский сардар Хусейн-гулу хан попытался вернуть себе захваченный русскими войсками район Баш-Апарана. Удачная попытка сардара стала сигналом к наступлению для каджарских войск. Каджарская армия под командованием Аббаса Мирзы двинулась в Карабах и Гянджу. За короткое время ей удалось захватить почти все североазербайджанские земли Южного Кавказа. Однако получив подкрепление и перегруппировавшись, российские войска перешли в контрнаступление. 3 сентября произошло крупное сражение у Шамкира, где каджарская армия, потерпев

Гезалова Нигяр Р. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана. E-mail: nigar22@gmail.com.

Gezalova Nigar — PhD in history, leading researcher at the Institute of History named after A.A. Bakikhanov NAS. Azerbaijan. E-mail: nigar22@gmail.com.

тяжелое поражение, отступила. 13 сентября 1826 г. в битве под Гянджой каджарская армия вновь была разгромлена. Это практически решило исход войны. Российские войска, захватив Нахичевань (июнь 1827), Аббас-абад (июль 1827), Сардар-абад (сентябрь 1827), Иревань (октябрь 1827), а затем и Тебриз (октябрь 1827), стали угрожать напрямую Тегерану.

Сразу после первого поражения каджарских войск, шахские власти направили своих эмиссаров для заключения мирного договора. Однако в силу ряда причин, в том числе жесткой позиции России и неопределенной — каджарского Ирана, соглашение не было достигнуто. В феврале 1827 г. Фатали шах, стремясь начать мирные переговоры, направил своего представителя Мирзу Мухаммед-али в столицу Российской империи. Однако Ермолов отказался позволить шахскому посланнику выехать в Петербург, настаивая, чтобы переговоры велись на Южном Кавказе. После захвата Нахичевани к И.Ф. Паскевичу¹ явились секретарь британской миссии Кемпбелл² и бейлербей Тебриза Фатали хан. Они стремились убедить Паскевича в том, «что Персидский двор согласен на все пожертвования»³. Кроме того, стало известно, что шах требовал от Аббаса Мирзы «в случае взятия Иревани прекратить войну»⁴.

Однако реально переговорный процесс начался только после захвата Тебриза, разгрома каджарских войск и прямой угрозы потерять всю Азербайджанскую провинцию. Таким образом, в ходе второй русско-иранской войны первая попытка заключить мирный договор была предпринята в Кара-Зияддине (20—25 июля 1827 г.). Второй этап переговоров прошел в Дей-Каргане (ноябрь 1827 г. — январь 1828 г.), где проводилась непосредственная подготовка мирного договора, с участием специальных уполномоченных, секретарей и советников. Третий, завершающий этап переговоров состоялся в Туркманчае (7—10 февраля 1828 г.), где и был подписан мирный договор⁵, положивший конец русско-иранской войне 1826—1828 годов.

Британское правительство, допуская полное поражение Ирана, пыталось предложить России свое посредничество. В объяснениях российского посла в Лондоне Х.А. Ливена с Дж. Каннингом⁶ было четко указано на неприемлемость такого посредничества⁷. Переговоры между Каннингом и Ливеном по данному вопросу проходили с декабря 1826 по февраль 1827 года. Каннинг ясно дал понять, что проблемы территориальной целостности каджарского государства и сохранения каджарского трона выходят за рамки русско-иранских отношений. Поэтому вмешательство Британии совершенно законно, поскольку дело касается ее непосредственных интересов и принятых ею официальных обязательств перед Ираном⁸.

Поскольку Британия стремилась сдерживать русскую экспансию на Кавказ, Фатали шах и Аббас Мирза в 1798—1828 гг. относились к ней весьма благосклонно⁹. В январе 1827 г. они потребовали от членов британской миссии выполнения условий Тегеранского договора (1814) о предоставлении субсидий и направлении Ост-Индской компанией офицеров для боевого руководства каджарскими войсками¹⁰. В феврале 1827 г. Аббас Мирза обратился к Уильяму Уинну, президенту Совета управления Ост-Индской компании, с просьбой о посредничестве¹¹. Однако в мае 1827 г. наследный принц получил окончательный ответ от британского представителя, в котором тот уведомлял, что «Британское правительство не считает, что Иран имеет право на субсидии, так как когда шах начал войну, никаких *casus foederis* не возникло»¹². В отличие от Каннинга, который придерживался позиции невмешательства Великобритании в данный конфликт, сменивший его на посту министра иностранных дел Д. Дадли считал, что интересы Британии требуют, чтобы «Россия позволила вмешательство дружественных и союзных государств, как Британия, в вопросы, касающиеся России и азиатских стран»¹³.

7 (19) сентября 1826 г. Д. Макдональд предложил командующему русскими войсками на Кавказе Паскевичу свое посредничество, тем самым давая понять Фатали шаху, что Британия поддержит его позицию в ходе переговоров¹⁴. Однако в инструкции министра иностранных дел К.В. Нессельроде генералу Паскевичу отмечалось: «При заключении с Персией Гюлистанского трактата, Английская миссия принимала деятельное участие в переговорах, хотя в самое время окончательного постановления и подписания трактата никто не присутствовал из членов оной... Обстоятельство сие обратило высочайшее внимание... Е.И.В... Сообразно с сим можно ответствовать начальнику оной, что миролюбивые его внушения персиянам будут нами приняты во всякое время новым доказательством искренней дружбы существующей между Россией и Англией, но что касательно посредничества в переговорах наших не имея на то высочайшее повеление, принять оно не считаете себя в праве»¹⁵. В то же самое время в предписании Ермолова генерал-адъютанту Паскевичу от 25 октября (6 ноября) 1826 г. отмечалось, что Паскевичу следует вступить в переговоры с кадjarской стороной относительно обмена военнопленными, но отклонить посреднические услуги британского поверенного в делах в Иране, если тот их предложит¹⁶.

Основные положения будущего договора были выработаны в Петербурге и изложены в ряде документов, направленных Паскевичу — командующему войсками на Кавказе и уполномоченному на заключение мирного договора с Ираном. Документы были доставлены в лагерь при Джалал-оглу 24 мая 1827 г. статским советником А.М. Обресковым, назначенным вторым уполномоченным и, одновременно, начальником дипломатической канцелярии Паскевича¹⁷. В донесении от 24 мая 1827 г. Паскевич благодарил императора за получение через Обрескова «проекта мирного и торгового трактатов»¹⁸.

Летом 1827 г., еще до захвата Иревани и Сардар-Абада, Аббас Мирза написал Паскевичу письмо, которое было привезено в русскую ставку секретарем канцелярии наследника Мирзой Салехом. В нем утверждалось, что шах не хочет уступать России Иреванское и Нахичеванское ханства. В своем ответе Паскевич подчеркнул «непреложность» условий России, возлагая ответственность за продолжение войны на кадjarскую сторону, и уведомил о направлении к Аббасу Мирзе для продолжения переговоров А.С. Грибоедова, который с апреля 1827 г. был ответственен за дипломатические отношения с Ираном и Турцией. После поражения кадjarских войск под Аббас-абадом Аббасу Мирзе ничего не оставалось, как согласиться на обсуждение условий мира. С российской стороны переговоры вел Грибоедов. В соответствии с общей инструкцией Паскевича, ему поручалось изложить наследнику шахского престола «истинные требования» России.

В ходе переговоров с Аббасом Мирзой и другими кадjarскими сановниками в селении Кара-Зиадин 20—25 июля 1827 г. Грибоедов твердо отклонил все претензии Аббаса Мирзы и отказался обсуждать «все, что предшествовало войне». В донесении Паскевичу от 30 июля (11 августа) 1827 г. Грибоедов дословно передал свое заявление Аббасу Мирзе в кадjarском лагере: «Вы сами предпочли решать дело оружием. Кто первый начнет войну, никогда не может сказать, чем она кончится»¹⁹. Грибоедов признавался Паскевичу, что он «перешел границы порученного», но считал, что это поможет скорее договориться о мире. Несмотря на то, что Грибоедовым уже был подготовлен проект соглашения о перемирии, кадjarская сторона отказалась продолжать переговоры. В ответ Грибоедов стал угрожать возможностью занятия русскими войсками всей провинции Азербайджан и предоставлением ему независимости, поскольку народ недоволен теперешним правительством, и некоторые ханы изъявляют желание перейти на сторону России²⁰. Хотя переговоры не дали результатов, тем не менее, пребывание российского представителя в кадjarском лагере позво-

лило Паскевичу правильно оценить положение в Иране. Грибоедов писал: «Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Азербейжана (Тебризе. — Г.Н.), если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудит в них прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы ныне им предлагаем»²¹. И действительно, кадjarская сторона осознала необходимость переговоров и скорейшего заключения мирного договора только после взятия русскими войсками Сардарабада, Иревани и, конечно, Тебриза. Сразу после захвата Тебриза (октябрь 1827 г.)²² Аббас Мирза направился в Маранд для личной встречи с Паскевичем, чтобы начать мирные переговоры, но в дороге получил письмо от него, переданное через Джона Кемпбелла, секретаря британской миссии в Иране, чтобы он ожидал его решения когда и где будут проведены мирные переговоры. Аббас Мирза вместе с сардаром Иревани выехал в Салмас, где и ожидал начала мирных переговоров²³. Уполномоченными вести переговоры наследник назначил своего каймакама Абуль Касема Фарахани и бейлербея Тебриза Фатали хана.

В августе-сентябре 1827 г., после полугодового перерыва, Дадли через Ливена вновь, в третий раз, предложил России посредничество для заключения мира с Ираном. Интересно, что Нессельроде вновь выразил неизменную позицию России по данному вопросу, заметив, однако, что если англичане стремятся к миру, они должны убедить шаха принять российские условия²⁴. Британское правительство решило вновь отправить в Иран хорошо знакомого с регионом Генри Уиллока. Ему, в качестве специального британского посланника, поручалось сделать все возможное, чтобы обеспечить минимальный ущерб для Ирана при заключении мирного договора. Уиллок отправился в Иран через Петербург, где надеялся подробнее разузнать о позиции русских и уступках, на которые они готовы были пойти, предполагая, что это поможет ему повлиять на ход русско-иранских переговоров.

После падения Иревани (октябрь 1827г.) глава британской миссии в Иране Макдональд несколько раз посылал Кемпбелла к Паскевичу с предложением о посредничестве Британии²⁵. Письма и донесения Макдональда объясняют причину обеспокоенности и желания как можно скорее добиться прекращения русско-иранской войны. В депеше секретарю политического департамента при генерал-губернаторе Индии Дж. Суинтону от 1 ноября 1827 г. сообщалось, что, если после взятия Тебриза Паскевич продолжит наступление, то «это может вызвать революцию в стране», и на троне может оказаться правитель, который позволит России от его имени управлять Ираном и создать армию под командованием русских офицеров, которая «со временем может подчинить пограничные районы, расположенные по Инду», и тогда «Россия получит возможность прямо или косвенно распоряжаться судьбами Центральной Азии»²⁶. В этой обстановке Макдональд, по просьбе Аббаса Мирзы, поручил Д. Макнилу — врачу британской дипломатической миссии, пользовавшемуся доверием Фатали шаха²⁷, — убедить последнего в необходимости принять ультиматум России, несмотря на его тяжелые условия²⁸.

Однако осенью 1827 г. Николай I, убедившись в затягивании кадjarской стороной мирных переговоров, приказал Паскевичу продолжить военные действия и ужесточить требования к Ирану, а если шах откажется от предложенного мира, приступить к созданию на занятой территории в Азербайджане и Гилянe «независимых ханств» под покровительством России. Дальнейшие события показали, что это была скорее угроза с целью принудить кадjarскую сторону пойти на предложенные условия мира.

Местом переговоров Паскевич назначил селение Кара-Мелик, недалеко от Тебриза, направив туда Обрескова. Перед началом переговоров Паскевич через Грибоедова в очередной раз отклонил посредничество британского посла и,

более того, попросил его покинуть лагерь наследника на время переговоров. В ответ Макдональд заявил, что у него не было намерений быть посредником в ходе переговоров, так как он не имеет для этого полномочий своего правительства. Относительно визитов Кемпелла к Паскевичу он заявил, что они осуществлялись по личной просьбе Аббаса Мирзы²⁹. Сам Макдональд вернулся в Тебриз, чтобы подготовить дальнейшую эвакуацию британской миссии на случай продолжения наступления русских вглубь Азербайджанской провинции.

Переговоры Паскевича с каймаком Фарахани и Фатали ханом состоялись 21—22 октября (2—3 ноября) 1827 года. Российская сторона требовала уступки Ираном Иреванского и Нахичеванского ханств, возвращения захваченной части Ленкоранского ханства и выплаты контрибуции в 15 куруров³⁰. Кроме того, русские войска планировали занять провинцию Азербайджан до полной выплаты всей этой суммы. Мирный договор российские уполномоченные собирались подписать только при получении ее трети (10 млн руб., или 5 куруров³¹)³². На следующий день, 4 ноября 1827 г., Паскевич, в сопровождении Грибоедова, встретился с британским посланником, где также заявил о неизменности этих требований. Несмотря на заверения Макдональда о неприемлемости данных условий для каджарской стороны и о том, что для Ирана невозможно выплатить столь огромную сумму, Паскевич заявил: «если Шах не даст денег, мы пойдем в Тегеран, и сами возьмем». Макдональд подтвердил свою готовность сделать все возможное, чтобы побудить шаха выплатить требуемую сумму даже поехав для этого в Тегеран. В ответ Паскевич пригласил его посетить место конференции в Дей-Каргане³³. Получив письменное согласие Аббаса Мирзы на выдвинутые условия, Паскевич и Обресков стали готовиться к подписанию мира³⁴.

Местом заключительных переговоров должно было стать селение Дей-Карган³⁵, куда съехались уполномоченные России и Ирана. Переговоры продолжались с 10 (22) ноября 1827 по 7 (19) января 1828 года³⁶. С каджарской стороны в них участвовали: Аббас Мирза, каймак Мирза Абуль-Касем, Мирза Мамедали и Мирза Масуд. Русская делегация была представлена генералом Паскевичем, старшим советником Обресковым, Влангали³⁷ (от Коллегии иностранных дел), Аббасом Кули-ага Бакихановым³⁸, Грибоедовым (редактором протоколов конференций), его помощником Амбургером и Киселёвым³⁹. Таким образом, официально британские дипломаты не участвовали в переговорах в качестве посредников, но принимали участие в ходе переговоров в статусе личных неофициальных советников Аббаса Мирзы⁴⁰.

Иран не предложил собственный проект текста мирного договора, но выдвинул требование включить некоторые свои предложения в русский проект: к примеру, статью о признании Аббаса Мирзы наследником каджарского престола⁴¹. Аббас Мирза согласился на уступку России Иреванского и Нахичеванского ханств и возврат ей части Ленкоранского ханства. Пограничная линия должна была проходить по реке Аракс. В ходе переговоров российская сторона пошла на уступку, сократив сумму контрибуции до 10 куруров (20 млн руб. серебром), оставив в силе все прочие условия⁴². До получения всей суммы Азербайджанская провинция⁴³ должна была остаться под управлением России.

На время переговоров с 21 ноября по 10 декабря 1827 г. объявлялось перемирие⁴⁴. 21 ноября Паскевич и Аббас Мирза подписали Акт о перемирии⁴⁵. Согласно этому соглашению, в течение 30 дней каджары должны были выплатить 5 первых куруров. Макдональд в письме Макнилу, находившемуся в Тегеране, писал: «Я прошу вас немедленно по получению этого письма испросить у шаха аудиенции... и объяснить ему лично, не стесняясь в выражениях, приличествующих создавшейся неотложности, все печальные обстоятельства военной кампании. Эривань пала; Тебриз сдался без боя; премьер министр в плену; принц лишился армии; весь Азербайджан захвачен неприятелем; русские принимают

депутации с изъявлениями покорности изо всех мест. По моему мнению, одно лишь немедленное прекращение огня спасет трон его величества... Персия не имеет альтернативы... если вам удастся убедить шаха послать с Мирзой Абдул Хассанханом семь или восемь куруров, дела устроятся наилучшим образом. В заключение, повторю, что никакой договор о мире не будет возможен до уплаты пяти куруров. Но если шаха удастся убедить и он уплатит семь или восемь куруров, принц сможет купить у русских раннюю эвакуацию его владений»⁴⁶.

Таким образом, Британская миссия в Иране принимала активное участие в переговорах с каджарским правительством. Макнил в Тегеране пытался убедить шаха выплатить необходимую контрибуцию, а британский посол Макдональд, находившийся в Тебризе, являясь советником Аббаса Мирзы на переговорах с русскими, старался снизить требования последних до выполнимых.

30 ноября Макнил получил от Мирзы Абдул-вахаба просьбу о немедленной встрече⁴⁷. Из Тебриза пришли письма о прелиминариях, подписанных на указанных выше условиях Аббасом Мирзой и Паскевичем. Однако тегеранское правительство не желало платить по этим договоренностям. Фатали шах соглашался выплатить только три курура сразу, еще два — в течение шести месяцев, причем лишь при условии, что граница пройдет по Араксу, а русские немедленно уйдут из Азербайджана. Все условия прежнего, Гюлистанского договора, подтверждались, за исключением новой линии границы. Однако путем долгих переговоров Макнилу удалось убедить шаха выплатить необходимые пять куруров — три золотом, а два драгоценными камнями и иными ценностями. Так как единственным доверенным лицом в Тегеране, которому доверяли и русские, и каджары, был сам Макнил, стороны предложили ему взять куруры — три золотом, а два серебром — себе домой. Макнил отказался, и контрибуцию предложили собрать во дворце Манучехр хана⁴⁸, где Макнил должен был принять сокровища по доверенности, предоставленной ему российской стороной.

После этого начались изнурительные торги о добавочных курурах — двух или трех — как уплате за немедленный вывод русских войск из Азербайджана. Шах не желал слышать о трех курурах сверх пяти и предложил Аббасу Мирзе самому заплатить за свою провинцию Азербайджан. 17 декабря Макнил писал в Тебриз Макдональду: «Дела обстоят так, что я не способен повлиять на его величество и придать делу верное направление...»⁴⁹

Для перевозки серебра и золота понадобились 1600 мулов. 27 декабря караван двинулся из Тегерана в сторону Тебриза. Через день со стороны Тебриза в столицу выехал посланник Паскевича Вольховский⁵⁰. Когда переговоры в Дей-Каргане были прерваны, Макдональд написал Суинтону 15 декабря 1827 г.: «возобновление военных действий могло бы привести к падению династии, сохранение которой отвечает не только желаниям, но и интересам Англии»⁵¹. Тем не менее шах приказал остановить все выплаты до вывода русских войск из Азербайджана, а караван с пятью курурами остановить в Казвине⁵².

Тем временем, после Наваринской битвы⁵³ возникла тупиковая ситуация на переговорах в Дей-Каргане: султан Махмуд II подстрекал Иран к новому выступлению против России⁵⁴, а шах, в свою очередь, с большой надеждой ожидал начала русско-турецкой войны. Каджарское правительство решило направить в Британию своего уполномоченного по внешнеполитическим делам Мирзу Абуль-хасан хана, надеясь добиться вмешательства Лондона в переговорный процесс, что позволило бы Ирану рассчитывать на смягчение условий мирного договора с Россией⁵⁵. Однако, несмотря на все уговоры Аббаса Мирзы, эта миссия была отложена Фатали шахом, которого британский посланник сумел убедить в бесполезности этой миссии⁵⁶. Россия, в свою очередь, стремилась к скорейшему заключению мира с Ираном, чтобы развязать себе руки и избежать войны на два фронта, так как перспектива конфликта с Турцией

была очевидна. Фатали шах отказался утвердить уже подписанное Аббасом Мирзой соглашение, решив, что сможет заключить мир на более выгодных условиях. С этой целью он пытался затянуть переговоры в Дей-Каргане⁵⁷, но пространства для маневра у него не было.

17 (29) декабря Фатали шах направил уполномоченного по внешнеполитическим делам Мирзу Абуль-хасан хана⁵⁸ к Паскевичу с известием, что пока российские войска не отступят за Аракс, шах не выплатит контрибуцию и не ратифицирует мирный договор. Доставка первых трех куруров была задержана в Казвине до завершения переговоров⁵⁹. Подобный шаг каджарского правительства был расценен Паскевичем, как попытка затянуть переговоры и заключение мирного договора. 7 (19) января 1828 г. шахским представителем была вручена «Декларация российских уполномоченных о причинах разрыва», в которой объявлялось, что командование русских войск вынуждено «прибегнуть к оружию как к единственному средству добыть себе справедливое удовлетворение»⁶⁰.

В связи со сложившейся ситуацией, по распоряжению русского командования, были возобновлены военные действия. Войска кавказского корпуса 25 января 1828 г. заняли Ардебиль⁶¹, а на правом фланге вышли к Хою и заняли Урмию. Таким образом, вскоре российские войска оккупировали Урмию, Ардебиль и Мияне. Дорога на Тегеран была открыта. Иран не мог больше медлить с заключением мира, и шах согласился на все условия, предложенные Россией⁶². Когда авангард российских войск достиг Уджана, Паскевич встретился с Макдональдом, который сообщил, что шах принимает все предложенные ранее условия мира⁶³.

Сложившаяся критическая ситуация заставила британскую миссию в Иране более настойчиво убеждать шаха в необходимости заключения мира. При таких обстоятельствах российское командование не противилось фактическому посредничеству англичан, по-прежнему отвергая официальное⁶⁴. В условиях критической политической ситуации, сложившейся в Тегеране в связи с недовольством части правящей элиты Аббасом Мирзой и нежеланием Фатали шаха выплачивать громадную контрибуцию, положение наследника значительно пошатнулось. В такой обстановке англичане, как и русские, сделали ставку на Аббаса Мирзу как на более стабильную силу в каджарском Иране. В рапорте генерала Паскевича Николаю I говорилось: «Англичане гораздо более персиян соболезнуют об участии Аббас-мирзы; они не скрывают своего опасения, что Азербейджан, по всей справедливости, может за нами остаться, и тогда могущество их истинного союзника в Персии рушится. Здесь, в Тавризе, корень их настоящего влияния. Кроме Аббас-мирзы, несмотря на расточительность их дипломатов, никто их не только покровительствовать, но и терпеть не будет. С утратою Азербейджана английские чиновники могут сесть на корабли в Бендер-Бушире и возвратиться в Индию... Негодование на шаха за скупость, которая, по их мнению, есть главное препятствие к миру, они выражают сильно и открыто. В дружеском разговоре министр Макдональд признался Грибоедову, что трактат, заключенный Гор-Узелеем (британский посланник в Иране в 1810—1814 гг. — *Г.Н.*), почитает для Англии чрезвычайно тягостным и уже предложил двору своему за одновременную сумму согласиться с шахом об уничтожении некоторых статей, как то посредничество в войнах Персии, 200 000 туманов ежегодных субсидий...»⁶⁵ Паскевич согласился приступить к заключению договора, но не в Тебризе, как настойчиво предлагали британские дипломаты, а в селении Туркманчай⁶⁶.

В связи с взаимным недоверием сторон, британская миссия в Тебризе должна была хранить у себя доставленную часть контрибуции до тех пор, пока Аббас Мирза, Абуль-хасан хан и Макдональд не сочтут нужным передать ее русским властям⁶⁷. 30 января (11 февраля) в Мияну были доставлены три курура туманов, а затем — еще два. Шах приказал Аббасу Мирзе вернуться в ставку Паскевича для подписания мирного договора⁶⁸. 6 (18) февраля в селе-

ние Туркманчай прибыли русские и кадjarские уполномоченные, и в ночь с 9 (21) на 10 (22) февраля был подписан мирный договор, состоявший из 16 статей⁶⁹. Текст его был составлен на французском и персидском языках. Под французским текстом подписи поставили Паскевич и Обресков, а под персидским — Аббас Мирза и Абуль-хасан хан.

В первой статье трактата провозглашались «мир, дружба и совершенное согласие» между Россией и Ираном. Гюлистанский договор 1813 г. был объявлен недействительным и заменялся условиями Туркманчайского (ст. II). Статья III гласила: «Его Величество шах Персидский от своего имени и от имени своих наследников и преемников уступает Российской империи в совершенную собственность Ханство Эриванское по сю и по ту сторону Аракса, Ханство Нахичеванское». Согласно статье IV, граница между Россией и Ираном должна была проходить по реке Аракс. В V статье иранский шах от своего имени и от имени своих наследников признавал «все земли и все острова, лежащие между пограничною чертою и между хребтом Кавказских гор и Каспийским морем», а также все народы, живущие там, за Россией. Иран должен был выплатить России контрибуцию в размере 10 куруров туманов или 20 млн рублей серебром (ст. VI)⁷⁰. Статья VII гласила: «Его Величество Император Всероссийский... обязуется признавать отныне в августейшем лице Его Высочества Принца Аббас-мирзы преемника и наследника Персидской Короны, а по вступлении его на престол почитать его законным государем сей Державы»⁷¹. Договор также устанавливал свободу торгового судоходства по Каспийскому морю для русских и кадjarских судов, а также подтверждал исключительное право России содержать военный морской флот на Каспийском море: «Относительно же военных судов... кроме России, никакая другая Держава не может иметь на Каспийском море судов военных» (ст. VIII). Стороны обменивались миссиями на уровне посланников или поверенных в делах (ст. IX)⁷². Статьи X и XI были посвящены вопросам установления консульских и дипломатических отношений. Статья XII провозглашала, что подданные обеих стран, имеющие недвижимость на территории противоположной страны, обладали правом в течение трех лет свободно продавать или обменивать ее⁷³. Согласно статье XIII, «все военнопленные обеих сторон... должны быть освобождены и возвращены в течение четырех месяцев». По статье XIV, «ни одна из Высоких договаривающихся сторон не будет требовать выдачи переметчиков и дезертиров, перешедших в подданство другой до начатия последней войны или во время оной...» Согласно XV статье трактата, шах обязывался даровать полное прощение всем тем, кто оказывал услуги русским войскам во время войны, и не препятствовать их переселению в русские пределы⁷⁴. Несмотря на то, что в договоре конкретно не упоминалось, о ком шла речь, совершенно очевидно, что в данном случае имелись в виду армяне, массовое и организованное переселение которых началось сразу после подписания мирного договора. Данный договор должен был быть ратифицирован в течение четырех месяцев⁷⁵.

Одновременно был подписан «Особый акт (о торговле)», заключенный в Туркманчае 10 февраля 1828 г., состоявший из девяти статей и имевший силу наравне с мирным договором⁷⁶. К концу марта 1828 г. все российские войска покинули провинцию Азербайджан⁷⁷.

В течении всей войны Россией реквизировались значительные ценности в оккупированной Азербайджанской провинции кадjarского Ирана: произведения искусства, золотые и серебряные украшения, книги, ардебильская библиотека, манускрипты⁷⁸ и контрибуционное золото⁷⁹.

Туркманчайский мирный договор завершил русско-иранскую войну 1826—1828 гг., предоставив России большие территориальные приобретения, имевшие огромное стратегическое и политическое значение, и привел к упрочению позиций России на Ближнем Востоке. В то же время договор ослаблял позиции

Британии в данном регионе. Одним из важных пунктов договора была статья VIII, по которой России представлялось исключительное право иметь на Каспийском море военный флот.

Таким образом, в итоге, по Туркманчайскому договору, Россия приобрела широкие торговые льготы и доминирующее политическое влияние в каджарском Иране, установила свой полный контроль на Южном Кавказе, а также добилась полного господства на Каспии, открыв для себя возможность дальнейших завоеваний в Центральной Азии. Поэтому исход второй русско-иранской войны усилил опасения Британии, связанные с угрозой России Британской Индии. По мнению Ф. Казем-заде, после нее «была подготовлена сцена для длительного соперничества между Россией и Англией, поединка, который являлся определяющим фактором в делах Центральной Азии и Ближнего Востока до тех пор, пока мощь Британии не стала клониться к закату после второй мировой войны»⁸⁰.

Подписание Туркманчайского мирного договора британский посол Макдональд расценил как «событие неопределимого значения не только для Персии, но и для Англии». В своем докладе генерал-губернатору Индии от 22 февраля 1828 г. он писал: «Мир спас первую (Иран) от неминуемой гибели, а нас — от риска столкновения с петербургским двором, в которое, по мере успехов русского оружия, мы несомненно оказались бы втянуты»⁸¹. Однако Суинтон счел, что Паскевич удачно использовал Макдональда для достижения очень выгодного для России мира, а Британии пришлось дорого заплатить за него, оказав финансовую помощь Аббасу Мирзе в выплате контрибуции. Это замечание побудило Макдональда объяснять свою позицию генерал-губернатору Индии Бентинку следующим образом: поскольку Британия «непосредственно заинтересована» в сохранении каджарской монархии, то он и действовал в этом направлении, иначе, Иран «вскоре должен был бы оказаться в зависимости от России»⁸².

Британские дипломаты пытались найти точки соприкосновения для урегулирования конфликта между сторонами. Позиция Британии, направленная на заключение мира на любых условиях, чтобы спасти каджарскую династию, сыграла важную роль при ведении мирных переговоров. Деятельности Макдональда была дана самая высокая оценка со стороны князя Долгорукого — русского посланника в Тегеране, описавшего его как «человека доброммыслящего»⁸³, и Нессельроде, который назвал его человеком «благородного характера»⁸⁴ и признавал, что влияние британской миссии было «благоприятно со времен заключения Туркманчайского мира, при заключении которого она, как вам известно, оказала нам услуги»⁸⁵. Именно по рекомендации Нессельроде, император наградил орденами и подарками Макдональда и Макнила, а также других членов британской миссии⁸⁶.

В. Ален и П. Муратов в работе «История войн на турецко-кавказской границе» приходят к выводу, что «Туркманчайский договор, несомненно, устранил персов как фактор в закавказской политике»⁸⁷. А. Мюрел справедливо указал: «Одним из главных результатов войны за Кавказ было ослабление каджарской династии и одновременно усиление иностранного вмешательства в иранские дела»⁸⁸.

Заключение Туркманчайского договора вызвало изменения во взаимоотношениях между каджарским Ираном и Британией. Шахское правительство остро нуждалось в деньгах для выплаты военной контрибуции, предусмотренной условиями договора. Британия, желая скорейшим образом избавиться от своих договорных обязательств с Ираном, предложила частично оплатить контрибуцию в обмен на аннулирование специальных статей Тегеранского договора об оказании военной и финансовой помощи этой стране. По оценке каджарского двора, Британия, согласно Тегеранскому соглашению, была обязана выплатить 400 тыс. туманов⁸⁹, так как война длилась два года. Макдональд пообещал выплатить 250 тыс. туманов⁹⁰. В марте 1828 г. было заключено англо-иранское

соглашение об аннулировании IV и VI статей Тегеранского договора (1814 г.) и предоставлении Британией Ирану 200 тыс. туманов⁹¹. 12 марта 1828 г. Макдональд в письме членам тайного комитета Ост-Индской компании писал: «Имею честь вас уведомить, что сегодня выписал тройной вексель на ваше имя в пользу Аббас-Мирзы на сумму в 200 тыс. туманов ... на счет Ост-Индской компании»⁹². Фактически Макдональд воспользовался тяжелым положением Аббаса Мирзы, на которого шах переложил обязанность уплаты 7-го и 8-го куруров. Макдональд предложил наследнику финансовую помощь при условии отмены IV и VI статей Тегеранского договора. Очевидно, что Британия уже не видела необходимости в обязательствах перед Ираном, поэтому, не упустив удобный случай, откупилась от этих двух статей⁹³. «Макдональд воспользовался благоприятными обстоятельствами момента; предложил двести тысяч туманов Аббасу Мирзе, тем самым решив сразу две задачи: ускорив эвакуации из Персии Российской армии и выполнив пожелания секретного комитета Совета Директоров (Ост-Индской компании. — Г.Н.), который, понимая политическое значение, считал необходимым освободить британское правительство от неудобных положений третьей и четвертой статей договора, заключенного господами Эллис и Морьером»⁹⁴.

Оценка этих событий в западной историографии неоднозначна. Так, по мнению Д. Кея, «Британия давно ожидала удобного случая, чтобы избавиться от 4-й и 6-й статей Тегеранского договора. Теперь же когда этот случай наступил, Фатали шах остался беззащитным, а Британия смотрела на него, как жадный и бесчеловечный ростовщик смотрит на своего должника»⁹⁵. Таким образом, Британия, воспользовавшись финансовыми затруднениями шаха, добилась ликвидации IV и VI статей. Содействие Британии в получении контрибуции с Ирана объяснялось опасениями, что оккупация провинции Азербайджан при невыплате контрибуции могла превратиться в аннексию. Об этом упоминает П. Авери: «если возмещение не будет уплачено в течение шести месяцев, то Россия обещала отделить провинцию Азербайджан от остальной части страны навсегда»⁹⁶. Мюрел замечал, что Макдональд выделил Каджарам 200 тыс. туманов не для прекращения войны, а для того чтобы Аббас Мирза не уступал русским требованиям⁹⁷. Э. Инграм указывал что, выделив средства для контрибуции, англичане добились ее своевременной выплаты, так как опасались, что Россия может начать новые военные действия против Ирана⁹⁸. А. Сайкс считал: «Ликвидация двух статей Тегеранского договора, неприемлемых в новой обстановке, оказала хорошую услугу Великобритании, так как уплата контрибуции была связана с большими трудностями для ее союзника»⁹⁹.

Что же касается обстановки на Востоке, то она была довольно сложной. Началась русско-турецкая война. Шахское правительство, учитывая связанное с ней затруднительное положение России, медлило с ратификацией и исполнением Туркманчайского договора. Российское правительство ратифицировало мирный договор с Ираном в марте 1828 года. Что же касается ратификации Туркманчайского договора со стороны Ирана, то она последовала лишь в июле 1828 г. (на четыре месяца позже России), и только после настояний приехавшего в Тегеран А.К. Амбургера¹⁰⁰.

Большим успехом российской, а также британской дипломатии во время второй русско-иранской войны следует считать то, что им удалось не допустить вмешательства или участия Османской империи. По мнению Инграма, осторожность и даже пассивность Британии в ходе русско-иранской войны была связана, прежде всего, с надеждой предотвратить русско-турецкую войну¹⁰¹. Однако она вспыхнула, когда еще не успели высохнуть чернила на русско-иранском договоре (1828—1829)¹⁰².

Западная историография крайне противоречива в оценке причин и итогов русско-иранской войны 1826—1828 годов. По мнению Макнейла, только бла-

годаря Британии Иран сохранил независимость после русско-иранских войны. П. Сайкс не соглашается с этой оценкой и считает, что после Туркманчая каджарский Иран перестал быть независимым государством, а Кей уверен, что Британия была только пассивным наблюдателем военной активности России¹⁰³.

С начала XIX в. англо-иранские связи оказались переплетенными с русско-иранскими отношениями. В рассматриваемый период наблюдалось не только соперничество между Британией и Россией, но и их явное взаимодействие и даже сотрудничество¹⁰⁴. Согласно Э. Инграму, «с 1798 г. по 1828 г. Британия пыталась установить русско-персидские границы в согласии с Россией, а не вопреки ее желаниям»¹⁰⁵. Ближневосточная политика Великобритании на данном этапе заключалась в том, чтобы победы России над Ираном и Османской империи не поставили под угрозу безопасность ее колоний в Индии, поэтому британские дипломаты приняли активное участие в русско-иранских переговорах, которые привели к заключению Туркманчайского мирного трактата.

Неудачные войны с Россией оказали сильное воздействие на политическую обстановку в Иране. Правящие круги были вынуждены считаться с фактом превращения Ирана в страну, ставшую объектом соперничества между колониальными державами. По мнению Инграма, начиная вторую русско-иранскую войну, правящие круги Ирана рассчитывали не столько на победу, сколько на активизацию Британской политики в деле оказания Ирану финансовой и дипломатической поддержки.

Начиная с этого момента Иран стал страной, переживающей прелюдию «большой игры», которая вскоре развернулась между Россией и Британией на Ближнем Востоке¹⁰⁶. Туркманчайский договор олицетворял конец имперской истории Ирана. Можно с уверенностью сказать, что после империи Сефевидов и Афшаров в этом регионе больше не было империй, хотя имперские амбиции существовали у всех последующих правителей каджарской династии. Туркманчайский договор положил конец им де-юре, хотя де-факто так было уже с начала века.

По мнению Мюрела, «вторая русско-иранская война была продолжением первой войны, не подняла новых проблем и началась не в результате новых противоречий, а была возвращением к старым, нерешенным». В связи с этим он отмечал, что война на Южном Кавказе в начале XIX в. потому и велась, что этот регион был «спорной территорией»¹⁰⁷.

Давая оценку мирным договорам, положившим конец русско-иранским войнам, установившим полное господство России на Южном Кавказе, следует подчеркнуть некоторые различия между ними. Так, по Гюлистанскому договору, завершившему первую русско-иранскую войну, каджарский Иран согласился с оккупацией Россией земель Южного Кавказа, которые до этого никогда не признавали каджарскую власть, то есть сохраняли полную независимость от каджарского шаха. При заключении Туркманчайского договора ситуация была совсем иной, так как Иреванское и Нахичеванское ханства находились в номинальной зависимости от каджарского Ирана. Поэтому во второй русско-иранской войне политику Ирана следует рассматривать как оборонительную в отношении России, поскольку Иран, в первую очередь, стремился защитить границы своего государства.

Что касается вопроса о включении североазербайджанских ханств в состав Российской империи, то этот процесс оказал неоднозначное влияние на развитие единого тюркского народа Южного Кавказа и Ирана. Его политическое разделение привело к ослаблению политико-экономических и культурных позиций азербайджанских тюрков в Каджарском государстве, хотя они и являлись его основателями. Будучи единой этнической общностью и обладая общим этногенезом, единством языка, культуры и общим историческим прошлым,

после русско-иранских войн (1804—1813; 1826—1828) они разделились на кавказских и иранских азербайджанских тюрок.

Примечания

1. После отставки А.П. Ермолова в марте 1827 г. командующим войсками на Кавказе был назначен И.Ф. Паскевич.
2. Паскевич немедленно отослал его как человека постороннего и вел переговоры только с бейлербейом Тебриза Фатали ханом.
3. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК). Т. VII. Тифлис. 1878, с. 569—570.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. ВУА, оп. 1, д. 4294, л. 424.
5. Редакция всех дипломатических материалов была поручена А.С. Грибоедову.
6. После смерти министра иностранных дел Кэстлри (маркиз Лондондерри) его место занял Д. Каннинг. Он исполнял эту должность с 16 сентября 1822 по 30 апреля 1827 года. Его сменил Д. Дадли (30 апреля 1827 г. — 2 июня 1828 г.), а того, в свою очередь, Д. Абердин (2 июня 1828 г. — 22 ноября 1830 г.).
7. ADAMIYAT F. The Diplomatic relations of Persia with Britain, Turkey and Russia 1815—1830. Thesis to be presented for the Ph. D. Degree of the University of London. October, 1949, p. 164—165.
8. ДЕГОЕВ В.В., СТАМОВА И.И. Приз для победителя. М. 2013, с. 304.
9. АЛИЕВ С.М. История Ирана. XX век. М. 2004, с. 34.
10. ДЕГОЕВ В.В., СТАМОВА И.И. Ук. соч., с. 305.
11. ADAMIYAT F. Op. cit., p. 164.
12. Ibid., p. 158. Не желая обострять отношения с Россией и опасаясь парламентского скандала (дело в том, что парламенту ничего не было известно о предоставлении Ирану субсидий по договору), британское правительство отказало Ирану в субсидии. СЕМЁНОВ Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Ленинград. 1963, с. 111—112.
13. ADAMIYAT F. Op. cit., p. 167.
14. ДЕГОЕВ В.В., СТАМОВА И.И. Ук. соч., с. 303.
15. Центральный исторический архив Грузии (ЦИА Г), ф. 2, оп. 1, № 1967, л. 1; АКАК, т. VII, с. 540.
16. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. (ВНР), серия вторая, 1815—1830 гг. Т. VII (XV). М. 1992, с. 648.
17. СЕМЁНОВ Л.С. К вопросу о значении Туркманчайского договора для истории Армении. — Историко-филологический журнал. АН Армянской ССР. 1959, вып. 2, № 4, с. 106.
18. РГВИА, ф. 476, оп. 1, д. 4, л. 5.
19. АКАК, т. VII, с. 553; ЕНИКОЛОПОВ И.К. Грибоедов и Восток. Ереван. 1954, с. 7684.
20. АКАК, т. VII, с. 553—560.
21. Там же, с. 559—560.
22. Британская миссия и посланник покинули Тебриз 15 октября 1827 года.
23. WATSON R.G. A History of Persia from the beginning of the nineteenth century to the year 1858. London. 1866, p. 235.
24. INGRAM E. Britain's Persian connection, 1798—1828: prelude to the Great Game in Asia. Oxford. 1992, p. 278.
25. ADAMIYAT F. Op. cit., p. 177, 180.
26. ВНР, т. VII (XV), с. 691.
27. Вольховский в своих докладах Паскевичу отмечал большое влияние Макнила при шахском дворе. См.: АКАК, т. VII, с. 578—579. Впоследствии Макнил написал книгу, в которой подробно описал территориальные притязания России со времен Петра I как в Европе, так и в Азии. Книга была опубликована в 1836 г. под названием «Прогресс и нынешнее положение России на Востоке».
28. ADAMIYAT F. Op. cit., p. 185.
29. Ibid., p. 187—188.
30. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 4. Тифлис. 1906, ч. 1, с. 311.

31. Курур — 500 000 (полмиллиона) туманов. Туман — золотая монета от 3,45 до 6,14 грамм. 1 курур или 500 000 туманов — от 1 725 до 3 070 килограммов золота, то есть, в среднем, около двух тонн золота. 15 куруров — 30 тонн золота. По официальному курсу 1 туман был эквивалентен 4 руб. серебром, а курур — 2 млн руб. серебром.
32. АКАК, т. VII, с. 571.
33. ADAMIYAT F. *Op. cit.*, p. 188—189.
34. АКАК, т. VII, с. 584.
35. Аббас Мирза направил посланника к Паскевичу, надеясь, что получит согласие на проведение переговоров в Тебризе, но Паскевич настоял, чтобы переговоры проходили в Дех-Каргане (в 60 км к западу от Тебриза).
36. ЗУБОВ П. Персидская война в царствование императора Николая I. СПб. 1837, с. 74.
37. Специалист по турецкому и персидскому языкам, дипломат, служивший ранее (с 1820 г.) первым переводчиком восточных языков при главнокомандующем в Грузии А.П. Ермолове.
38. Аббас-Кули-ага Бакиханов — азербайджанский ученый-просветитель, поэт и писатель, писавший на азербайджанском, персидском и арабском языках. Бакиханов является основоположником азербайджанской научной историографии. Автор «Гюлистан-и Ирам» — научного исследования, посвященного истории Азербайджана и Дагестана от древнейших времен до Гюлистанского мира (1813).
39. ЕНИКОЛОПОВ И.К. Ук. соч., с. 106.
40. ADAMIYAT F. *Op. cit.*, p.188.
41. ВПР, т. VII (XV), с. 690.
42. Соглашение о сокращении выплаты контрибуции с 15 куруров до 10 было достигнуто между Паскевичем и Макдональдом «строго секретно». ADAMIYAT F. *Op. cit.*, p. 193.
43. При выработке условий мирного договора обсуждалась также возможность учреждения «независимых ханств» в пяти провинциях Азербайджана. По-видимому, впервые к этой мысли пришел начальник Главного штаба И.И. Дибич во время инспекционной поездки на Кавказ еще весной 1827 года. Николай I занял более осторожную позицию, полагая, что учреждение «независимых ханств» означало бы «раздробление Персии» и повлекло бы за собой серьезные осложнения в русско-английских отношениях. Такая перспектива действительно вызвала беспокойство руководства Ост-Индской компании и в британской миссии в Тебризе. См.: КУЗНЕЦОВА Н.А. Иран в первой половине XIX в. М. 1983, с. 58. Стоит указать, что русское правительство не настаивало на оккупации Азербайджанской провинции. Так, Николай I писал Паскевичу, что его присоединение «подает неминуемо и справедливую причину думать, что стремимся водворить со временем исключительное наше владычество в Азии, и тем самым охладим дружественные наши связи с первенствующими державами в Европе». АКАК, т. VII, с. 574.
44. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. ВУА, оп. 1, д. 4329, л. 5.
45. ДЕГОЕВ В.В., СТАМОВА И.И. Ук. соч., с. 313.
46. Memoir of the Right Hon. Sir John McNeill, G.C.B. and of his second wife Elizabeth Wilson online. London. 1910, p. 92—93.
47. Ibid., p. 94—95.
48. Евнух во дворе Фатали шаха.
49. Memoir of the Right Hon. Sir John McNeill, p. 100—101.
50. Ibid., p. 101; В.Д. Вольховский был командирован в Тегеран, чтобы ускорить отправку денежной компенсации (двадцати миллионов рублей серебром контрибуции); за отличное исполнение поручения он был произведен в полковники. АКАК, т. VII, с. 575—577.
51. ВПР, т. VII (XV), с. 691.
52. Memoir of the Right Hon. Sir John McNeill, p. 102.
53. Наваринское морское сражение 8(20) октября 1827 г. — крупное морское сражение между соединенной эскадрой России, Англии и Франции, с одной стороны, и турецко-египетским флотом, с другой.
54. Ванский паша предложил свои отряды Аббасу Мирзе. См.: Утверждение русского владычества на Кавказе, т. IV, ч. 1, с. 312; ЗУБОВ П. Ук. соч., с. 211. Эрзерумский сераскер уверял каджарских представителей, что на помощь Ирану придет 15-тысячная турецкая армия. АКАК, т. VII, с. 583.
55. WATSON R.G. *Op. cit.*, p. 233.

56. ADAMIYAT F. Op. cit., p. 176.
57. БАЛАЯН Б.П. Международные отношения Ирана. 1818—1828 гг. Ереван. 1967, с. 202.
58. ЩЕРБАТОВ. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. III. СПб. 1891, с. 30—31.
59. АКАК, т. VII, с. 575.
60. 6 января 1828 г. Николай I предложил правительствам Англии и Франции предпринять решительные меры против Турции, а Паскевич в тот же день прервал переговоры в Дей-Каргане, чтобы, угрожая Тегерану войсками отдельного кавказского корпуса, принудить кадjarов к капитуляции. БАЛАЯН Б.П. Ук. соч., с. 202.
61. РГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 3, л. 86.
62. История Востока, Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.). Т. IV. М. 2004, с. 82.
63. СЕМЁНОВ Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х гг. XIX в., с. 127.
64. ДЕГОЕВ В.В., СТАМОВА И.И. Ук. соч., с. 318.
65. АКАК, т. VII, с. 571—572.
66. ЩЕРБАТОВ. Ук. соч., т. III, с. 73.
67. ВПР, т. VII (XV), с. 691.
68. Translate of a Firman from the Shah to Abbas Mirza (16 January 1828), India Office Records, Political and Secret Department Records, Secret Letters and Enclosures from Persia (IOR). IOR/L/PS/9/89.
69. ВПР, т. VII (XV), с. 389—399.
70. 3 курура были отданы Макдальду для передачи графу Паскевичу во время подписания мирного договора, еще 5 куруров Паскевич забрал из Тебриза 19 февраля 1828 года. ЗУБОВ П. Ук. соч., с. 215—216.
71. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб. 1869, с. 215—218. По мнению А. Мюрела, статья VII «отражала желание России увеличить свое влияние над Аббас Мирзой». См.: ATKIN M. Russia and Iran, 1780—1828. Minneapolis. 1980, p. 158. Следует отметить, эта статья была включена в договор именно благодаря настояниям кадjarдской стороны.
72. Договоры России с Востоком. Политические и торговые, с. 218—219.
73. Памятная записка, написанная Грибоедовым, и заметки Паскевича свидетельствуют, что автором будущей статьи XIV был именно Грибоедов. СЕМЁНОВ Л.С. Ук. соч., с. 114.
74. Договоры России с Востоком. Политические и торговые, с. 220—222.
75. Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними странами. СПб. 1891, с. 168—172. В Туркманчае были подписаны секретные дополнительные статьи, названные в основном мирном договоре в общей форме. Они касались условий выплаты контрибуции, сроков вывода русских войск из провинции Азербайджан и назначения комиссаров для проведения демаркации границы. Секретность этим статьям была придана по желанию Ирана, так как шаху неудобно было открыто признать выплату контрибуции, чтобы не умалять свое достоинство в глазах поданных. Текст этих статей не публиковался ни в дореволюционных российских, ни в иранских изданиях договорных актов. Однако их содержание известно в исторической литературе. Они подробно изложены в трудах некоторых британских и иранских историков.
76. Этот трактат развивал основные положения Туркманчайского трактата: русским купцам разрешалось свободно торговать по всему Ирану, вести транзитную торговлю через Иран; аналогичные права признавались и за кадjarскими купцами в России (ст. I). Подтверждался установленный Гюлистанским трактатом 5-процентный таможенный сбор, отменялись внутренние таможенные сборы (ст. III); русским поданным предоставлялось право арендовать и покупать дома и склады для товаров (ст. V); устанавливалась экстерриториальность русских поданных в Иране. Россия получила право консульской юрисдикции на территории Ирана (ст. VII, VIII). См.: Договоры России с Востоком. Политические и торговые, с. 223—225.
77. ЗУБОВ П. Ук. соч., с. 218.
78. АКАК, т. VII, с. 589.
79. МИТЮРИН Д. Персидские трофеи для российской казны. — Родина. 2001, № 1, с. 88.
80. КАЗЕМ-ЗАДЕ Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М. 2004, с. 13.

81. IOR, Secret Letters and Enclosures from Persia. 42, 1828.
82. ВПР, т. VII (XV), с. 693.
83. АКАК, т. VII, с. 731.
84. Там же, с. 694.
85. Там же, с. 693.
86. Там же, с. 612.
87. ALLEN W. E.D., MURATOFF P. *Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828—1921*. Cambridge University Press. 2011, p. 21.
88. ATKIN M. *Op. cit.*, p. 159.
89. *Memoir of the Right Hon. Sir John McNeill*, p. 107. Договор 1814 г. обязывал шаха порвать отношения с враждебными Британии странами (ст. I), в случае англо-афганской войны — выступить против Афганистана (ст. VIII). По договору Британия брала на себя обязательства, в случае войны Ирана с какой-либо европейской державой, послать ему на помощь свои войска из Индии или выплачивать шаху ежегодную субсидию в размере 200 тыс. туманов, (ст. IV). Русско-иранская граница должна была быть определена при согласии Британии, Ирана и России (ст. III).
90. *Memoir of the Right Hon. Sir John McNeill*, p. 107.
91. AITCHISON C.U. *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries*. Vol. VII, XIII. Government of India Central Publication Branch Year 1892. Calcutta, p. 132—134. Договор был ратифицирован шахом в августе 1824 г.
92. РГИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 171об.
93. Макдональд, выдав Паскевичу и Обрескову аккредитив на полкурура (250 тыс. туманов), рассчитывал на эти 200 тыс., одновременно надеясь, что Кабинет расщедрится еще на 50 000. Таким образом, Макдональд поручился аккредитивом на 250 тыс. туманов за британское правительство. Однако британское правительство не выдало 50 тыс. туманов, тем самым дезавуировав гарантии своего посла, и соответственно выплатив только 200 тыс. туманов. *Memoir of the Right Hon. Sir John McNeill*, p. 107—115.
94. *Memoir of the Right Hon. Sir John McNeill*, p. 117—118.
95. Kaye, Sir John William *History of the War in Afghanistan*. Vol. I. London. 1874, p. 152—153.
96. AVERY P.W. “An Enquiry into the Outbreak of the Second Russo-Persian War, 1826—1828”, *Iran und Islam, in Memory of Vladimir Minorsky*. Edinburgh. 1971, p. 38.
97. ATKIN M. *Op. cit.*, p. 158.
98. INGRAM E. *Op. cit.*, p. 288—289.
99. SYKES P. *History of Afghanistan*. Vol. II. London. 1940, p. 321.
100. Амбургер Андрей Карлович в апреле 1828 г. был назначен генеральным консулом в Тебризе.
101. INGRAM E. *Op. cit.*, p. 284.
102. Charles King *The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus*. Oxford University Press. 2008, p. 51.
103. MACNEILL Sir John. *Progress and present position of Russia in the East*. London. 1838, p. 131; SYKES P. *Op. cit.*, p. 420; KAYE Sir John William. *History of the War in Afghanistan*. Vol. I. London. 1874, p. 152.
104. АЛИЕВ С.М. Ук. соч., с. 35.
105. INGRAM E. *Op. cit.*, p. 20.
106. АЛИЕВ С.М. Ук. соч., с. 40.
107. ATKIN M. *Op. cit.*, p. 98, 157.

Советская система страхования в условиях Великой Отечественной войны

А.В. Зотова

Аннотация. Работа подготовлена на основе анализа материалов из центральных российских архивов, а также малоизвестных опубликованных документов, представляющих собой в основном циркулярные и инструктивные письма советских финансовых органов. Их положения легли в основу организации системы страхования советских граждан в условиях Великой Отечественной войны. В настоящей публикации прослеживается динамика деятельности органов власти и исполнительных органов по реализации задач страхования населения страны в соответствии с обстановкой, складывавшейся на территории Советского Союза в 1941—1945 годах. По мнению автора, страхование граждан СССР в исследуемый период осуществлялось не столько в их интересах, сколько в целях увеличения поступлений государственных доходов в бюджет.

Ключевые слова: страхование, Великая Отечественная война, 1941—1945 гг., финансы, Народный комиссариат финансов СССР, Совет народных комиссаров СССР.

Abstract. The work prepared on the basis of the analysis of papers from the Central Russian archives, as well as little-known published documents, which are mostly circular and instructional letters of the Soviet financial organs. Their position formed the basis of the organization of insurance system of Soviet citizens during the Great Patriotic war. This publication traces the dynamics of the activities of the authorities and Executive bodies on implementation of the insurance tasks of the population in accordance with the situation in the territory of the Soviet Union in 1941—1945. According to the author, the insurance of citizens of the Soviet Union was carried out not in the interests of the inhabitants of the Soviet state but to increase state budget revenues.

Key words: insurance, the Great Patriotic war, 1941—1945, finance, People's commissariat of finance of the USSR, the Council of People's commissars of the USSR.

Советское государство на всем протяжении своего существования позиционировало себя как защитник интересов трудящихся. В статье 120 «сталинской» Конституции говорилось, что оно гарантирует гражданам «право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособно-

Зотова Анастасия Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. E-mail: anastasiyazotova@mail.ru.

Zotova Anastasiya V. — PhD in history, associate professor at the Saint-Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruevich. E-mail: anastasiyazotova@mail.ru.

сти»¹. Материальное обеспечение трудящихся при этом осуществлялось путем государственного социального страхования. В частности, в 1941 г. средства бюджета социального страхования были направлены на выплату пенсий и пособий, обслуживание детей застрахованных граждан, строительство домов отдыха, санаториев, парков культуры и отдыха, развитие физкультуры, подготовку кадров по соцстраху, развитие научных институтов, исследовавших проблемы труда и соцстрахования, врачебный контроль инспектирования условий труда². В то же время органы государственной власти нацеливали свою финансовую деятельность на максимальное отчисление средств в бюджет от граждан и организаций за счет различных видов поступлений, среди которых далеко не последнюю роль играло страхование советских людей.

Вопросам развития отечественной страховой системы посвящено большое количество публикаций, однако, лишь небольшая их часть затрагивает вопросы страховой деятельности времен Великой Отечественной войны³. Е.В. Заболотный в своей диссертации, посвященной развитию предпринимательства в сфере страхования преимущественно в послевоенный период, отмечает, что война 1941—1945 гг. «подорвала страховую систему, но не разрушила ее»⁴. В диссертации И.В. Нитяго, посвященной организационно-экономическим мерам государственной поддержки страхования урожаев сельскохозяйственных культур, и диссертации О.Е. Молотильниковой, затрагивающей проблему повышения производительности труда на основе комплексного страхования в сфере сельскохозяйственного производства, приводятся сведения о выплатах Госстраха на восстановление погибшего от стихийных бедствий имущества в размере 600 млн руб. за период войны⁵. Особый интерес представляет статья О.Н. Сусляковой и Н.С. Сергиенко, посвященная организации российской страховой деятельности в довоенный и военный период⁶. Однако авторы не использовали в своих трудах архивные документы, что не позволило им в полной мере осветить деятельность отечественной страховой системы в исследуемый период.

Спектр услуг государства в области страхования в период Великой Отечественной войны был необычайно широк. Страхование советских граждан в 1941—1945 гг. приспособлялось к условиям войны и во многом зависело не только от состояния экономики, но и от успехов Красной армии на фронте. Следует признать, что в начале войны советская страховая система была не готова к поддержке граждан страны. Об этом, в частности, свидетельствует постановление Совнаркома СССР о страховой ответственности органов Госстраха, принятое 8 июля 1941 года. В условиях наступления вермахта, когда советские войска несли колоссальные потери, и когда гибель жителей городов и сел носила массовый характер, правительство фактически расписалось в собственной беспомощности. Совнарком в тот момент был вынужден признать: «органы Госстраха не несут страховой ответственности в случаях смерти застрахованных или утраты ими трудоспособности, а также в случаях гибели или повреждения застрахованного имущества, происшедших в результате военных действий»⁷.

Наркомфин СССР сохранял свои обязательства по выплате страховых сумм за страховые случаи, связанные лишь с событиями минувшей советско-финляндской войны. В частности, не утрачивали силу указания НКФ СССР от 26 февраля 1940 г. «О выплате страховых сумм за страховые случаи, происшедшие в результате военных действий», а также подобный документ от 15 января 1941 г. «О порядке выплаты страховых сумм за пропавших без вести призванных в ряды РККА». Не утрачивал силу и документ от 6 марта 1941 г. «Об изменении порядка выплаты страховых сумм за пропавших без вести призванных в ряды РККА»⁸. Но все эти документы распространялись лишь на случаи, произошедшие до 12 марта 1940 г., то есть на момент окончания войны Совет-

ского Союза с Финляндией. В дополнение к этому инструктивному письму НКФ СССР, принятому 16 июля 1941 г., спустя более чем месяц, 19 августа 1941 г. было принято новое письмо за № 594 «Об ответственности органов Госстраха за страховые случаи, происшедшие в результате военных действий». В нем нарком финансов страны давал разъяснение о том, в каких случаях органы Госстраха осуществляют выплаты застрахованным гражданам. Манипулируя сознанием людей, авторы письма «разъясняли», что Госстрах не отказывается от своих прежних обязательств. Но, отмечалось в письме, есть некоторые исключения: «...органы Госстраха не несут страховой ответственности только в тех случаях, когда смерть застрахованного или постоянная полная или частичная потеря им трудоспособности последовали от непосредственного физического действия в военных целях огнестрельного или холодного оружия, бомб, самолетов, танков и иных машин»⁹. Иными словами, в момент, когда на поле боя ежедневно погибали тысячи советских военнослужащих, когда тысячи мирных граждан погибали в результате наступательных действий вермахта, Госстрах заявлял о том, что не отказывается от своих обязательств применительно к условиям мирного времени. Что же касается главного источника гибели людей — войны, то этот важнейший сегмент органами советского страхования был обойден стороной. Нет сомнения в том, что причиной сложившейся ситуации была невозможность государства финансово обеспечить деятельность Госстраха в условиях войны. Таким образом, советская система страхования оказалась не готова к денежной компенсации гибели советских людей в начале войны, что и поспешила закрепить юридически инструктивными письмами НКФ СССР.

Решение крупномасштабных страховых задач в условиях войны оказалось непосильной ношей для государства. Но оно стремилось хотя бы локально реагировать на вызовы времени. В частности, в ходе войны многие пенсионеры, ведомые патриотическими чувствами и вполне понятным стремлением улучшить свое материальное положение в условиях резкого ухудшения финансовой и экономической ситуации в стране, принимали решение о возвращении на производство. Стимулируя их стремление и осознавая тенденцию усиления дефицита кадров в результате призыва на военную службу значительной части трудящихся, Совнарком СССР 28 июля 1941 г. принял постановление, в котором отмечалось, что пенсионеры, вернувшиеся на предприятия, имели право на сохранение пенсий, независимо от размера получаемой заработной платы¹⁰.

Как известно, в первые месяцы войны значительные территории Советского Союза были заняты противником. В тылу врага начали активно действовать партизанские формирования. Во время войны на временно оккупированных территориях было более 6 тыс. партизанских отрядов и 300 соединений, насчитывавших в общей сложности более 1100 тыс. человек¹¹. Размах партизанского движения не остался без внимания советских финансовых органов и, в частности, Наркомфина СССР. 27 августа 1941 г. им было принято постановление, согласно которому семьи лиц, находившихся в партизанских отрядах, должны были обеспечиваться государственными пособиями в порядке, предусмотренном указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». То есть, семьи партизан были приравнены к семьям военнослужащих младшего звена¹². Этот факт подтверждался инструктивным письмом НКФ СССР 3.IX.1941 г. № 684. Однако принятый документ при всей его позитивности невозможно было реализовать на практике. Деньги оставались на открытых семьям партизан счетах, и их можно было получить лишь после изгнания врага с занятых советских территорий. Деятельность полевых сберегательных касс в этом случае была

неэффективной, поскольку доставлять деньги в партизанские формирования было делом бессмысленным.

Осень 1941 г. стала периодом, когда в стране появилась довольно крупная специфическая группа потенциальных трудящихся. Это были первые инвалиды Великой Отечественной войны, которые в силу полученных увечий были признаны негодными к военной службе. Многие из них к сентябрю-октябрю 1941 г. успели пройти стационарное лечение, в результате которого приобрели трудоспособность. Большинство инвалидов нуждалось в обучении новым профессиям. Важно было также определиться с местом работы. Решение этих задач возлагалось на наркомат социального обеспечения РСФСР и санитарное управление Красной армии. Трудоустройство инвалидов вменялось в обязанность исполнительным органам как первоочередная задача¹³. Помимо трудоустройства инвалидов органы социального обеспечения также в первую очередь должны были заботиться о трудоустройстве членов семей лиц, мобилизованных в Красную армию. По этому поводу было подготовлено отдельное инструктивное письмо народного комиссариата социального обеспечения РСФСР от 1 августа 1941 года¹⁴.

Как известно, для создания системы инженерных сооружений, призванных обеспечить более эффективную деятельность войск по противостоянию наступавшему противнику, привлекались жители городов и деревень. Многочисленные траншеи, инженерные заграждения строились незадолго до прихода врага. Противник часто осуществлял бомбардировки мест ведения работ, вел артиллерийские обстрелы, а также десантирование своих войск. В результате частыми были случаи гибели и ранения гражданского населения. Этот факт нашел отражение в циркулярном письме НКССО РСФСР от 11 сентября 1941 г., в котором рассматривался порядок назначения пенсий гражданам, пострадавшим в результате вражеских действий. В этом документе, в частности, отмечалось, что советские граждане, пострадавшие во время исполнения ими трудовой повинности или каких-либо специальных заданий по охране или обслуживанию населения, и получившие в результате этого увечья, обеспечивались по инвалидности так же, как лица, пострадавшие в результате борьбы с противником¹⁵.

Обстоятельства войны вынудили миллионы горожан перебраться на временное проживание в глубь страны. В подавляющем большинстве люди уезжали в небольшие города и в сельскую местность. Села и деревни были во многом предпочтительным местом проживания переселенцев. Хотя нахождение в сельской местности резко сужало возможность трудоустройства, оно позволяло рассчитывать на более стабильное питание. Однако местные чиновники нередко сопровождали переезд горожан по новому месту жительства их автоматическим переводом в обеспечение финансовым довольствием по нормам сельской местности. Органы социального обеспечения были вынуждены обратиться к местным властям с циркулярным письмом от 11 сентября 1941 г., в котором разъяснялось, что пособия гражданам могут назначаться по нормам сельской местности только в том случае, когда приехавшие на село горожане становятся членами колхозов или тогда, когда они имеют хозяйство, облагаемое сельскохозяйственным налогом¹⁶. С одной стороны, этот документ восстанавливал социальную справедливость, но с другой — формировал предпосылки для возникновения на местах конфликтов на бытовом уровне. Постоянным жителям сел и деревень было трудно объяснить, почему они получали пособия от государства, которые были в два раза ниже, чем у приехавших к ним горожан.

В военное время, как и до войны, система страхования включала в себя следующие виды услуг: окладное страхование, страхование государственного жилищного фонда, пассажиров в пути, сверхокладное страхование, страхование

домашнего имущества, имущества предприятий, учреждений и организаций, страхование жизни, а также страхование каботажных грузов и судов.

Результаты работы системы государственного страхования СССР по итогам 1941 г. оказались плачевными. Фактически финансовые органы, а, точнее говоря, органы государственного страхования, оказались неготовыми к действиям в условиях войны. Об этом свидетельствуют данные, характеризующие доходы государства от страхования граждан и организаций по различным показателям. Почти в два раза сократились доходы от окладного страхования, страхования домашнего имущества и имущества предприятий, учреждений и организаций. Единственной статьёй, по которой план сбора денежных средств был перевыполнен, было страхование государственного жилищного фонда (запланировано 90,6 млн руб., собрано по итогам 1941 г. 93,7 млн руб.). Представляют интерес сведения по страхованию жизни советских людей в 1941 году. План, составленный еще до войны, на тот год предполагал сбор средств в размере 335 млн рублей. На деле же было собрано 229,1 млн руб., то есть 68% от намеченной суммы. Причем основная часть средств была получена еще до начала войны. Понимая, что ситуация качественно изменилась, государство заметно снизило свои планы по сбору средств с населения и организаций по страхованию жизни. В 1942 г. по этой статье предполагалось собрать лишь 145 млн рублей. Для многомиллионного советского государства это была незначительная сумма. Фактически руководство страны тем самым подтверждало свою неспособность обеспечить страхование жизни людей в условиях войны.

Верховным Советом СССР была поставлена задача получения доходов от государственного страхования в Советском Союзе в размере 3708,6 млн рублей. На деле же было собрано 2670,8 млн руб., то есть лишь 72%. Это вынудило Верховный Совет страны более реалистично оценить возможности работы системы государственного страхования на ближайшую перспективу. В результате, высшим законодательным органом государства перед Госстрахом СССР была поставлена задача получения доходов от страхования граждан и организаций в 1942 г. в размере 1920,5 млн рублей¹⁷. Собранные с граждан СССР денежные средства на выплату страховых возмещений Госстрах направлял: на свой счет в Госбанке под 6% годовых, хотя первоначально планировалось под 8%, на счет в сберегательной кассе под 5% годовых¹⁸ и вкладывал в приобретение облигаций государственных займов¹⁹.

Военные события создали обстановку, в которой так называемое коллективное страхование, которое было распространено в СССР в довоенный период, оказалось неэффективным и, следовательно, не приносило государству денежного дохода. В ходе войны мужская часть населения массово покидала свои предприятия, уходя на фронт. В таких условиях нарушалась стабильность действий коллективных договоров, заключавшихся с трудовыми коллективами предприятий и учреждений. Встал вопрос о замене коллективного страхования на индивидуальное, что было весьма проблематично. Своеобразным переходным видом от коллективного к индивидуальному страхованию стало так называемое смешанное страхование. Для граждан создавались условия, в рамках которых индивидуальное страхование становилось более выгодным.

В 1942 г. окончательно стало ясно, что коллективные договоры работают неэффективно. НКФ СССР с 1 января 1943 г. начал вводить новые виды страхования жизни — индивидуальное страхование. При этом обязательства по коллективному страхованию не утрачивали своей силы, но одновременно формировались предпосылки для отказа от них как от менее эффективной формы страхования. Народный комиссариат финансов страны разъяснял, что вводятся

четыре формы индивидуального страхования жизни: «а) смешанное страхование, т.е. страхование на случай смерти, постоянной полной и частичной утраты трудоспособности, последовавшей в результате несчастного случая, и дожития определенного возраста...; б) смешанное страхование с дополнительной выплатой пенсий в случае смерти застрахованного; в) упрощенное смешанное страхование с видами страховых обеспечений, но заключаемое без врачебного освидетельствования на ограниченные страховые суммы на сроки 15 или 20 лет; г) страхование на случай смерти от любой причины и инвалидности от несчастных случаев; д) страхование от несчастных случаев»²⁰.

Добровольное коллективное страхование жизни с 1 января 1943 г. было прекращено, хотя договоры о коллективном страховании граждан, заключенные ранее, оставались действительными до истечения срока их действия.

В качестве своеобразных рычагов, мобилизовавших людей к переходу на индивидуальные виды страхования жизни, использовались льготы: денежные выплаты по страховому индивидуальному договору осуществлялись с учетом возраста и состояния здоровья застрахованного на момент заключения с ним еще коллективного договора, хотя за это время его здоровье могло ухудшиться.

Документом большой важности представляется постановление СНК СССР о льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронте. В соответствии с этим документом от 4 июня 1943 г., все семьи военнослужащих после гибели или пропажи их родных оставляли за собой право пользоваться льготами, которые у них были прежде²¹.

Изменение ситуации на фронте — изгнание врага с советской территории — вызвало необходимость корректировки политики государственного страхования. Возникла необходимость в проведении экспертизы для оценки различных строений, находившихся еще недавно на оккупированной врагом территории. С этой целью Наркомфин СССР опубликовал инструктивное письмо от 27 декабря 1943 г., в котором изложил алгоритм оценки состояния различных построек в целях осуществления в дальнейшем их страхования²².

Переход на новую систему страхования в стране в 1943 г. оказался очень непростым. Народный комиссариат финансов СССР в октябре 1943 г. был вынужден констатировать, что план поступления страховых взносов за третий квартал по индивидуальному страхованию жизни был выполнен в Российской Федерации лишь на 61,3%, а план выписки полисов — на 59,3%. Хуже всего страховые взносы собирались в Пензенской, Курганской, Кемеровской, Читинской, Рязанской областях, а также в Чувашии, Удмуртии, Калмыкии и Марийской АССР²³.

В рамках деятельности Госстраха в 1943 г. были совершены растраты, хищения и недостачи на общую сумму в размере 3,3 млн рублей²⁴. Несмотря на это, по результатам 1943 г. Госстрах СССР получил доход от обязательного и добровольного страхования в размере 2854,7 млн рублей. Но это был неокончательный доход, который Госстрах принес государству. К нему добавились еще и так называемые «разные доходы», состоявшие из доходов от процентов по счетам в Госбанке и сберкассах, доходов по иностранным страховым операциям и другие поступления, которые в общей сложности составили 2,6 млн рублей²⁵. В 1943 г. доходы от государственного страхования в СССР в два раза превысили расходы на выплаты страховых случаев²⁶.

В 1944 г. государство в лице Верховного Совета СССР запланировало получение доходов от социального страхования в размере почти 8 млрд рублей²⁷. В начале 1945 г. государство с оптимизмом смотрело в будущее. Этот оптимизм проявлялся и в планировании страхования советских людей. Понимая, что риски для жизни и состояния здоровья граждан стали совершенно иными,

страховые органы рассчитывали на увеличение прибыли от своей деятельности. Доходы соцстрахования в государственном бюджете СССР на 1945 г. были запланированы в размере 10 млрд рублей²⁸.

25 марта 1944 г. Наркомфином СССР было издано инструктивное письмо № 155 «Об ответственности Госстраха и льготах по страхованию жизни». Этот документ не привносил ничего нового в процесс страхования советских граждан, по-прежнему не учитывал условия реальной жизни того времени — массовые риски советских людей, находившихся как на фронте, так и в тылу. Вместо этого в документе акцентировалось внимание на совершенно второстепенных моментах, таких как сокрытие застрахованным от органов Госстраха своих болезней, в результате которых могла наступить смерть. В этом случае Госстрах надежней всего страховал себя: он отказывался от обязанностей выплаты страховки семье умершего, мотивируя это тем, что покойный утаил от органов Госстраха ту или иную болезнь²⁹. Надо ли объяснять, что агенты Госстраха всегда могли найти лазейку для того, чтобы уклониться от выплат семье умершего.

Система социального страхования советских граждан действовала на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. Она обеспечивала регулярное пополнение бюджета средствами, поступавшими за счет денежных перечислений граждан по страховым договорам, заключенным с Госстрахом. К сожалению, советская система страхования в годы Великой Отечественной войны не справилась с реальным обеспечением граждан материальной компенсацией, которая была бы адекватной тем рискам, которым были подвержены люди в условиях ведения широкомасштабных боевых действий.

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (Договор от 16 февраля 2015 г. № 14. W01.15.6540-МК).

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. — Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 238, 6 декабря 1936 года.
2. РОВИНСКИЙ Н.Н. Государственный бюджет СССР. М. 1944, с. 234.
3. ХУДАКОВ Д.Б. История сельскохозяйственного страхования в советский период (1921—1991 гг.): на примере Иркутского региона: дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2009; ФИЛИППОВ А.В. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования автотранспортных средств: дисс. канд. юр. наук. М. 2010; ШАРОВ Н. Роль обязательного страхования в капитализации средств страховых компаний: на примере страхового рынка Республики Таджикистан: дисс. канд. эконом. наук. Душанбе. 2007.
4. ЗАБОЛОТНЫЙ Е.В. Основные тенденции развития предпринимательства в сфере страхования: дисс. канд. эконом. наук. СПб. 2008, с. 28.
5. НИТЯГО И.В. Обоснование организационно-экономических мер государственной поддержки страхования урожаев сельскохозяйственных культур: На материалах предприятий АПК Новосибирской области: дисс. канд. эконом. наук. Новосибирск. 2002, с. 12; МОЛОТИЛЬНИКОВА О.Е. Повышение производительности труда на основе комплексного страхования в сфере сельскохозяйственного производства: дисс. канд. эконом. наук. Нижний Новгород. 2005, с. 18.
6. СУСЛЯКОВА О.Н., СЕРГИЕНКО Н.С. Особенности организации государственного страхования в России в довоенное и военное время. — Научное обозрение. 2015, № 5, с. 255—258.
7. Постановление СНК Союза ССР о страховой ответственности органов Госстраха. В кн.: Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам. 1941, октябрь, № 10, с. 8.

8. Инструктивное письмо НКФ Союза ССР от 16 июля 1941 г. № 594 «Об ответственности органов Госстраха за страховые случаи, происшедшие в результате военных действий». Там же, с. 9.
9. Инструктивное письмо НКФ Союза ССР от 19 августа 1941 г. № 661 об ответственности Госстраха по страхованию жизни. Там же, с. 9.
10. Постановление СНК СССР о сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство. Там же, с. 21.
11. Партизанское движение в Великой Отечественной войне 1941—1945. Военный энциклопедический словарь. М. 2007, с. 524.
12. Инструктивное письмо НКФ Союза ССР от 3 сентября 1941 г. № 684 о денежном обеспечении лиц, вступивших в партизанские отряды, и их семей. В кн.: Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам. 1941, октябрь, № 10, с. 21.
13. Инструкция НККО РСФСР и санитарного управления Красной армии от 16 июля 1941 г. о порядке трудоустройства и направления на обучение инвалидов войны. Там же.
14. Инструктивное письмо НККО РСФСР от 1 августа 1941 г. № 1-232-22 о порядке трудоустройства членов семей лиц, мобилизованных в Красную армию. Там же, с. 22.
15. Циркулярное письмо НККО РСФСР от 11 сентября 1941 г. № 1-266-22 о порядке пенсионирования лиц, пострадавших в результате вражеских действий. Там же, с. 24.
16. Циркулярное письмо НККО РСФСР от 11 сентября 1941 г. № 1-267-22 о выплате пособий в сельских местностях. Там же.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7625, оп. 15, д. 46, л. 1.
18. Постановление СНК СССР о добровольном страховании жизни. В кн.: Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам. 1943, № 3—4, с. 10.
19. РГАЭ, ф. 7625, оп. 15, д. 46, л. 2.
20. Постановление СНК СССР о добровольном страховании жизни. В кн.: Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам. 1943, № 3—4, с. 10.
21. Постановление СНК Союза ССР о льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны. Там же, 1943, № 9, с. 16.
22. Инструктивное письмо НКФ СССР от 27 декабря 1943 г. № 819 и ЦСУ СССР от 27 декабря 1943 г. № 149 об оценке строений для государственного страхования в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Там же, 1944, № 3, с. 8.
23. РГАЭ, ф. 7625, оп. 16, д. 25, л. 45.
24. Там же, л. 6.
25. Там же, д. 163, л. 3—3об.
26. Подсчитано автором по материалам РГАЭ.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 7523, оп. 15, д. 2, л. 23.
28. Там же, ф. 7733, оп. 30, д. 130б, л. 2.
29. Инструктивное письмо НКФ СССР от 25 марта 1944 г. № 155. В кн.: Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам. 1944, № 6, с. 10.

История выселения революционера-помещика В.А. Аверьянова в 1925—1927 гг.

В.А. Поляков

Аннотация. В работе изложены перипетии, которыми сопровождалось выселение землевладельца В.А. Аверьянова, дружившего в юности с Александром и Владимиром Ульяновыми, и участвовавшего в подготовке покушения на Александра III.

Ключевые слова: А.И. Ульянов, В.И. Ульянов-Ленин, покушение на Александра III, революционер, бывший помещик, выселение.

Abstract. The author states peripetias that accompanied the eviction of a landowner V.A. Averianov who was friends with Alexander Ulyanov and Vladimir Ulyanov and took part in preparing the attempt upon Alexander III life.

Key words: A.I. Ulyanov, V.I. Ulyanov-Lenin, attempt on Alexander III life, revolutionary, former landowner, eviction.

В советский период истории о выселении в середине 1920-х гг. бывших помещиков в научной литературе были лишь единичные упоминания¹. Историческая наука, базирующаяся на марксистско-ленинской методологии, исходила из ленинской констатации, что «... помещика-крепостника, собственника латифундий, смели сразу», «... мы в несколько недель и этих помещиков и все их традиции смели с лица земли русской до конца»². Но оказалось, что «смели» не всех. Лишившись собственности, кто-то из них, оставшись в местах прежнего проживания, попал в ту категорию людей, с кого началась первая советская переселенческая карательная кампания. Опыт, наработанный в ней, всего несколькими годами позже был использован при выселении уже миллионных масс раскулачиваемых в период социалистической коллективизации деревни.

С падением советского коммунистического режима иной стала ситуация и в научной сфере. С конца 1990-х гг. стали появляться публикации о судьбе не только действительно ранее крупных землевладельцев, но и о значительно расширенном круге лиц, к ним приравненных³ постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права пользования землей и проживания в принадлежавших им до Октябрьской революции хо-

Поляков Вячеслав Александрович — доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета. E-mail: vavpoliakov@rambler.ru; muzeum@volsu.ru.

Poliakov Vyacheslav A. — doctor of historical sciences, professor at the Volgograd State University. E-mail: vavpoliakov@rambler.ru; muzeum@volsu.ru.

зяйствах»⁴. В дополнение к нему 20 июня того же года последовал декрет ВЦИК «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации ими имущественных отношений»⁵. Всего, по данным на 14 мая 1926 г., на территории РСФСР было выселено 3 тыс. бывших помещиков⁶.

В связи с этим представляется научно важным рассмотреть историю той кампании на примере одной из российских семей, главой которой был Валентин Александрович Аверьянов. Судьба этого человека из числа нескольких тысяч обращает на себя особое внимание по целому ряду причин. Во-первых, это происходило в Ульяновской губернии — на малой родине В.И. Ульянова-Ленина. Во-вторых, Валентин Александрович удостоивался упоминания в литературе⁷ в связи с тем, что гимназические годы он провел рядом с детьми семьи Ульяновых — Александром и Владимиром и даже бывал у них дома. Чуть позже вместе со старшим из них увлекся народническими идеями и принял участие в подготовке покушения на Александра III, но виселица его миновала — наказанием стала каторга. Отбыв срок в Сибири, он порвал с политикой и занялся хозяйственной деятельностью. Но ее характер и перипетии с выселением научного отражения до сих пор не находили, что стало возможным восполнить по материалам 51-листного дела из фонда «Исполнительного комитета Симбирского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» Государственного архива Ульяновской области. В нем содержатся документы об имуществе Аверьянова, ряд личных заявлений и ответов на них из структур власти, выписки из постановлений комиссий, занимавшихся выселением, а также антиаверьяновские прошения местного партийно-комсомольского актива и реакция на них губернского комитета РКП(б), прокуратуры и ОГПУ.

На момент начала той жестокой акции, о чем свидетельствует удостоверение за № 33 от 19 марта 1925 г. за подписями председателя и секретаря Канабеевского (в других документах — Кандеевского) сельского совета, Аверьянов В.А. характеризовался как гражданин, вполне лояльный советскому режиму. Это нашло отражение и в четырех пунктах официального заключения: «1) с 1914 года Аверьянов безвыездно проживает в с. Матюнинки, Анненской вол. 2) с 1917 года ведет свое трудовое хозяйство. 3) землей пользуется на новых уравнильных началах, как желательный член общества. 4) землю обрабатывает лично своим трудом, что и удостоверяется»⁸.

Но этот документ из местных структур власти не мог быть и не стал препятствием для реализации тех решений, какие обуславливались программой Российской Коммунистической партии (большевиков) в области сельского хозяйства, гласившей, что «по отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии — политика РКП состоит в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской власти»⁹. Во ВЦИК последовало заявление от имени Валентина Александровича и Марии Антиповны Аверьяновых (за подписью последней), в котором говорилось: «Муж мой 64 лет от роду в 70—80 годах прошлого столетия принимал деятельное участие в революционном движении будучи школьным товарищем Александра Ильича Ульянова, был дважды судим царским правительством в частности по делу “Народная воля”, состоял в течении долгих лет под надзором полиции и был лишен права въезда в столичные города. В 1924 году в газете “На вахте” Ю.М. Бочаров начал печатанье воспоминаний моего мужа.

В 1914 году В.А. Аверьянов приобрел с переводом на него долга на кабальных условиях в Карсунском уезде близ с. Матюнинки, 266 дес. земли с постройками. В 1918 году вся земля, за исключением выделенной Аверьянову и его семье участка по трудовой норме на новых уравнильных началах отошла к государству. Землю Аверьянов при помощи своих двух сыновей — 17 и 15 лет лично обрабатывает. В семье Аверьяновых еще и дочь 10 лет.

В настоящее время по чисто формальным основаниям не исключена возможность, что В.А. Аверьянов может быть отнесен к числу бывших помещиков и, таким образом, старый революционер, 64 лет, обрабатывающий личным трудом клочок (так в тексте. — *В.П.*) земли под старость лет может быть лишен крова и куса хлеба в буквальном смысле этого слова. Этому верится с трудом и представляется невероятным, несколько раз местные власти в Ульяновске возбуждали вопрос о выселении Аверьянова с семьей, но по предложению Губкома РКП(б) выселение приостанавливалось.

Я прошу ВЦИК разъяснить в срочном порядке Ульяновскому Губисполкому, Губземуправлению и Губернской комиссии по проведению в жизнь декрета о выселении бывших помещиков, что В.А. Аверьянов с семьей выселению не подлежит»¹⁰.

Затем в октябре того же 1925 г. в губернскую комиссию по выселению бывших землевладельцев обратился с заявлением и сам Валентин Александрович. В дополнение к анкете, составленной о нем Анненковским волисполкомом как бывшем землевладельце, он посчитал необходимым сделать следующее добавление: «Я учился в Симбирской классической гимназии в одном классе с Александром Ильичём Ульяновым, жил сначала в доме Косолапова по Покровской улице, а потом через дом от них и бывал у Ульяновых ежедневно, а потому знаю семью Ульяновых очень близко. После гимназии встречался с Владимиром Ильичём часто в Самаре в бытность его. Принимал участие вместе с ним в революционной деятельности. Об этом периоде жизни Владимира Ильича в литературе нет почти никаких указаний, почему Самарский Истпарт и просил меня написать мои воспоминания. Московский профессор Бочаров обратился ко мне со слов Марии Ильиничны Ульяновой, чтобы мои воспоминания увидеть со ссылкой на газету “На вахте” за 1925 год. В течении всей жизни землевладельцем не был, всю жизнь служил управляющим имением у частных лиц, в 1914 году купил клочок земли на кабальных условиях, обремененный 4-мя закладными. В 1917 году потерял все, что имел...

Я не принадлежал к числу бывших землевладельцев, которых правительство намерено выселять, так как всю жизнь боролся с царским Правительством, понес наказание, был и под судом и в тюрьмах... Имею возраст 65 лет, правительство посчитает возможным оставить меня на месте и не выселять из моего дома»¹¹.

Тогда же, датируемые 21 октября, из оргинструкторского отдела Ульяновского губкома РКП(б) во фракцию РКП(б) Ульяновского губисполкома были направлены «заметки, присланные из редакции газеты “Правда” по делу Аверьянова»¹². Он сам уже 5 ноября того же 1925 г. вновь обратился к сестре Ульянова-Ленина, взывая о помощи:

«Глубокоуважаемая Мария Ильинична!

Мое близкое знакомство с Вашими братьями Александром Ильичём и Владимиром Ильичём дают мне если не право, то по крайней мере извиняют, что я вторично беспокою Вас настоящим письмом... пришлось беспокоить Вас прося оказать, прилагаемому во ВЦИК объяснению Вашу поддержку.

С истинным почтением глубокоуважающий Вас Валентин Аверьянов.

Мой адрес:... »¹³

Это заказное письмо¹⁴, судя по тому, что оно вместе с конвертом оказалось в аверьяновском деле, в Москву не дошло. Однако не считаться с неоднократными «сигналами» из редакции центрального партийного органа и столичных госструктур в Ульяновске не могли. Когда 23 ноября 1925 г. на секретном заседании президиума Ульяновского губисполкома заслушали требование губкома РКП(б), датируемое 21 октября, сообщить, в каком положении находится дело гражданина Аверьянова о выселении последнего как бывшего поме-

занимается партия». На самом деле она была причастна ко всему, что происходило в стране после захвата власти большевиками. И они сами в этом не сомневались, но по ленинской же методологии ²² иногда пытались дистанцироваться от содеянного.

Однако при мнимой непричастности партийных структур к каким-либо антинародным мероприятиям решения по ним достигались через советские административно-хозяйственные органы, которые возглавлялись коммунистами. Поэтому 23 февраля 1926 г. за подписями заведующего Ульяновским губернским землеустройством Караулова и заведующего подотделом государственного земельного имущества Липатова в Корсунское уездное земельное управление последовало распоряжение с напоминанием о том, что «постановлением Губисполкома от 23 сентября 1925 года постановление Губкомиссии о выселении бывших помещиков, по делу Аверьянова было отменено и предлагалось снять с учета постройки бывшие Аверьянова вместе с усадьбой землей, передав их последнему». Далее констатировалось: «Между тем по личному заявлению гражданина Аверьянова распоряжение Отдела не выполнено, ввиду чего Губземлеустройство с получением сего просит донести по каким причинам до настоящего времени не исполнено вышеуказанное распоряжение, а также донести о времени исполнения такового» ²³.

В то время, пока уездные земельные структуры власти занимались подготовкой исполнения указания своего вышестоящего органа, на имя ответственного секретаря губкома партии, с преамбулой «секретно — лично», поступило новое обращение от матюнинских комсомольских и партийных активистов, которые продолжали настойчиво добиваться выселения семьи Аверьянова. То письмо по форме и содержанию, что важно для понимания характерных особенностей взаимодействия советской партийной системы с ее приверженцами на местах, передает образ мыслей и устремления людей как писавших, так и читавших: «Мы вынуждены обратиться к вам с одним больным для нас, имеющим по нашему мнению весьма крупное политическое значение. Суть вопроса заключается в следующем. При сельце Матюшинка... жил когда-то помещик Аверьянов. Жил он как все помещики, то есть эксплуатацией окружающего населения. После октябрьской Революции он сумел сохранить за собой дом и продолжает жить в нем до сих пор, *живя, конечно, чужим трудом* (выделенный курсивом текст здесь и далее был подчеркнут красным карандашом. — В.П.). Но на этом история еще не кончается. За последнее время Аверьянов нашел покровителей в лице Губземотдела, отдавшее распоряжение о немедленной передаче Аверьянову его бывшей усадьбы со всеми постройками. Нам непонятна вся эта история. Сам Аверьянов распространяя такой слух, что он в 1915 году как-будто бы был каким-то революционером, поэтому мол ему и покровительствуют. Нас такое объяснение по вполне понятным причинам не удовлетворяет несколько. Писали по этому поводу во все концы, но пока без результатно. Население села, понятно смотрит с тревогой. И разговоры граждан сельца Матюшинки доходят до того, что: *“У бар была сила и нива раньше до 1918 года. Теперь уже 8 лет этого не существовало. На 9-й такая картина опять”*. Ячейка потеряла всякий авторитет через эту историю. Аверьянов подмогает — этому, распространяя про коммунистов и комсомольцев всякие небылицы. Будем надеяться, что вы своим личным вмешательством положите конец всей этой истории. С Коммунистическим Приветом Канабеевская ячейка Р.Л.К.С.М. и группа кандидатов ВКП(б). Отсек В. Зайцев. 2.03.1926 г.» ²⁴.

Вслед за этим в губернский штаб коммунистов поступил пространный доклад инструктора губкома ВКП(б) Ростова (выделенный курсивом текст в оригинале был подчеркнут читавшим его ответственным секретарем Ульяновского губкома партии): «По Вашему поручению я ездил в с. Матюнкино Карс.

у. выяснить на месте подробности в связи с выселением бывшего помещика Аверьянова из его усадьбы. Не касаясь его прошлой революционной деятельности я должен сказать, что при разговорах с населением, я сразу же столкнулся с резко-враждебным к нему отношением со стороны крестьян села. Имение Аверьянов купил перед империалистической войной за 50—60 тыс. руб. и с 1914 года и до революции насолил окружающим мужикам немало: это было у него, очевидно, период первоначального накопления, жал мужиков на каждой копейке, поденщики работали у него в поле за 15 копеек в день на своих харчах. Революция так его оглушила, что по словам всех он 3 года не выходил совсем из дома, прятался от людей как зверь. Каким-то образом, он уцелел, живя все время в своем доме, отобрали у него только землю и винокуренный завод. Начиная с 1922 года он начал владеть своей бывшей мельницей, кроме того, ему была выделена земля по норме, как всем крестьянам. Из разговоров со многими гражданами я убедился, что Аверьянов *никогда своим трудом не жил и как был паразитом, так и остался*. Только размеры паразитизма стали меньше.

Землю его обрабатывают целиком по найму. На мельнице работают наемные лица, при чем мельницей он владеет совместно с крупным кулаком села Стемас гр. Романовым, который за половину гарцевого сбора каждый год прудит за свой счет плотину. Аверьянов получает только годовую причитающуюся ему часть гарцевого сбора и даже продавать хлеб на базаре нанимает специальное лицо. *Даже мелкое обслуживание при доме делается наемными людьми. Когда на созванном заседании Канадейского с/Совета я спросил, как смотрит сельсовет на оставление Аверьянова в своей усадьбе, члены совета все в один голос заявили, что это будет безобразие.*

Все без исключения граждане говорят о том, что ни малейших признаков прошлой революционности от Аверьянова сейчас не чувствуется, он далек от Советской ориентации, далек от помощи местным органам и организациям в деле советского строительства. *Напротив — все заявляют, что он разлагает население совместно с кулаками ведет антикоммунистическую пропаганду. Особенно старается в этом направлении его жена.* В семье у него 3-е учащихся детей. Один сын почему-то учится даже в Измайловской фабричной школе (замечание об учащихся детях незамеченным не останется и обернется запросом в администрацию школы. — В.П. ²⁵). Все данные говорят, что выселение Аверьянова необходимо провести в жизнь, иначе будут бесконечные недоразумения с населением».

Фрагменты, отмеченные в докладе губернским партийным вождем, свидетельствуя об акцентированном внимании к проявлению любой антипатии к коммунистическим постулатам, стали основанием и для соответствующей такому взгляду резолюции от 19 марта 1926 г.: «Фракции Г.И.Ка на рассмотрение. Я считаю что постановление ГИКа об оставлении Аверьянова нужно отменить и выселение произвести» ²⁶.

Такой партийный вердикт, что вне всяких сомнений, стал определенно решающим в этом деле. Его пересмотр состоялся 23 марта 1926 г. на секретном заседании президиума Ульяновского губисполкома, где по вопросу о выселении бывшего помещика приняли следующее решение: «Согласиться с первым постановлением Губернской Комиссии по выселению и выселить Аверьянова из принадлежащего ему до Октябрьской Революции имения» ²⁷. 26 марта выписка из того протокола за подписью секретаря Иудина для сведения и исполнения поступила в Ульяновскую губернскую комиссию.

Так подошла к развязке несколько затянувшаяся нетипичная история с выселением «революционера-помещика», но Аверьянов и после этого предпринял еще одну попытку остаться на прежнем месте жительства. Об этом свидетельствует выписка из протокола секретного заседания президиума Ульяновс-

кого губисполкома от 22 апреля 1926 г., в которой говорилось: «Слушали: заявление гражданина с. Матюнинки Аверьянова В.А., ходатайствующего отсрочить выселение его как бывшего помещика подлежащего выселению согласно постановления Президиума ГИКа от 22 февраля сего года (пр. № 37) до 1 августа 1926 года ввиду болезни его жены. Постановили: отказать»²⁸.

Тогда выселяемый попытался добиться отмены этого решения через обращение в прокуратуру республики, но ответ из советского высшего контрольного органа ситуацию не изменил. Об этом свидетельствует «копия отношения Прокурора Республики за № 236а 903в23 от 5.06.1926 года по вопросу о выселении гражданина Аверьянова, как бывшего помещика», направленная 15 июня 1926 г. в губисполком за подписью прокурора Ульяновской губернии Татаркина. В документе говорилось: «Отдел Прокуратуры Н.К.Ю. объявляет, что формальных оснований к принесению протеста на постановление Губисполкома о вашем выселении нет, так как оно производится в соответствии с требованиями постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 20 марта 1925 года, что же касается заслуг Ваших перед Революцией, то согласно примечания к ст. 3 означенного постановления (Собрание Законов № 21, 1925 г.) право возбуждения ходатайства о выселении предоставлено Губисполкомам, и в настоящем деле Губисполком, учитывая ненормальные отношения с крестьянством, этого ходатайства не возбуждает. За Пом. Прокурора Республики Богомолов»²⁹.

Теперь, когда все формально декларировавшиеся юридические возможности для защиты личных интересов советских граждан были исчерпаны, должна была начаться процедура исполнения репрессивного акта. Практика подобного рода «мероприятий», обычно осуществлявшаяся в Советском Союзе без лишней канители, в данном случае по каким-то причинам вновь задержалась. В дело вмешались даже чекисты. 5 августа 1926 г. председателю комиссии по выселению бывших помещиков при губисполкоме Астахову под грифом «Совершенно секретно. 2-й экземпляр» поступило отношение от начальника Ульяновского губернского отдела ОГПУ с прилагавшейся информационной сводкой от 31 июля 1926 г. и требованием «о принятых мерах сообщить в ОГПУ».

Из материалов, полученных с помощью доносов, следовало, что «население с. Канабеевки и Ансикова Анненковской волости Корсунского уезда, чрезвычайно негодует против засилья помещиков Аверьянова и Красникова, которых до сих пор, несмотря на усилия партячейки, местной власти и самих граждан, выжить не удастся. Вопрос о выселении означенных господ сеет большие раздоры и создает две враждующие группы. Во главе меньшинства, правда очень активного, стоит комсомолец Зайцев. Было несколько распоряжений о выселении Аверьянова и столько же об отмене этого постановления. Безсилie группы Зайцева выселить помещиков тормозит всю общественную и политическую работу, так как Аверьянов пригрозил инициативной группе Зайцева судом за то, что они приостановили расхищение арендуемой Аверьяновым мельницы в момент, когда пришло последнее распоряжение о выселении Аверьянова. Последний хотел все главные и ценные части мельницы скрыть, а кампания Зайцева уследила это и мельницу отобрала в ККОВ и хотя ВИК и санкционировал это распоряжение, все же деревенскому активу создалась угроза суда. Ясно, что присутствие в селе помещиков не терпимо: они сеют раздор, ведут антисоветскую агитацию и пользуются землей не работая на ней (сообщено ГИКу)»³⁰.

Из этих закрытого характера чекистских сведений видно, что Аверьянов, сохранивший в себе революционный душевный запал, не смирившись с судьбой переселенца, продолжал противостояние с местными партийно-комсомольскими советскими активистами. К тому же из сводки видно, что по отношению к аверьяновской семье население в деревне разделилось на две группы, и

враждебность проявляло «меньшинство, правда очень активное, во главе которого стоял комсомолец Зайцев». Такая ситуация скорее всего и была тем решающим для переселяемого фактором, который сохранял надежду на возможность спокойного проживания на прежнем месте. Ведь при общей к себе неприязни сельчан столь длительное противостояние было бы сложным. А оно продолжалось вплоть до 1927 года.

Последним документом в деле революционного сподвижника детей семьи Ульяновых предстает копия выписки из протокола № 89 заседания Президиума ВЦИК от 17 января 1927 г. за подписью заведующего орготделом Ульяновского губисполкома Астахова: «постановление УГИКа о выселении бывшего помещика Аверьянова В.А. проживающего в Корсунском уезде, ВЦИКом утверждено и Аверьянов подлежит выселению, чем сообщается для надлежащего исполнения и объявления об изложенном Аверьянову»³¹.

Таким был победный финал для революционно настроенного партийно-комсомольского актива маленького села, хотя по времени выселение бывшего революционера-помещика и оказалось столь затянувшимся³². А вот то, куда состоялся его переезд, из рассмотренного архивного дела не видно. Вместе с тем в литературе краеведческого характера есть упоминание, что в 1929 г. Валентин Аверьянов участвовал в деятельности комиссии по созданию Дома-музея В.И. Ленина³³. Этот факт дает надежду на не столь трагичную последующую жизнь человека, у которого в молодости были революционные устремления.

Примечания

1. См., например: ТРИФОНОВ И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М. 1975, с. 266—272.
2. ЛЕНИН В.И. Речь о годовщине революции. 6 ноября 1918 г. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 37. М. 1969, с. 141—142; ЕГО ЖЕ. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. 14.X.1921 г. Там же. Т. 44. М. 1970, с. 146.
3. ЯЩЕНКО С.В. Советская власть и помещики (1917—1927 гг.) (на материалах Орловской и Смоленской губерний). В кн.: Страницы прошлого Брянского края. Брянск. 1998; МАЛОВА Н.А. Выселение бывших помещиков из АССР НП в 1920-е гг. Немцы в России и СССР. М. 2000; ЛОЗБЕНЁВ И.Н. Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах центральной России в 1925—1927 годах. — Российская история. 2009, № 1, с. 81—86.
4. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 29.III.1925.
5. Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1925, № 44.
6. ЛОЗБЕНЁВ И.Н. Ук. соч., с. 83.
7. ТРОФИМОВ Ж.А. Дух революции витал в доме Ульяновых: Симбирские страницы биографии В.И. Ленина. М. 1986, с. 75, 86—91, 101.
8. Государственный архив Ульяновской области (ГА УО), ф. Р-200, оп. 1, д. 22, л. 2.
9. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков). Принята на VIII съезде РКП(б) 18—23 марта 1919 г. КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 88.
10. ГА УО, ф. Р-200, оп. 1, д. 22, л. 3.
11. Там же, л. 6—6об.
12. Там же, л. 8.
13. Там же, л. 9.
14. Там же, л. 10.
15. Там же, л. 7.
16. Там же, л. 19.
17. Там же, л. 23.
18. Там же, л. 40—41об.
19. Ленин В.И. — Г.Е. Зиновьеву. 26.VI.1918. Полн. собр. соч. Т. 50. М. 1970, с. 106.
20. ГА УО, ф. Р-200, оп. 1, д. 22, л. 29.

21. Там же, л. 26.
22. Так, В.И. Ульянов-Ленин, ставя в феврале 1922 г. наркому юстиции Д.И. Курскому задачу «усиления репрессии против политических врагов Соввласти...», оговаривал это условием: «Ни малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно. Пусть, кто хочет, выступает за своей подписью, не упоминая меня...»
ЛЕНИН В.И. О задачах наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.И. Курскому. 20.II.1922. Полн. собр. соч., т. 44, с. 400.
23. ГА УО, ф. Р-200, оп. 1, д. 22, л. 21—21об.
24. Там же, л. 14—14об.
25. На запрос последует ответ, отражающий готовность школьных партийцев внести и свою лепту в репрессивные мероприятия также в отношении детей: «Секретно. Уполномоченному ГКК по Карсунскому уезду из служебной записки от Измайловской суконной фабрики от 18 мая 1926 года.
На Ваше отношение от 11 марта за № 106/с сообщается, что в Измайловской школе 9-летке действительно учатся дети Аверьянова 2 человека. О принадлежности их к семье бывшего помещика ячейка не знала до Вашего запроса. Сообщите, что сделать с нашей стороны. Секретарь Измайловской ячейки ВКП(б). [Подпись]».
ГА УО, ф. Р-200, оп. 1, д. 22, л. 47.
26. Там же, л. 25—25об.
27. Там же, л. 24.
28. Там же, л. 31—31об.
29. Там же, л. 33—34.
30. Там же, л. 48—50.
31. Там же, л. 51.
32. Такая же, то есть типичная история предстает в романе-хронике «Кануны» известного советского писателя В.И. Белова, где он повествует о выселении и аресте в 1929 г., по инициативе местного партийного активиста, бывшего помещика В.С. Прозорова, который тоже в молодости занимался антигосударственной революционной деятельностью. См.: БЕЛОВ В.И. Кануны: Хроника конца 20-х годов. М. 1988, с. 122—128, 287.
33. ТРОФИМОВ Ж.А. Ульяновы. Поиски, находки, исследования. Саратов. 1978, с. 183.

Кавказский военно-исторический музей: от сохранения памяти к забвению

Т.А. Колосовская

Аннотация. В работе анализируется влияние Кавказского военно-исторического музея (КВИМ) на формирование историко-культурного пространства российской провинции. Опираясь на малоизвестные архивные документы, автор рассматривает историю создания музейных коллекций и их судьбу в переломный для страны период революции и гражданской войны.

Ключевые слова: историческая память, военные музеи, история музейного строительства, российская провинция, Кавказский военно-исторический музей.

Abstract. The work focuses on the analysis of the Caucasus Museum for Military History influence on the foundation of the Russian province social and cultural space. Based on the rare and forgotten documents, the author study the history of Museums funds collecting and trace their lot in the Russian history nadir of the revolutions and Civil War.

Key words: historical memory, Museums for Military History, history of the funds foundation, Russian province, Caucasus Museum for Military History.

Важными социальными институтами, отражающими интеллектуальный и культурный климат эпохи, были и остаются музеи. Обращение к их деятельности позволяет не только пролить свет на страницы истории музейного дела, но и обратить внимание на механизмы сохранения и передачи из поколения в поколение исторической памяти и культурного наследия. Обратимся к конкретным материалам и рассмотрим проблему сохранения исторической памяти и забвения на примере Кавказского военно-исторического музея (конец XIX — начало XX в.). Среди военных музеев империи он выделялся значительным количеством и содержанием экспонатов, а по охвату всех отраслей военного дела являлся единственным в России музеем подобного рода ¹.

История создания и деятельности Кавказского военно-исторического музея (КВИМ) уже привлекала к себе внимание исследователей ², но разработана эта тема пока недостаточно полно. В рамках настоящей работы будет рассмотрено влияние КВИМ на формирование историко-культурного пространства российской провинции, в частности, такие малоизученные вопросы как по-

Колосовская Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь. E-mail: kolosowskay@yandex.ru.

Kolosovskaya Tatyana A. — candidate of historical sciences, associate professor of the North-Caucasus Federal University. Stavropol. E-mail: kolosowskay@yandex.ru.

полнение музейных коллекций и их судьба в переломный для страны период революции и Гражданской войны. Источниковой базой исследования служат разнообразные документы (справки, отчеты, официальная переписка), хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) и Государственном архиве Ставропольского края (ГА СК).

Создание КВИМ стало одним из проявлений идеи сохранения памяти военного прошлого Кавказа, реализация которой происходила в различных формах. В начале 1870-х гг., по инициативе главнокомандующего на Кавказе великого князя Михаила Николаевича, было создано специальное периодическое издание — «Кавказский сборник», на страницах которого публиковались воспоминания участников военных действий на Кавказе. Для подготовки очередных томов сборника при штабе Кавказского военного округа организовали Военно-исторический отдел. Его немногочисленный штат занимался редактированием полковых историй кавказских частей, обследованием военных архивов региона и выявлением в них документов для подготовки военно-политической истории Кавказа. Кульминацией подобной деятельности стало предложение нового главы военной администрации, командующего Кавказским военным округом А.М. Дондукова-Корсакова открыть музейное учреждение, представляющее во всей полноте подвиги солдат и офицеров на полях сражений русско-турецких и русско-иранских войн XVIII—XIX вв., а также в ходе военного противостояния с горцами Северного Кавказа.

Идея создания такого памятника славы русского оружия на Кавказе была поддержана на самом высоком уровне. На ее реализацию Военное министерство выделило 80 тыс. руб. с распределением на 4 года. Осенью 1884 г. первая часть средств поступила в распоряжение Дондукова-Корсакова³. На полученные деньги в центре Тифлиса приступили к строительству специального здания музея. Одновременно развернулись работы по формированию фондов с целью собрать все, что еще уцелело и может быть найдено.

Новость о создании КВИМ нашла понимание и сочувствие в обществе. «Всеми ясно сознавалось, — писал современник, — что уже давно настала пора иметь учреждение, где были-бы, так сказать, подведены итоги той упорной кровопролитной вековой борьбе на Кавказе, которая закончилась около двадцати пяти лет назад и память о которой в новых поколениях края стала мало по малу исчезать. Все сознавали, как необходимо иметь учреждение, доступное пониманию массы, где можно бы было узнать настоящим новым поколениям народов Кавказа, выросшим в мире, без бранных тревог, о том — кого они должны благословлять за этот мир и кто те, которые добыли этот мир, давший им счастье пользоваться благами цивилизации...»⁴ Музей должен был показать, какой дорогой ценой (потери людей и значительные материальные затраты) был достигнут мир на Кавказе, и подчеркнуть роль российских императоров в мироустройстве региона. «Узнав-же все это, разноплеменные посетители такого учреждения, особенно юные из них, научились бы еще более любить русских императоров и русский народ и еще душевнее присоединились-бы к этому великодушному народу, для достижения общей для них цели — работать дружно на пользу и величие Российской империи»⁵.

Одно из важных мест в будущем музее отводилось исторической живописи. Написание картин поручили уроженцу Одессы Францу Алексеевичу Рубо — молодому и в то время еще малоизвестному художнику. По заданию Военного министерства он приступил к созданию серии полотен, отражавших события военной истории Кавказа начиная с Персидского похода Петра I и заканчивая русско-турецкой войной 1877—1878 годов. В дальнейшем ряд картин для

музея создали Н.С. Самокиш и И.К. Айвазовский, а стены музея украсили портреты императоров и выдающихся кавказских деятелей.

Историческая живопись помогала посетителям погружаться в атмосферу эпохи. Тем не менее, в музее, имеющем военно-ученое, историческое и воспитательное значение, она могла играть лишь роль декораций. Главное место должны были занимать вещественные источники ушедшей эпохи, как фундаментальная часть каждого музея. С поиском последних, однако, у устроителей КВИМ возникли большие трудности.

Отчасти эта проблема решалась за счет пожертвований непосредственных участников событий или их ближайших родственников. Гордостью музея стало холодное оружие, принадлежавшее Кавказскому наместнику М.С. Воронцову, а также чернильница и подзорная труба, сопровождавшая Командующего Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевича во всех его походах времен русско-турецкой и русско-иранской войн. Вдовой графа Н.И. Евдокимова музею были подарены большой альбом в серебряном переплете с портретами сослуживцев мужа и шашка боевого генерала, а также кинжал, которым он был тяжело ранен в 1840 г. во время службы приставом в Дагестане ⁶. Но такие частные пожертвования не могли кардинально решить проблему формирования музейных фондов.

2 декабря 1887 г. Дондуков-Корсаков обратился в Главный штаб с ходатайством о пожертвовании в создаваемый им музей военных трофеев: знамен, ключей от городов и других предметов, добытых кавказскими войсками и находящихся на хранении в соборах Москвы и Петербурга. «Для довершения целей, которые преследуются сооружением в Тифлисе военного музея, я признаю положительно необходимым иметь в нем хоть малую часть боевых трофеев, добытых в боях Кавказскими войсками, — писал командующий. — Трофеи эти в громадном числе разбросаны по разным соборам Москвы и Петербурга, где в массе других знамен не могут иметь того исторического значения, какое приобретут они в музее, как живая хроника славных побед Кавказской армии. Отделение некоторой части их не ослабит украшение храмов, — подчеркивал он, — а между тем в музее они несомненно будут производить огромное нравственное влияние на молодое поколение, традиционно воспитывающееся на боевых кавказских преданиях» ⁷. К ходатайству командующего был приложен список, в котором указывались знамена и другие военные трофеи русско-турецких и русско-иранских войн из Казанского, Преображенского, Петропавловского, Троицкого соборов Петербурга, а также из Чудова монастыря Московского кремля.

Особый интерес для устроителей музея представлял трон наследного персидского принца Аббаса-Мирзы. Это был главный трофей русско-иранской войны 1826—1828 гг., взятый при занятии г. Тавриза (резиденции персидского наследного принца) русскими войсками. Он хранился в Оружейной палате Московского кремля и представлял собой старинное кресло, обитое малиновым бархатом и украшенное золотом. Там же находились пушки, отлитые в местном арсенале персидскими мастерами по распоряжению И.Ф. Паскевича-Эриванского, в память пребывания русских войск в г. Тавризе в 1827 году.

Не меньшее значение отводилось трофеям Кавказской войны, находящимся на хранении в Императорском Эрмитаже. В списке упоминалась сабля, взятая Паскевичем у предводителя джарцев, ружье Гамзат-Бека, знамя, отнятое у Кази-Муллы, секира и две палицы Шамиля, секира Анцухского наиба и орденские знаки, установленные Шамилем ⁸.

Для выполнения просьбы Дондукова-Корсакова Главный штаб приступил к сбору сведений о военных трофеях кавказских войск, хранящихся в Москве и Петербурге. В итоге было выявлено: в Преображенском соборе — 181 знамя,

Вновь был поставлен вопрос о передаче из Московской Оружейной палаты трона наследного персидского принца Аббаса-Мирзы и тавризских пушек. Из Артиллерийского исторического музея планировали забрать старые знамена Кавказской армии времен Петра I, Елизаветы, Екатерины II и Павла I. На Монетном дворе Петропавловской крепости хотели приобрести в двух экземплярах полную коллекцию больших бронзовых медалей графа Толстого в память о войнах на Кавказе 1826—1829 гг., а из Собственного его величества конвоя взять полное вооружение 2-го взвода (черкесского): шишак, панцирь, налокотники, лук, колчан со стрелами и прочие принадлежности¹⁵.

Император Николай II поддержал просьбу Кавказского наместника и решил передать в Тифлис «те из указанных генерал-адъютантом графом Воронцовым-Дашковым предметов и трофеев, кои представится возможность, без ущерба для дела, выделить как из ведения Министерства императорского двора, так равно и из других ведомств»¹⁶.

Получив согласие императора, Главный штаб стал срочно выяснять, какие из запрашиваемых предметов могут быть отправлены на Кавказ. Оказалось, что турецкие знамена войны 1828—1829 гг., хранящиеся на стенах Преображенского собора, совершенно истлели. Из отношения ктитора этого собора от 2 августа 1906 г. следовало: «При ремонте собора 8 лет тому назад, когда их (знамена. — Т.К.) надо было отделить от стен, они совсем рассыпались, так что только с помощью мелких гвоздей и клея обойщику удалось придать им приличный вид на стенах. Поэтому я полагаю, что снимать знамена со стен собора не следует. Кроме того, знамена не имеют ни надписей, ни номеров, так что невозможно исполнить желание наместника и отобрать несколько знамен, взятых в главнейших сражениях»¹⁷. В такой ситуации Потто пришлось приложить немалые усилия для положительного разрешения вопроса. После его личных переговоров с ктитором удалось получить согласие на передачу шести знамен (в том числе флага крепости Анапы) и жезла Эрзерумского сераскира¹⁸.

В целом, в решении вопроса о пополнении фондов КВИМ Главный штаб посчитал целесообразным «ограничиться наименьшим числом предметов и трофеев»¹⁹, исходя из следующего тезиса: «Помещенные в стенах военных соборов и артиллерийского исторического музея памятники минувших войн служат назидательным примером для целых поколений не только нижних чинов той или другой войсковой части, но и для всех воинских чинов расположенных в столице частей или в нее прибывающих, — отмечалось в докладе. — Таким образом представляется в высшей степени нежелательным рассредоточение из столицы славных памятников прошлого, напротив, было бы крайне желательно сосредоточить их в крупные исторические музеи, составляющие достопримечательности столиц, посещаемые приезжающими»²⁰. Такая позиция во многом объясняется активно обсуждаемыми в начале XX в. проектами создания в России единого военно-исторического музея²¹.

Тем не менее, вопрос был решен положительно, и 2 сентября 1906 г. на докладе по Главному штабу «О передаче военно-историческому музею в г. Тифлисе предметов и трофеев» император собственной рукой написал «Согласен»²². Для перевозки в Тифлис около ста знамен, трона Аббаса-Мирзы, трех орудий, ящиков с оружием и других предметов в распоряжение Потто был передан вагон 2-го класса и одна платформа «дабы все названные предметы, из которых многие требуют самого осторожного обращения, могли быть доставлены в место назначения без перегрузки...»²³ Под охраной вооруженного конвоя пожалованные предметы были благополучно доставлены в Тифлис.

11 февраля 1907 г. состоялось торжественное открытие КВИМ. С этого времени широкое распространение получило его второе название — «Храм Славы», появление которого связали с пребыванием на Кавказе в 1888 г. импера-

тора Александра III. Правила посещения музея рассматривали в качестве его потенциальной аудитории не только военнослужащих (для которых вход в музей был бесплатным), но и гражданских лиц (стоимость входного билета составляла 20 коп.). Приветствовались коллективные посещения группами нижних чинов, воспитанников военно-учебных и гражданских заведений²⁴.

КВИМ не был закрытым учреждением военного ведомства и активно влиял на формирование социальной среды, способной к восприятию смыслов и ценностей империи. Практическую значимость такой деятельности подчеркивали сами устроители музея: «Кавказский военно-исторический музей — это тот величественный памятник победоносной Кавказской армии, на котором все народности Кавказа — русские, грузины, армяне, мусульмане — найдут имена своих героев, совершивших великое дело умиротворения Кавказа для его культурного развития и запечатлевших кровью своей беззаветную верность Царю и Родине»²⁵.

«Храм Славы» стал активным и действенным средством популяризации знаний о военной истории в контексте имперской концепции присоединения Кавказа к России. Для посетителей был разработан Указатель, который позволял познакомиться с ходом военных событий на основе подробного описания представленных в музее предметов. В нем каждый портрет имел свою биографию, каждый трофей — свою историю²⁶. Особый отдел музея составляла библиотека. В ней были представлены издания по военной истории Кавказа, собрание рукописей и документов по истории Кавказской войны. К ним обращался Л.Н. Толстой в ходе работы над своей знаменитой повестью «Хаджи-Мурат». Материалы музея публиковались в «Кавказском сборнике» и выходили отдельными изданиями. Руководители музея — В.И. Томкеев (в 1912 г.) и С.С. Эсадзе (с 1913 г.) — были знатоками военной истории Кавказа и авторами основательных работ по кавказской тематике²⁷.

В годы первой мировой войны, в условиях приближения театра военных действий к Тифлису было принято решение об эвакуации музея. В конце 1914 г. музейные коллекции упаковали в ящики и по железной дороге отправили в г. Ставрополь, который был определен конечным пунктом эвакуации. По свидетельству очевидцев, в город прибыло более 200 ящиков в 21 вагоне²⁸. Их временно разместили в доме Венецианова по Николаевскому проспекту (сейчас пр. К. Маркса).

После провозглашения Советской власти в Ставрополе имущество КВИМ оказалось брошенным на произвол судьбы. 15 мая 1918 г. недавно созданный штаб Красной армии, желая занять дом Венецианова, потребовал немедленного освобождения его от музейных экспонатов. Узнав об этом, один из местных музейных деятелей, основатель и попечитель Ставропольского городского музея Г.К. Пправе отправился к указанному дому и застал там следующую картину: «Верхняя перемычка над входной дверью была сломана для увеличения выходного отверстия. 18 ящиков с имуществом музея были уже вывезены. Все большие ящики с картинами были вскрыты с одной стороны вероятно для проветривания картин, т.к. помещение было очень сырое, несколько ящиков, по-видимому с оружием, было взломано и часть оружия разбросано в нижнем помещении музея»²⁹.

Опасаясь за сохранность имущества, брошенного на произвол судьбы, Пправе немедленно обратился в Ставропольский Совет народных комиссаров с просьбой «принять меры к охране имущества музея и приостановки вывозки его, столь беспорядочной и опасной для его целостности»³⁰. Ходатайство Пправе было услышано: постановлением местного СНК имущество «Храма Славы» было муниципализировано и передано в собственность Ставропольского городского музея³¹.

В то время Ставропольский городской музей располагался на втором этаже здания Гостиного двора на Александровской площади. Из-за непрочности половых балок верхнего этажа городской архитектор не разрешил сложить все экспонаты «Храма Славы» на свободной, неотделанной половине музея. Все тяжелые предметы, в том числе медные и стальные пушки, ядра, каменные плиты и ящики со знаменами, оставили внизу, под музеем, в отдельном помещении. Туда же перенесли и доски от громоздких разобранных ящиков с картинами, которые вынимались из рам и отдельно переносились на руках под присмотром персонала музея и с его помощью. Иначе в неразобранном виде их невозможно было внести в помещение. Вследствие плохой упаковки многие гипсовые скульптуры и модели оказались разбиты. Впоследствии они были реставрированы в мастерской городского музея при участии гостившего в городе скульптора М.В. Хаскина — всего 20 гипсовых фигур и групп и две модели судов³².

Единственным документом, указывавшим состав имущества «Храма Славы», был никем не подписанный перечень ящиков с кратким указанием их содержимого. При этом, по замечанию Пправе, сведения этого документа не всегда соответствовали действительности.

Для переноса экспонатов «Храма Славы» был задействован немногочисленный штат городского музея и семья Пправе. С поставленной задачей им удалось справиться в течение трех с половиной дней, и это несмотря на сильный ветер, тормозивший работу. Вывезенные ранее 18 ящиков с музейным имуществом были обнаружены в доме Ерганжиева и также перевезены в городской музей.

В течение двух с половиной месяцев ставропольские музейщики описывали и размещали перенесенные экспонаты в весьма тесных помещениях городского музея. Работа часто длилась до первого часа ночи. Все ящики, плотно запакованные и неповрежденные, а также те, на которых сохранились печати и замки, не были раскупорены, а помещены в хранилище в том виде, в каком были найдены при перевозке.

«Ценность всего сохраненного земско-городским музеем имущества колоссальна, — подчеркивал Пправе, — так как одних знамен имеется 12 больших ящиков (еще не вскрытых до сих пор), масса серебряных труб и столовых приборов, принадлежавших ранее различным Кавказским полкам и вероятно переданных ими Тифлисскому музею, немного серебряных монет и много золотых и серебряных орденов и медалей и чрезвычайно ценного исторического материала и имущества. Особенно ценным следует признать собрание больших масляных полотен таких художников как Рубо, Самокиш, Айвазовский и др., а также большая коллекция масляных портретов деятелей покорения Кавказа и исторических лиц. Много ценных и редких гравюр и литографий»³³.

В условиях Гражданской войны город несколько раз переходил из рук красных в руки белых и наоборот. В такой, говоря словами самого Пправе, «сложной политической ситуации» музейщики пытались организовать полноценную работу городского музея. Осенью 1918 г., чтобы освободить помещение музея для посетителей, они вынесли часть картин на улицу. Заносить их обратно пришлось уже под обстрелом развернувшихся в городе уличных боев³⁴.

В переходные моменты на музей не раз совершались нападения довольно значительных (до 25 чел.) групп лиц, которых Пправе называл «самозванными обыскивателями». «Искусное» (именно это определение использовал Пправе) размещение предметов музея и самоотверженная защита его зрителем музея Елисеем Романовичем Ходариным, жившим при музее, и заведующей музеем Анны Яковлевны Денисевич помогло сохранить в неприкосновенности большую часть имущества. Исключение составили нескольких шашек и кинжалов, расхищенных одной из шак.

В 1920-м г., после завершения Гражданской войны, судьба экспонатов «Храма Славы» оказалась в руках Ставропольской губернской секции по охране памятников искусства и старины. Возглавивший ее Василий Ракшевский организовал новую опись всего имущества музея. Для этого была создана специальная комиссия в составе представителей Секции по охране памятников искусства и старины, губернского Рабкрин, Губфинотдела, Ставропольского городского музея (с 1920 г. Центрального народного музея им. М. Праве). В. Ракшевским была организована также промывка картин и другого имущества³⁵.

В итоге проведения описи Ставропольской секцией по охране памятников искусства и старины было: «а) принято на учет 14 картин, писанных масляными красками; б) пересмотрено свыше 73 портретов Кавказских деятелей, писанных масляными красками и представляющих большую ценность в качестве исторических памятников; в) описано и принято на учет 58 литографий и гравюр, а также несколько гипсовых, медных и чугунных статуэток; г) принято на учет 58 фотографических снимков с натуры и с картин художников; д) описано и принято на учет 1890 предметов, сделанных из благородных металлов, к числу коих относятся: золотые ордена, золотые и серебряные медали, серебряные Георгиевские трубы, серебряные братины, ковши, стаканы, чарки, ложки, кольца для салфеток, ножи, вилки и т.п.»³⁶. Часть этих предметов принадлежала «Храму Славы», другие были переданы ему на хранение разными воинскими частями после начала первой мировой войны.

Во время проведения описи комиссия обратила внимание на то, что здание Центрального народного музея не приспособлено для хранения ценных предметов и не имеет военного караула³⁷. Словесные переговоры с Губревкомом о выделении специальной охраны ни к чему не привели. По распоряжению Предгубревкома от 25 декабря 1920 г. за № 5447 экспонаты из золота и серебра, которые были обнаружены при вскрытии ящиков с имуществом «Храма Славы», были переданы в кладовые Губфинотдела³⁸.

Впоследствии проблема обеспечения целостности и сохранности переданных в Губфинотдел экспонатов волновала не только ставропольских музейщиков. В фондах ГИМ отложилась официальная переписка по этому вопросу Уполномоченного Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе Д.М. Павлова (г. Пятигорск). «Соглашаясь с тем, что в интересах безопасности экспонаты следовало изъять временно из музея», Павлов находил «не вполне безопасным и совершенно нерациональным дальнейшее пребывание их в кладовых финотдела» и просил уполномочить его или «специально командированное в Ставрополь лицо на право перевоза экспонатов в Кубанский музей, если ставропольцы не обеспечат должной сохранности их в своем музее»³⁹.

Павлов выступал с инициативой создания Северо-Кавказского Центрального музея, в состав которого должны были перейти экспонаты бывшего КВИМ. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В 1923 г. его имущество было реэвакуировано в Тифлис. После этого как единое целое КВИМ перестал существовать, пополнив «печальный мартиролог разрушенных, уничтоженных, погибших по ряду причин и расплывшихся военно-исторических коллекций»⁴⁰.

Таким образом, КВИМ являлся не только средством сохранения исторической памяти и культурного наследия, но и выступал символом могущества государства, инструментом его идеологической политики на кавказской окраине. Возникнув по инициативе военной администрации, он оказывал существенное влияние на массовое историческое сознание российской провинции, пропагандируя идеи единого Отечества и объединения народов под скипетром российского монарха. После революционных событий 1917 г. в иных политических реалиях потребность в функционировании такого учреждения отпала.

Новая власть не была заинтересована в сохранении имперского символа могущества на Кавказе. Единственными, кто остались равнодушными к судьбе музея, оказались местные музейные деятели. В переходный период российской истории их активная гражданская позиция спасла музейные коллекции от разграбления и окончательного уничтожения. Но как единое целое музей восстановлен не был. Его коллекции растворились в фондах региональных музеев и были забыты, как, впрочем, и многие события военной истории Кавказа.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-01-12012.

1. ВОРОБЬЁВ Т.И. Гибель «Храма Славы». — Вестник музея-панорамы «Бородинская битва». Вып. III. М. 2006, с. 120.
2. ЛАПИН В.В. Кавказская война XVIII—XIX веков в исторической памяти. — Россия XXI. 2007, № 6, с. 82—101; МАКСИМЧИК А.Н. Кавказский военно-исторический музей. История и судьба уникального музейного собрания. — Кавказский сборник. М. 2015, с. 262—292.
3. Кавказ. 1884, № 247.
4. Кавказский календарь на 1889 г. Тифлис. 1888, с. 49.
5. Там же, с. 50.
6. ПОТТО В.А. Царская семья на Кавказе 18 сентября — 14 октября 1888 г. Тифлис. 1889, с. 147.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400, оп. 2, д. 8031, л. 1—1об.
8. Там же, л. 2—3об.
9. Там же, л. 82—82об.
10. Там же, л. 82об.
11. Там же, л. 97.
12. Там же, л. 97об.—98.
13. Там же, ф. 400, оп. 2, д. 8286, л. 1—1об.
14. Там же, л. 2—2об.
15. Там же, л. 4.
16. Там же, л. 1об.
17. Там же, л. 21.
18. Там же, л. 23.
19. Там же, ф. 400, оп. 2, д. 8286, л. 27.
20. Там же, л. 26об.—27.
21. КУЗНЕЦОВ А.М. Нереализованный проект (О создании единого военно-исторического музея). — Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории. Вып. VI. СПб. 2011, с. 111—117.
22. Там же, л. 28.
23. Там же, л. 35—35об.
24. Кавказский календарь на 1909 г. Тифлис. 1908, с. 925.
25. Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис. 1915, с. III.
26. Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис. 1907.
27. ПОТТО В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. СПб. 1887—1889; ЕГО ЖЕ. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. I—II. Тифлис. 1906—1909; ТОМКЕЕВ В.И. Кавказская линия под управлением генерала Емануеля. — Кавказский сборник. Тифлис. 1898, т. 19; 1899, т. 20; ЭСАДЗЕ С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис. 1914.
28. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК), ф. 1043, оп. 1, д. 73, л. 10об.
29. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 54, оп. 1, ед. хр. 1018, л. 77.
30. Там же.
31. Там же.
32. ГА СК, ф. 1043, оп. 1, д. 73, л. 10об.
33. ОПИ ГИМ, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 1018, л. 77.
34. ГА СК, ф. 1043, оп. 1, д. 73, л. 10об.
35. Там же.
36. Там же, ф. Р-645, оп. 1, д. 10, л. 4.
37. Там же.
38. ОПИ ГИМ, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 1018, л. 77об.
39. Там же, л. 197—198.
40. ВОРОБЬЁВ Т.И. Ук. соч., с. 114.

Contents

Articles: **V.E. Bagdasaryan, S.I. Resnianskiy.** Search of the «Masonic conspiracy» and the crisis of the right ideology in pre-revolutionary Russia. **Historical profiles:** **S.I. Mikhailchenko.** Fedor Vasilyevich Taranovsky. **Historical publicistic:** **E.A. Susloparova.** Soviet Russia in 1920 Through the Eyes of an Englishwoman Ethel Snowden. **Contributions:** **P.S. Grebenyuk.** Economic efficiency of Dal'stroy gold-mining (1932—1956); **I.A. Popp.** Peasants' justice in post-reform period; **B.H. Rozkov.** The origin of the name Moscow in the context of the medieval history of the Volga-Oka interfluvium; **M.P. Beljaev.** The origins of Prussian militarism; **N.M. Valikhanli.** Once again about Azerbaijan's boundary in IXth-Xth centuries. **Diplomacy in history:** **R.N. Ismagilova.** Ethiopia: history of the Somali; **N.R. Gezalova.** Conclusion of the Turkmanchay Treaty and the policy of Great Britain. **People. Events. Facts:** **A.V. Zotova.** The Soviet system of insurance in conditions of the Great Patriotic war; **V.A. Poliakov.** The History of the revolutionary-landowner V.A. Averianov's eviction in 1925—1927; **T.A. Kolosovskaya.** Caucasian military-historical Museum: from saving memories to oblivion.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 9, 2017

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.08.2017. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900 Заказ 3934-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**